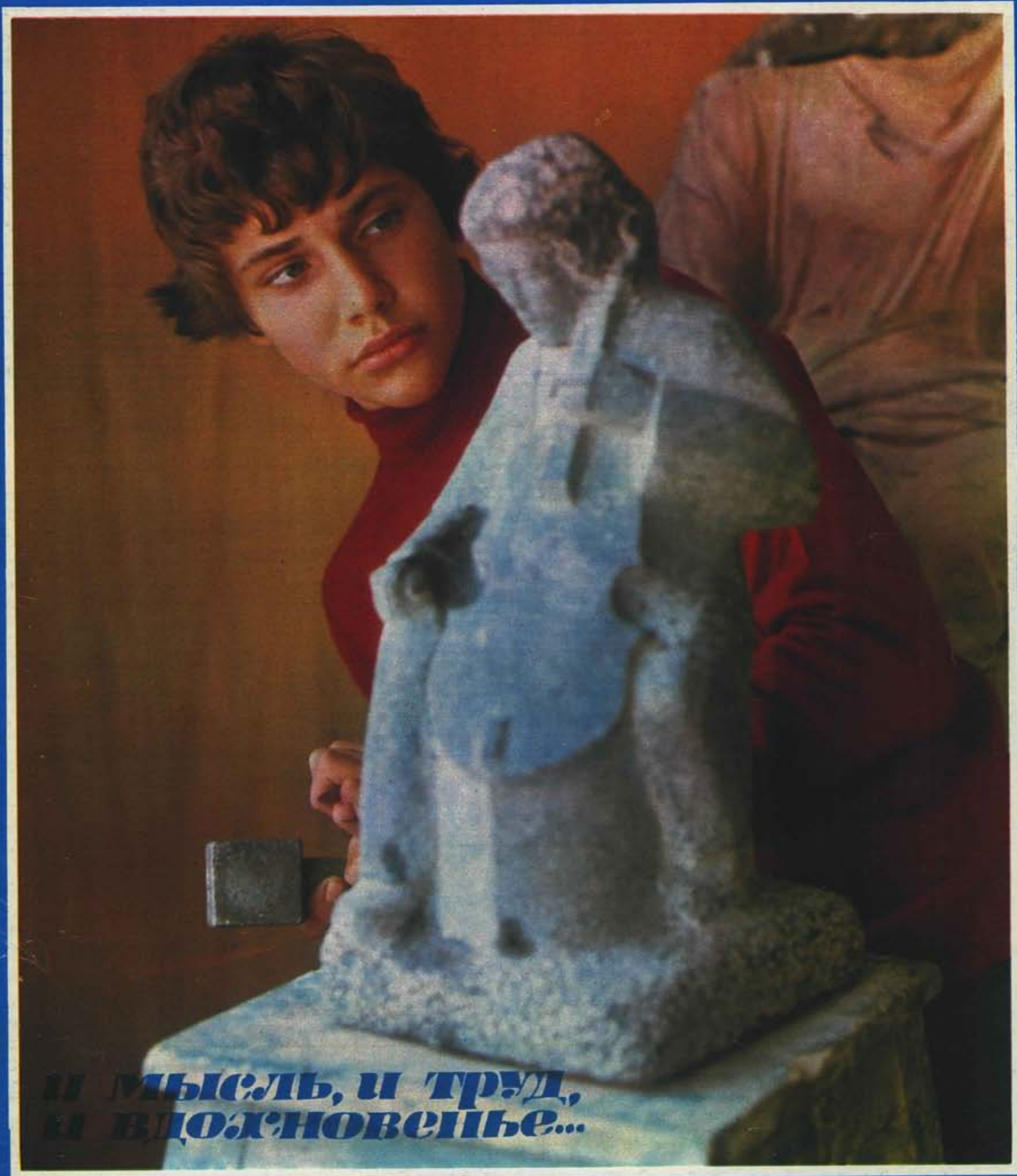

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1979

**И МЫСЛЬ, И ТРУД,
И ВДОХНОВЕНИЕ...**

СВОИ РАЗДУМЬЯ В СЛОВАХ

Итоги конкурса одного стихотворения

Дорогие читатели!

В начале 1978 года редакция журнала «Смена» объявила конкурс одного стихотворения — «Пою мое Отечество». Мы обратились ко всем пишущим стихи (не членам Союза писателей) с предложением принять участие в этом конкурсе и писать обо всем, что живо волнует вас: о комсомольцах разных поколений, вписавших своими боевыми и трудовыми подвигами славные страницы в летопись Ленинского комсомола; о ваших трудовых успехах и дерзаниях; о романтике повседневного поиска, который открывает перед вами все новые и новые творческие горизонты; о замечательных людях, которые вас окружают; о красоте родной земли.

Рубрика «Пою мое Отечество» стала традиционной для нашего журнала. Напоминаем читателям, что конкурс будет продолжен и в 1980 году. Девиз конкурса прежний — «Пою мое Отечество».

На конкурс-79 в редакцию пришло около тысячи писем со стихами. География их истинно всеосязная. Нам писали из Москвы и Ленинграда, из Сибири и

с Дальнего Востока, из больших и малых городов, из деревень, из самых отдаленных уголков нашей Родины. Авторы присланных стихотворений — люди разных профессий, разного возраста, разные по характеру и устремлениям, но всех их объединило одно — бескорыстная любовь к поэзии.

В течение 1979 года на страницах «Смены» были опубликованы лучшие стихи 61 автора. Сегодня, подводя итоги, мы благодарим всех принявших участие в конкурсе и называем победителей:

Елена НАУМОВА (швея-мотористка, г. Киров), Александр ЖУКОВ (механик, Москва), Арсентий СТРУК (теплоэнергетик, Людиново), Алексей ШЛЫГИН (художник-оформитель, г. Владимир), Леонид НЕСТЕРЕНКО (инженер, Краснодар).

Победители награждаются почетными дипломами и подпиской на журнал «Смена» на 1980 год. Кроме того, мы публикуем сегодня подборки их стихов.

И вот что хочется сказать молодым

поэтам, настоящим и будущим участникам нашего конкурса.

Вы в самом начале своего творческого пути и с обостренностью должны осознавать, что на плечи советской поэзии наших дней ложится особая ответственность. Поэзия в своих исканиях, осуществлениях должна быть под стать другим областям человеческой интеллектуальной деятельности, в которых творцы совершают открытия. Только с широким замахом, с огромными задачами входите в поэзию. Малый прицел сразу обрежет крылья.

В поэзию нового поколения вглядывайтесь с напряженным ожиданием: «Не взойдет ли на горизонте этого поколения новое поэтическое светило?»

Внимательно следя за поэзией молодых, видя в ней определенные достижения, хочу пожелать молодым большей творческой дерзости, большего социального художнического осмысления окружающего их мира. В советской поэзии сегодня усилиями целого ряда поэтов создается эпическая панорама нашей жизни. Но где молодые поэты,

которые решились бы обратиться к сложному жанру поэмы? Не много имен мы могли бы назвать.

Поэзия — это не просто средство информации, но удивительная возможность с предельной концентрацией выразить чувства, мысли, горе и счастье людей. Поэтому иметь поэтический дар — это иметь власть над внутренним миром человека. Вдумайтесь в эти слова и спокойно оцените, хватит ли у вас сил взвалить на себя бремя ответственности за поэтическое слово.

От всего сердца желаю, чтобы хватило сил, чтобы размахист и тверд был ваш шаг по дороге искусства.

Олег ШЕСТИНСКИЙ,
секретарь правления
Союза писателей СССР,
председатель жюри конкурса
одного стихотворения
«Пою мое Отечество»,
член редколлегии
журнала «Смена».

Елена НАУМОВА,
швея-мотористка,
г. Киров

Утро на Северной Двине

Еще спокойно все... Свежо,
И от реки несет прохладой,
Но скоро — как горячим взглядом —
Заря весь берег обожжет.

Сюда придут портовики.
Работа их — удел отважных.
И катера, отчалив важно,
Забеспокоят гладь реки.

В назначенный, как прежде, час
Пройдут степенно пароходы,
Пробороздив речные воды,
Заворожив красую нас.

Еще спокойно все... Но вот
Встает заря, еще немного,
Проснется водная дорога
И забурлит и запоет!

Моя земля

Уйти в поля, где в небе журавли...
И просто лечь в траву, раскинув руки.
И, позабыв печали и разлуки,
Пить аромат родной своей земли.

И слушать, слушать пение цветов,
И шепот трав, и ветра пересвисты,
И нежный лепет захмелевших листьев.
Все принимать — как музыку без слов.

Леонид НЕСТЕРЕНКО,
инженер,
Краснодар

Журавли

Над Россией летят журавли.
Одинокая белая стая.
Я мудрей этой птицы не знаю.
Чуть касаясь кромки земли,
над Россией летят журавли.

Над Россией летят журавли.
Будит душу протяжный их крик,
оглашая деревни и села.
На крылах их, почти невесомых,
чуть колышется отблеск зари.
Над Россией летят журавли.

Камчатка

Камчатка, Камчатка, дремотные дали.
В курящихся сопках пропал горизонт.
То ночь непроглядная в белой печали,
то снова заря полыхает в сто солнц.

Ты там не ищи от природы поблажки.
В суровом краю, где над юртами дым,
как русская тройка, оленья упряжка
носила меня по распадам глухим.

Гуляет пурга по седому раздолью.
Куда ни посмотришь — бескрайний простор.
Там стелется тундры брусничное поле
с нетронутой гладью уснувших озер.

Ах, детство мое — малахай и куклянка
да пара из бочки сработанных лыж.
Залетная птаха разбудит Веснянку —
и в лето короткое в санках влетишь!

Арсентий СТРУК,
теплоэнергетик,
Людиново

Послевоенные траншеи

Шла мимо изб колонна пленных.
Вытягивали дети шен.
А я в полях послевоенных
Заравнивал траншеи.

Осевший бруствер покрывало
Железо, тронутое ржюю.
Осколки давнего аршквала,
Болванки с надписью чужою.

Ни хлеба в доме, ни картошки.
Откуда же возьмется сила?

И вот свекольную окрошку
Нам бригадирша подносила.

Тринадцать было мне в ту пору,
Я был худой и конопатый.
Земли перекопал я гору
Щербатой штыковой лопатой.

Наш бригадир — без кисти правой —
Давал сигнал нам к перерыву,
Но орденом солдатской Славы
Как будто призывал к прорыву.

Счастье

Поцеловать сына в девять,
Укрыть потеплей одеялом,
Потом — закурить на балконе,
Нависшем над садом вишневым,

И, глядя на тихие звезды,
Прислушаться к дыханью
Детей всего человечества.

Итоги конкурса интересного письма

В конкурсе приняли участие сотни читателей, на страницах журнала опубликованы в течение года десятки писем. Авторы их — люди самых разных профессий и возрастов — рассказывали о своей жизни, о друзьях, о своей работе, о мире увлечений. Из калейдоскопа читательских впечатлений, случаев, событий сложилась яркая и живая

картина жизни советских людей, связанных общностью целей, интересов и судеб.

Характерно, что в Международный год ребенка редакция получила много писем от подростков-школьников, учеников ПТУ. Наиболее интересные были опубликованы в «Смене».

Редакция решила присудить пре-

О ВОПЛОТИ

Алексей ШЛЫГИН,
художник-оформитель,
г. Владимир

Портреты Ленина

*Рисует Ленина казах
У юрты на рассвете—
Ильич с раскосинкой в глазах
Выходит на портрете.*

*Орлы над скалами парят,
Байкал в лучах заката—*

*Рисует Ленина бурят
Похожим на бурята.*

*Пусть был он в жизни не таким,
Правдивы все портреты:
Считают Ленина своим
Народы всей планеты.*

*Вновь жилы просят напряженья,
И я к пути приговорен...
Вперед, мое воображенье—
Связной меж даями времен!*

*Как тяжело Островский дышит!
Но сил истраченных не жаль.
Он кровью собственной напишет
О том, как закалялась сталь.*

*Живые нервы—не из тросов.
Такие тонкие они!*

*Во в полный рост встает Матросов,
Как будто сделан из брони.*

*Корабль выдержит нагрузки,
Не рухнет в море, обгорев,
И улыбнется парень русский,
Вокруг планеты облетев.*

*В тайге, на сопках, падах топких
Куется дружбы магистраль—
Она поведет потомкам
О том, как закалялась сталь!*

Александр ЖУКОВ,
механик,
Москва

Старт!

*Нацелена,
напряжена
ракета,
как бегун на старте.
Сплетенья жаропрочной стали,
как мускулы
у бегуна.
Еще мгновение—
и дрогнет.*

*И вырвется, оставив старт.
По сторонам ракетодрома
березки белые стоят.
Летят на север птицы клином.
Земля,
как ласковая мать,
еще удерживает сына.
И знает,
что не удержать.*

Весна

*Отрохотало.
Ливень отшумел.
Над головою, вскинутой высоко,
мотора гул,
мохнатый, словно шмель
над чашей, налитой цветочным соком.
Кругом на ветках—
сочная листва.
У ног трава, не знающая зноя.
Достигшая вершины, синева
парит, раскинув крылья над землею.*

*И все земное тянется вверх,
и кровь стучит, стучит
как дятло,
И солнце, не имеющее пятен,
сияет,
как влюбленный человек!
Счастливым,
не отягощенный лишним,
в обличьи зеленом и босом,
май катит год,
как колесо мальчишка.
И сам бежит за этим колесом.*

мию—годовую подписку на наш журнал—следующим читателям:
Марине СИЛАКОВОЙ из Москвы («Смена» № 23, «Талант человечности»),
Екатерине КРЮКОВОЙ из Москвы («Смена» № 10, «Первые годы в комсомоле»),
Анатолию СТАРОДУБОВУ из Могилева («Смена» № 11, «Дочь Болгарии и России»),
Елене ПОЛИВАНЧУК из

Уфы («Смена» № 15, «Ох, уж эти родители!»),
Сергею КОНШИНУ из Риги («Смена» № 15, «Принц Гамлет и некоторые размышления о моей жизни»),
«Смена» поздравляет победителей, благодарит участников конкурса за присланные материалы и приглашает к дальнейшему творческому сотрудничеству с нашим журналом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1262) ДЕКАБРЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

Наша обложка:
ХУДОЖНИКОВ
С РАБОЧИМИ
РАЗРЯДАМИ
ГОТОВИТ ГХПТУ № 15
ГОРОДА
БОБРУЙСКА.

Фотоочерк «Сюжеты для
мастерка и мольберта»
на 12-й странице.

- 1 «СВОИ РАЗДУМЬЯ В СЛОВО ВОПЛОТИ». Итоги традиционных конкурсов «Смены».
- 2 АВТОБИОГРАФИИ. Михаил ДОВЖИК, Герой Социалистического Труда. «НЕ РАЗВЕЕТСЯ ВЕТРОМ».
- 4 РАБОЧИЕ — ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Людмила БАТЫНСКАЯ. «ЧИСТАЯ НАСТРОЙКА».
- 6 Василий СУХОМЛИНСКИЙ. «ПИСЬМА К СЫНУ».
- 8 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Ганс БАУМАНН. «Я ШЕЛ С ГАННИБАЛОМ».
- 12 Валерий ГУРИНОВИЧ. «СЮЖЕТЫ ДЛЯ МАСТЕРКА И МОЛЬБЕРТА».
- 14 Сергей КОШЕЧКИН. «УТРОМ В РЖАНОМ ЗАКУТЕ...»
- 18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Георгий БАЖЕНОВ. «ДВЕ ЖИЗНИ».
- 20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «ЖИВОЙ МАХОЛЕТ».
- 22 ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.
- 24 Николай ИВАНОВ. «КАМЕНЬ ЛЮБВИ И КАМЕНЬ ВЕЧНОСТИ».
- 26 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ. Геннадий МАШКИН. «ПЕРВОТРОП».
- 28 Повесть Генриха БОРОВИКА «МОМЕНТ ИСТИНЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1979 г.

НЕ РАЗВЕЕТСЯ ВЕТРОМ

Михаил ДОВЖИК,
Герой Социалистического Труда,
кавалер Почетного знака ВЛКСМ,
бригадир совхоза «Шуйский»
Целиноградской области

С детства залало мне в память:
«Трава без души—сено,
лес без души—дрова, а
человек без души?... Какой
же он человек, если без
души?... Если без души, так
это не человек, а труп
ходячий...»

Слова эти любил повторять мой отец. И неважно ему было, что бродил когда-то по нашей Украине мудрец в дырявой свитке—казацкий сын Григорий Сковорода. В восемнадцатом веке—вот как давно он жил и скитался. Не имело у него за душой ничего, кроме мудрости, а потому за ночлег и хлебопосольство расплачивался он не золотом—золотыми словами. И они до сих пор в ходу, неразменные эти слова.

Отец, сам того не подозревая, тоже цитировал Григория Сковороду. И я лишь через много-много лет узнал, из какой сокровищницы достались отцу эти запомнившиеся мне с детства слова.

Запоминающиеся слова, не правда ли? Но запомнить еще не значит понять. Теперь-то я хорошо знаю это. Так же хорошо, как и то, что не всякую расхожую истину нужно безоговорочно принимать на веру.

«К чему это ты клонишь, Михаил Егорович?»—наморщит лоб кто-нибудь из читающих эти строки. А клоню я вот к чему. Любому из нас наверняка приходилось слышать: что было, мол, то прошло и быльем поросло. А ведь это неправда. Просто есть люди, которым, кроме как о школьных проказах, не о чем, в сущности, вспоминать. Но они не желают взглянуть правде в глаза и вот, обманывая себя и других, сокрушенно вздыхают: «Было да прошло...» А иной забывчив умышленно. Потому что ему совестно за свое прошлое.

Несколько лет назад, возвращаясь из отпуска в Казахстан, я задержался в Киеве. И неожиданно повстречал бывшего друга—человека, с которым мы учились в одной школе и вместе кончали курсы трактористов. На целину поехали тоже вместе. А потом наши дороги разошлись...

Я старался не думать об этом человеке и, когда случайно столкнулся с ним на бульваре Шевченко, хотел пройти мимо, не подавая вида, что узнал его.

Но он сам заговорил со мной. Принялся рассказывать, как он доволен работой и вообще городской жизнью, в ка-

ком живет достатке, какая у него необыкновенная жена и какие большие надежды подают его взрослые и почти уже взрослые дети...

— Их у меня четверо. Я часто им рассказываю о первоцелинном житье-бытье—про то, как грелись мы у костров, как мерзли в палатке...

— Знаешь, про палатку не надо... — прервал я его.—Палатка наша—в Музее Революции...

Вот, собственно, и все, что я сказал ему. А он, солидный, среднего возраста мужчина, отвел глаза и покраснел, как напроказивший хлопчик.

Зимой 1955 года—в первую и, пожалуй, самую тяжелую из всех памятных мне целинных зим—человек, которого я называл когда-то своим другом, дезертировал из совхоза. Сомневаюсь, чтобы он рассказал про такое жене и детям. Но что было, то все-таки было. И никогда не порастет быльем. Только вот на воспоминания надо иметь право, а обеспечивается это право чистой совестью. Так что, читатель, если ты услышишь сокрушенное: «Было, да быльем поросло...»—не верь сокрушенно вздыхающему.

«Фотографии первых целинных лет многое освежают в памяти. На снимках—голая степь, тракторный поезд, колыхающиеся с названиями совхозов, палатки, землянки, тесные вагончики, глиняные мазанки без крыш, прозванные тогда «бескозырками». Люди в этом жилье ютились при тусклом свете фонарей и керосиновых ламп. Но взгляните на лица этих людей—какие они веселые, радостные. Оптимизм и уверенность видны в каждой улыбке, в каждом жесте. Все мы, работавшие тогда на целине, ощущали этот оптимизм, этот душевный настрой создававших свою силу людей. А как впечатляла пробужденная нами к жизни степь! Все двигалось и стекалось сюда, на передний край, как это бывает перед большим наступлением. Любопытный человек, попадавший в то время на целину, невольно начинал жить ее интересами».

Это выдержка из книги Леонида Ильича Брежнева «Целина»—книги, которая стала в нашей семье настольной, а я читаю и перечитываю ее, как повесть о собственной жизни. Ведь целина—это моя жизнь, и молодость целины—это моя молодость. Вчитываюсь в точные, емкие, берущие за душу слова книги товарища Брежнева и будто вновь ока-

зываюсь в том времени, в той атмосфере первоцелинных будней.

Было... Сколько лет прошумело—урожайных и до обидного мало-хлебных, радостных и тревожных,—но все так же отчетливо, словно было это вчера, помню я прекрасное мартовское утро 1954 года, когда паровоз прокричал нам, что скоро остановка, и наш поезд замедлил ход. Я прижался лбом к окну: спеленутая снегом степь, холмья, убежала к далекому горизонту, возле железнодорожных путей темнела россыпь убогих мазанок с непривычными плоскими крышами, потом показался вокзальчик, больше похожий на барак.

«Джаксы»—было написано над входной дверью. Наш комсомольский эшелон прибыл в пункт назначения. Помнится, нас будто ветром выдуло из вагонов. Не терпелось попробовать, какой он на вкус, казахстанский воздух, услышать, как скрипит под ногами целинный снег, а главное, хотелось побыстрее попасть в места, где нам предстояло заложить совхоз и обосноваться на долгие годы. И в то же самое время не оставляло беспокойство: что там за земля под снегом? Способна ли она родить хлеб? Приживется ли на ней деревья? Думалось: порыв порывом, желание желанием, но хватит ли упорства да и вообще силенок на то, чтобы эти пустынные—хоть шаром покати—пространства стали похожими на мое родное, утопающее в садах и зелени Приднепровье?

Встречали нас двое: кареглазый серьезный казах с обветренным смуглым лицом—парторг Бейсенбай Айтмаганбетов, второй, бравый великан в кожанке, перетянутой командирским ремнем, был вылитый Котовский.

— Николай Торский,—зычно и весело представился двойник знаменитого комбрига.—Главный агроном.

И вот первая информация. Название у совхоза есть—«Ярославский», но директора пока что нет; земли для совхоза выделены, но где будет центральная усадьба, пока что не решено—намечены две точки на выбор; жить на первых порах мы будем в урочище Байгыз; ехать до него тридцать километров, дороги туда нет и добираться пока что не на чем, так что денек-другой придется поспускаться в Джаксы.

Кто-то, помнится, поинтересовался:

— А что значит «джаксы», если перевести на русский?

— «Хорошее место»,—объяснил Айтмаганбетов и добавил:—Однако есть еще одно толкование. Старые люди уверяют, что надо произносить не «Жаксы», а «Жоксу», то есть «Нет воды».

И тут раздался голос Володи Солодского—моего земляка-запорожца:

— Нет воды?.. Добудем... Главное, было бы место хорошее.

Теперь, много лет спустя, вспоминая эти Володины слова, я понимаю, что мы больше хабрились, чем сознательно отдавали себе отчет в трудностях, которые ждут нас в новой жизни.

*Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новоселами
И ты и я!..—*

самозабвенно пели мы тогда. И не задумывались, что стать новоселами—этого мало для победы над степью, что лишь те из нас, у кого хватит выдержки и терпения дослужиться до звания старожилов, увидят плоды раскинувшегося на четверть века подвига: благоустроенные поселки, выросшие из первоцелинных колыхков, бетонные автодороги, перечеркнутые ковыльные бездорожье, хлебные нивы под небом, расчерченным линиями электропроводов.

А в общем-то прав был Володя Солодский: и воду мы добыли и места оказались хорошими. Давным-давно в помине нет десятка мазанок—«бескозырок», вытиснувшихся в одну-единственную улочку вдоль берега Кумайки, речки, больше похожей на ручей. Нынешние Джаксы—поселок городского типа, центр многолюдного, богатого на хлеб района. Давным-давно нет в помине глухого разъезда. Нынешние Джаксы—крупная станция, и у подъездных путей, как у причала, возвышается видный за много километров элеватор, напоминающий своими очертаниями океанское судно. Но и просторный вокзал, и многоэтажные здания, и огромный элеватор появились, как вы понимаете, не по мановению волшебной палочки. Чуть переиначив русскую поговорку, можно сказать: «Не сразу Джаксы строились».

А вот какие люди проживают в этой негусто населенной глубинке, мы почувствовали сразу.

Все жители маленького аула—от дедушки до седебородых дедов—вышли к поезду. Оркестра, разумеется, не было. Да и откуда мог он взяться на

захолустном разъезде, отстоящем в семидесяти километрах от районного центра Атбасара и в трехстах — от центра областного, Акмолинска? И все-таки один музыкальный инструмент отыскался.

Четверть века прошло, но нет-нет да и возникнет у меня перед глазами трогательная картина: круглолицая девчушка в крытой голубым вельветом шубейке стоит на вытоптанном снегу и от души колотит в оранжевый пионерский барабан. Разве может такое порости былём?

Или вот это. Март — месяц весенний. Во всяком случае, так мы считали до приезда в Казахстан. И вдруг снег, как в разгар зимы, и мороз обжигает щеки. А некоторые хлопцы, собираясь в дорогу, не подумали по молодости лет, что надо захватить теплую одежду, и приехали налегке — в демисезонных пальто, в кепках, полуботинках. Один такой ухарь был и в нашем вагоне. Пока мартовский мороз рисовал свои узоры только на вагонном окне, он еще ершился, мол, где наша не пропадала, как-нибудь перезимует, а прибыли в Джаксы, и получаса не прошло, смотрю: удалец наш уже заделался танцором — отплясывает вальс-четку.

Но не только я заметил его плачевное состояние. Откуда ни возьмись возле нас вырос молодой казах.

— В такой одежде и в степь? — окинул он горемыку сочувственным взглядом — от кепочки-восьмиклинки до туфель на резиновом ходу — и озабоченно покачал головой: — Пропадешь... И тут же, дружески улыбувшись, предложил: — Айда ко мне домой. Дам тебе малахай, полушубок и валенки.

Помню я старушку казашку, у которой остановился на ночлег. Как же хлопотала она вокруг меня! Не знала, куда усадить, чем угостить, где спать уложить — так лишь мать хлопочет около сына. Я и назвал эту старую женщину матерью.

— Рахмат, ана!... Спасибо, маты!... — поклонился я ей утром на прощание и этими словами растрогал старушку до слез.

— Чудеса! — всплеснула она руками. — Только приехал в нашу республику, а уже говоришь по-нашему!..

Я не стал ей ничего объяснять, но чудо, конечно, было ни при чем. Дело в том, что во время войны, когда мое родное село Шелюги, как и вся Украина, попало под оккупацию, отец мой стал партизанским связным. Часто тайком навещали нашу хату гости из леса, а чаще других — человек, которого отец называл Сергеем Ивановичем. Мне неизвестно его подлинное имя. Знаю только, что по национальности он был башир. Мама ставила на стол миску постного борща, подавала картофельные дурны и лепешки, в которых было отрубей больше, чем муки. Да и чем еще могла она угостить дорогого гостя, если мы не то что мяса, ломтя настоящего хлеба два года не видали в глаза? «Рахмат, ана!» — благодарил маму Сергей Иванович, а баширский язык — родной брат казахскому.

И еще добрым словом хочется вспомнить рабочих завода «Запорожсталь».

Первый лагерь, как я уже упоминал, мы разбили в урочище Байгыз — в открытой всем ветрам степи, где единственным строением была заброшенная животноводческая база. И вот тут-то очень нам пригодился подарок запорожстальцев — вместительная утепленная палатка. Месяц и не два защищали нас ее матерчатые стены сперва от холодов и бурянов, потом от жары и суховеев, от осенних дождей и снова от бурянов и холодов. Первое время под ее брезентовую крышу помещалось двадцать пять человек — вся наша тракторно-полевая бригада, получившая наименование третьей комсомольско-молодежной.

Третья комсомольско-молодежная — первая на целинных землях бригада коммунистического труда.

Москвичи, ленинградцы, ставропольчане, мои земляки — запорожцы... Разные, очень разные были они люди, и разными были дороги, которые привели их на целину. У некоторых, несмотря на молодость, были такие судьбы, что пережитого ими с лихвой хватило бы на целую жизнь...

Взять, к примеру, Витю Савинкова. Это первый комсорг нашей бригады. Родился Виктор в Ленинградской области. Отец, кадровый командир Красной Армии, погиб в первые дни войны, мать расстреляли гитлеровцы. Как коммунистку и жену коммуниста. Витя через линию фронта перебрался в осажденный Ленинград. В Ленинграде у бездомного мальчишки не было ни родственников, ни знакомых. И, как он сам мне говорил, ему вряд ли удалось бы пережить блокаду, если бы не бойцы разведывательного батальона. Разведчики пригнали у себя сироту, урезали ради него свой и без того скудный паек, а когда блокада была прорвана и жить стало чутько легче, красноармейцы перед тем как покинуть Ленинград, определили своего питомца в ФЗУ. После окончания училища Виктор стал работать на «Электросиле». В Казахстан он приехал с первым отрядом ленинградских комсомольцев. Из того же питерского отряда вместе с Виктором Савинковым в нашу бригаду попал еще один Виктор — Шибайкин. Его мы избрали профгормом.

Возлаживать бригаду доверили мне. Сказать по правде, сначала я недоумевал: почему выбор нашего первого директора, Григория Владимировича Саложникова, пал именно на меня? Были в бригаде хлопцы и годами постарше и на вид посильнее. Любкой из них, как мне тогда казалось, смог бы справиться с бригадирскими обязанностями не хуже, а возможно, и лучше, чем я. А вот руководство совхоза решило: быть бригадиром Довжику.

Теперь-то я понимаю, что при всей моей тогдашней малоопытности и не очень представительной внешности имелось у меня серьезное преимущество.

Кого только не было в числе первых целинников! И шахтеры, и фрезеровщики, и работники обувной промышленности, и не определившиеся в жизни зеленые паренки с аттестатами зрелости, но без специальности. А вот с механизаторами на первых порах дело обстояло неважно. Ну, во-первых, потому, что горожане всегда были легче на подъем, а во-вторых, и в обжитых-то районах не хватало механизаторских кадров и сельскому комсомольцу, особенно если он специалист, не так-то просто было хлопотать себе целинную путевку.

Мне тоже комсомольская путевка не сама далась в руки.

В комсомол я вступил в 1943 году. Сразу же, как только моя родина — Акимовский район, Запорожской области, — была освобождена от гитлеровцев. До войны наш колхоз имени Мичурина слыл одним из самых крепких в районе, а его элитные поля были знамениты на всю Украину. Но это до войны, а в сорок третьем, после двух оккупационных лет, новому человеку могло показаться, что имя великого преобразователя природы дали нашему колхозу в насмешку: поля залущены, в семенном фонде ни зернышка, сельхозинвентарь перепорчен, а из техники — два трактора «Универсал». Один — просящийся в капитальный ремонт, другой — и вовсе на переплавку.

Надо было возвращать колхозу его доброе имя. Но кому выправлять положение, если в селе ни одного взрослого мужчины. Кто погиб на фронте или в партизанах, кто, как мой отец, ушел с действующей армией на запад — ведь война-то еще продолжалась... Вся надежда была лишь на женщин да на нас, подростков... Я в том самом сорок третьем сел на трактор. И пахал, и сеял, и ремонтировал старенький «Универсал» — все сам. Потом меня, тракториста-самоучку, колхоз послал в школу

механизации. Окончил я школу, получил права механизатора широкого профиля и стал работать в Ефремовской МТС — первое время рядовым трактористом, а позже и помощником бригадира. И даже до поста бригадира дослужился. Но поработать в этой должности так и не пришлось. Приказ директора МТС о том, что я назначен бригадиром, был подписан в феврале 1954 года. Только-только я успел принять бригаду, а тут призыв партии: «Комсомольцы, вас ждут целинные земли!»

Я к директору МТС. Подаю заявление:

— Прошу расчет, Кондрат Михайлович. Еду в Казахстан.

Директор моего заявления и в руки взять не захотел.

— У нас здесь дел не меньше, чем на целине. И специалисты нам нужны не меньше. Так что выбрось Казахстан из головы, — сказал он, как отрезал.

Я знал: Кондрата Михайловича Супруна уговорами не возьмешь, — но от своего отступить не собирался. Бросился в Акимовку — в райком комсомола. Обращаюсь к секретарю:

— Хочу поехать на целину. Прошу посодействовать.

Секретарь мне в ответ:

— Мы должны послать на целину двух человек, и ты по всем статьям подходишь... Только без согласия директора МТС не имею права выдать тебе путевку...

Как быть? Я в райком партии. Добился, чтобы меня принял товарищ Павлин — первый секретарь. Он-то все и уладил: и в МТС меня рассчитали, и в райкоме комсомола путевку выдали. От мамы эту радостную для меня новость скрывал до самого дня отъезда — жалко было ее расстраивать: ведь после того, как в сорок пятом году отец скончался от фронтовых ранений, в нашей многодетной семье я был единственным кормильцем. Расплакалась она, конечно, когда узнала, что я уезжаю «невеста за чем, в неведомую даль», но удерживать не решилась — скрепя сердце благословила меня, скрепя сердце собрала в путь-дорогу...

У мамы сохранилось несколько писем, которые посылая я в те давние годы домой, в родную Шелюгу.

Вот отрывок из самого первого. Написано оно было в дороге, а датировано мартом 1954 года:

«Здравствуйте, мама, брат Володя и сестры Надя, Вера, Люба! Пишу вам с дороги. Провожали нас в Запорожье хорошо — с музыкой, речами и цветами. А теперь скоро третий день все едем и едем.

Не бойтесь, мама, и дяде Ивану передайте, что я хорошо помню, как он сказал, когда мы прощались: «До сих пор в нашем селе говорили так: где Довжики к какому-нибудь делу приложат, там другие руки не понадобятся». Это я хорошо помню и на целине буду работать, как дома...»

А эти строчки из письма, посланного в апреле:

«Давно вам не писал — времени все не было. Когда выезжали из дому, было тепло, снег сошел. А здесь холодно и снег до того глубокий, что в жизни я такого не видал, и метели. Только прибыли на место — поставили палатки и поехали принимать технику. Тракторы новые. Работать будет чем. А вот опытных трактористов здесь почти нет, многие и трактора-то никогда не видели. Мы здесь открыли курсы: учим и на трактористов и на комбайнеров.

Есть, правда, и такие, что носы повесили. Трое сбегали. А мне нравится. Вчера директор совхоза рассказал нам, что здесь будет через год-два, и я подумал: неужели это без меня совершится?..»

Вот такие письма. Вот так я стал первоцелинником. Ну, а что до моего назначения на пост бригадира, так ведь в трудовой книжке по пунктам был расписан мой доцелинный механизаторский стаж — довольно внушительный

для моего комсомольского возраста. Стаж-то, как я теперь понимаю, и сыграл главную роль, когда решалось, кому доверить бригаду.

Что из себя представляла наша бригада? О том, что было в ней двадцать пять человек, уже я говорил. Про палатку тоже. Теперь добавлю еще кое-какие подробности. Имелась у нас походная кухня армейского образца, три пятикорпусных плуга и три трактора — один «ДТ-54» и два «С-80», а задание нам было определено такое: распахать за весну и лето три с половиной тысячи гектаров целины.

Никогда не забуду дня первой пахоты. Да и как я могу позабыть, какого числа это произошло, если первую борозду проложили мы 22 апреля — в день рождения Ленина?

Проложить первую борозду бригадное собрание единодушно доверило мне. А вот насчет того, кому быть у меня прицепщиком на плуге, получился разлад — у каждого нашлись веские аргументы в пользу собственной кандидатуры. Оно и понятно: одно дело — лично участвовать в прокладке первой борозды, и совсем другое — быть всего только очевидцем. Помнится, поднялась Рита Гирнева — была у нас такая дивчина-москвичка, — губы дрожат:

— Мало что трактор сильному полу доверили, так эти рыцари еще и плуг хотят захватить, а где же равноправие? И заплакала. Не знаю, что больше подействовало на хлопцев, слова про равноправие или неотразимое девичье оружие — слезы, только Рита чуть было не обошла всех прочих претендентов. Говорю «чуть было» потому, что сразу же вслед за нею выступил Витя Шибайкин.

— Раз уж мы начинаем пахоту в день рождения Ленина, — сказал он, — значит, прицепником должен стать кто-нибудь из посланцев города Ленина, а больше всех на это прав у Виктора Савинкова.

После такого выступления Шибайкина вопрос о прицепнике был улажен в пять минут, и первую борозду мы прокладывали вместе с Виктором Савинковым. А Рита Гирнева?.. Я уже говорил, что у нас было два «С-80». Так что и для Риты нашлось пятикорпусный плуг. Она стала работать прицепницей у Ивана Коновалова.

Первая борозда... Потом рядом с первой пролегла вторая, десятая, сотая, тысячная. Это легко написать, а ведь в действительности те многокилометровые борозды ложились совсем не так, как строчки на бумагу. На Украине я работал сцепом из двух пятикорпусных плугов, а здесь могучий «С-80» (самая мощная по тем временам машина) через силу волочил один пятикорпусный.

Степь сопротивлялась, не желая покоряться. Хлебпашество вообще занятие не для слабых, а каково нам было распахивать под хлеб целину, когда даже за какой-нибудь гайкой приходилось тащиться на центральную усадьбу, до которой 25 километров бездорожья? А холод, бытовая неустраиваемость? А полчища комарья?.. Помнится, заглянул я как-то на загонку, где работали Коновалов с Гирневой. Смотрю на Риту и не узнаю: лицо, руки, шея, — все распухло и комарами изъедено.

— Кончай работу, — приказываю. — Иди в палатку, надо переждать, пока ветер комарей разгонит...

А Рита ни в какую не соглашается, не хочет бросить работу, и все тут. Вижу, не переломить мне ее упрямства.

— Тогда, — говорю, — сделаем вот что: нальем в консервную банку отработанного масла, чтобы дымом, значит, комаров распугивать.

Так она и поступила. В дыму, правда, тоже работать не сладко, но что поделаешь?.. Когда на выбор два зла, выбирают то, которое терпимее.

А однажды — дело, как сейчас помню, было в самом начале августа — к нам на стан не подвезли воду. У нас же воды оставалось в обрез, и вопрос стоял так: или отдать имеющуюся воду поварихам

для приготовления ужина, или залить ее в радиаторы тракторов, чтобы не прорывал пахоту. Вот какая ситуация.

Собрал я хлопцев.

— Что делать будем?

Решение было единогласно:

— Будем пахать, а поужинаем всухомятку...

Пять с половиной тысяч гектаров целины распахали мы за весну и лето — на две с половиной тысячи гектаров больше, чем предписывал план. Что же касается сева, то на первый год сев не был предусмотрен. Но разве могли мы утерпеть и не проверить: велика ли плодородная сила новой земли? Конечно, что не могли, а потому сеяли рядом с полевым станом маленькую полосу земли. Результаты превзошли наши ожидания — пшеница уродилась на славу. До сих пор помню тяжесть крупных, как горох, зерен. Как же радовал глаз и сердце этот хлеб первого, пробного урожая!.. Значит, нечего опасаться, что труды наши пойдут прахом, значит, целина действительно может стать неиссякаемой житницей... Так думалось в пятьдесят четвертом, и никому из нас даже в голову не приходило, что следующий год окажется годом несбывшихся надежд.

Старожилы никогда не позабудут, как это было: немилосердное солнце, прокаливающее землю до подпочвенных глубей, пыльное марево во весь горизонт, и за все лето ни капли дождя. Полные самых радужных надежд, мы засеяли с весны все пять с половиной тысяч гектаров первоцелинной пахоты, а урожай получили курам на смех — всего-навсего по три центнера с гектара. Это на круг.

Ничто так не подтачивает человека, как разочарование. Можно голодать, холодать, терпеть любые лишения, но если потеряна вера в дело, ради которого ты выносишь невыносимое, то ты уже не боец. Это я знаю по себе. Что тут скрывать, и мне в то лето точила сердце зачяя думка: махни на все рукой и возвращайся на Украину, стоит ли из кожи лезть, если никакой отдачи?.. Я только подумывал о том, чтобы сказать целине «прости-прощай», а другие без долгих раздумий собирали вещи и подавались восвояси, разнося во все края слухи о том, что целинные земли — та самая овчинка, которая не стоит выделки.

Что до меня, то я окончательно решил для себя, как мне жить дальше, после того, как однажды на ужин в бригадную нашу столовую не пришли трое: два хлопца — москвич и запорожец — и девушка-свердловчанка.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Представил себе, что я так же, как эти трое, тайком, ни с кем не попрощавшись, исчезаю из совхоза. И тут же мне стало до того стыдно, будто я и вправду взял себе на душу постыднейший из всех грехов — дезертирство. Вспомнился отец. Вернее, один только эпизод из его достойной прожитой жизни. Я уже рассказывал, что мой отец был партизаном. Так вот, случилось так, что отряд, в котором он воевал, наткнулся на карателей. Бой был тяжелым, кровопролитным, но потерял отряд всего только двоих. Нет, эти двое не погибли в бою — один сбежал, как последний трус, а другой уничтожил свой партбилет. Сразу же после боя состоялось партийное собрание. На нем коммунисты исключили из партии двоих и тут же приняли в свои ряды пятерых. Одним из этой пятерки был мой отец. Вот какой эпизод вспомнился в ту ночь, которая стала поворотной в моей судьбе.

Утром я подал парторгу заявление: «Прошу коммунистов-целинников принять меня кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза. Ни на шаг не отступлю от намеченной цели. Воля партии и комсомола для меня превыше всего. Ваше доверие оправдаю честным трудом и всей своей жизнью».

А в следующем году на целинную улицу пришел праздник, следующий,

пятьдесят шестой год, подтвердил, что правда на стороне тех, кто, как солдаты присяге, остался верным этой трудно поддающейся земле, — на третьем году целинного подвига Казахстан дал стране миллиард пудов зерна. Невозможно зримо представить, что такое миллиард пудов. Но я помню хлебные бурты на площадках нашей бригады. Вернее, это были не бурты, а горы. Никогда в жизни я не видел раньше столько хлеба: куда ни взглянешь — хлеб, хлеб, хлеб. Четыреста тысяч пудов хлеба — таким был вклад нашей комсомольско-молодежной в республиканский миллиард.

Так мы начинали. С тех пор прошло четверть века. Нашими заботами неузнаваемо преобразились земли, которые называют теперь целинными лишь в знак уважения к заслугам людей, преобразивших степь.

Недавно я побывал на полевым стане — на том самом первом в моей жизни целинном полевым стане, где стояла наша палатка, где мы мечтали о будущем и боролись за это будущее, с которого уходили в бой за целинные урожаи хлопцы из моей бригады.

Молодые хлеборобы показали мне прекрасное общежитие, спортивную площадку, столовую. А вокруг полевого стана шумели деревья — клены, тополя, березы. Высоко поднялись они, широко раскинули ветви, глубоко пустили корни. Так же, как и люди, посадившие их. Это относится и к нам, Довжикам.

Приехал я на целину один. Потом, отслужив в армии, ко мне присоединился мой младший брат Владимир, а вслед за ним по проторенной мною дорожке в Казахстан перебрались три мои сестры и мама. Теперь у нее шестнадцать внуков, и десять из них — коренные целинники. Меня тоже не обошло стороной личное счастье. На целине я нашел себе верную подругу — моей женой стала чудесная девушка Валя, повариха из нашей первоцелинной бригады. Четверых детей воспитываем мы с нею. Старший сын, Владимир, уже совсем взрослый человек. Он так же, как и я, целинный хлебороб.

И снова открываю книгу Л. И. Брежнев «Целина». Читаю: «Богатырской оказалась древняя степь. Преображенная трудом человека, она придала устойчивость всему нашему сельскому хозяйству, обеспечила гарантию получения зерна в необходимых размерах».

1 миллиард 261 миллион пудов зерна дал Родине Казахстан в год 25-летия героической целинной эпопеи. Только хозяйства нашего, Аتبасарского района засыпали в государственные закрома свыше 20 миллионов пудов — в два раза больше, чем сдала в 1953 году вся тогдашняя Акмолинская область. Вот оно, весомое — очень весомое! — подтверждение прочного авторитета целины, — крупнейшей житницы нашей Родины.

И тут же на память приходит строчка из газетного репортажа: «Целина в двадцать пятый год своей истории расцвела на урожай, достойный юбилея». «Расцвела»... Надо же написать такое!... Урожай действительно достойный юбилея, только щедрость земли здесь ни при чем. Ученые разработали особую, специально для целины предназначенную систему земледелия, а мы, хлеборобы, откорректировали эту систему и внедряли в практику. Потому-то и получаем каждый год стабильные, богатые урожаи... Нет, не сам собой вырос большой хлеб целины — мы его вынуждали.

— «Трава без души — сено, лес без души — дрова, а человек без души?.. Какой же он человек, если без души?» — повторяю своим детям слова, доставшиеся мне в наследство от отца, и добавляю: — Земля без души — безжизненная пустыня. Чтобы земля ожила, человек должен вложить в работу всю свою душу.

Записал
Адольф ДИХТЯРЬ

Рабочие —

лауреаты премии Ленинского комсомола

Чистая настройка

Людмила БАТЫНСКАЯ

На мастера по ремонту телевизоров Виктора Фролова написали жалобу. Да еще какую! Колотить его стало, когда прочитал: и халтурщик он, и весь праздник людям испортил — без телевизора оставил, — и как таким мастерам можно верить!..

А вышло вот что.

Заскочил Виктор в этот дом между двумя своими вызовами — уж очень люди просили исправить телевизор до праздников, звонили-звонили, а все мастера были заняты... Вот Виктор и решил помочь. Времени у него, конечно, было в обрез. Неисправность он нашел быстро, спросил, когда завтра можно будет зайти — завтра он подойдет с нужной деталью. На следующий день опять по пути забежал, поставил. Телевизор заработал, хозяева все спасибо да спасибо... А на другой день у телевизора ручка переключателя программ отказала.

И ведь позвонили бы — примчался бы в любое время, исправил бы все... Не позвонили. Жалобу вот такую написали, первую за семь лет работы...

Вечером взял он сына из садика, пришел домой. Сын тоже который день успокоиться не мог, правда, причины у него были свои:

— Нет, пап, ты правда раньше сказки по телевизору не смотрел?! Ты его включать не умел?

Растет сын в городской квартире, жизни без цветного «Электрона» не знает, и как объяснить ему, что ручку Виктор в детстве, наверное, и научился бы поворачивать, да вот самого телевизора у них не было.

Потом он ждал Нину — жена ушла во вторую смену — и все никак не мог объяснить себе: почему же люди не позвонили, а сразу жалобу? Да еще такую — словно на давнего, уже много им в жизни досадившего недруга... Как будто ничего другого они от него и не ждали!.. Но он-то к ним попал в первый раз. Значит, приучили их к такому. Значит, других отношений со службой быта они себе и не представляют — так, что ли?! А как же их, эти отношения, переменить?..

Он бродил по тихой квартире, заглядывал в комнату к сыну. Цветные сказки — хорошие сны. Скорее бы Нина приходила — поговорить...

В родительском доме Виктор часто засыпал под говор большого черного репродуктора. Когда-то купил его отец, повесил на стенку. Телевизоров у них тогда в селе в помине не было. Жила семья Фроловых, как и многие другие в послевоенном Сотникове — вела хозяйство, четверых детей поднимала. Трудно жила. И младший, Витя, в стороне не был — втягивался в общую заботу.

Когда после восьмилетки он пошел в девятый класс, в школу, в соседнее село, бегал на лыжах — по четырна-

дцать километров в день. Два года подряд. Соседки матери прямо заявляли:

— Твой спортсменом будет.

А он об этом не думал — бегал, чтобы учиться. Как-то учитель физики предложил:

— Фролов, приходи к нам в радиокружок.

Особого интереса у него к радио не было, но он пришел. И незаметно втянулся, а потом ночами не спал — все приемники собирал. И поступать решил в институт на радиотехнический. Для этого надо было ехать в Иркутск. Деньги на дорогу он заработал в совхозе. Поехал и поступил. И все бы хорошо, да только тянулась тогда мать одна на четверых — какая уж тут учеба?.. В двадцать лет мастер Виктор Фролов с направлением на работу после окончания техникума по улице вошел в кабинет директора телеателье номер четыре города Красноярск.

В Красноярке было тогда пять телеателье. Да еще целых девять филиалов. Сама по себе каждая эта точка маломощная, но зато у каждой было свое руководство, свой склад. И случалось, выходило так: на одном складе скопление дефицитных запчастей, а на другом забыли, когда их и видели в последний раз. Это был первый серьезный тормоз, мешавший работе. Вторым было качество ремонта. Современный ассортимент радиотелевизионной аппаратуры — это более 1400 марок. С одной стороны, тут требуется соответствующий объем знаний от мастеров. С другой — необходима специализация. При тогдашней разобщенности об этом можно было только мечтать. И внедрению новых форм обслуживания эта раздробленность мешала. Вот почему и выходило, что одновременно с ростом числа заказов на ремонт от горожан — с конца пятидесятых до начала семидесятых годов оно увеличилось в 14 раз — столь же стремительно рос и... поток жалоб на их несвоевременное, некачественное выполнение. Жалобы становились делом привычным для мастеров. Они воспринимались просто как неизбежные. Хотя, казалось бы, что может быть ненормальнее такого положения для уважающего себя и свою работу мастера? Зато халтурщикам такое положение было на руку — все просто и легко сваливалось на организационные недостатки... Все это приводило к тому, что в работе появлялся третий тормоз, самый опасный, потому что был он внутри человека, и сам человек его даже не замечал. Так организационные промахи приводили к недугам куда более опасным — нравственным...

— В цехе мне сказали в первый день: «Бери, старик, «Изумруд» и ремонтируй, понятно?» Как не понять... Я тогда с «Изумруда» крышку первый раз в жизни снимал — техническая база училища в те годы была слабоватой, за магазинами не поспевала. В общем, копаюсь я в схеме — что-то знаю, о чем-то догады-

ваюсь,—нервничая, вокруг мастера спокойно своим делом занимаются. Ну, волновался я, волновался, а потом разозлился на всех и на себя самого. А, думаю, не убьют же в конце концов, если не сумею... За устранение поломки меня похвалили.

Вот так запомнился Виктору первый его телевизор. Да, наверное, и любому бы запомнился. Только один сам после такого начала начинает к новичкам похоже относиться— пусть выплывают как могут, мы-то смогли... А Виктор с тех пор новичкам помогал больше любого другого мастера в ателье. Помнил, что в душе творится, когда придешь по вызову и встречаешь тебя протяжно-разочарованно: «Ну-у, опять новичка прислали!»

В начале семидесятых в телемастерских города заговорили о новой форме работы— абонементном обслуживании. Виктор это хорошо помнит. Как примеривались недоверчиво к абонементам каждый со своей точки зрения— одни думали, что это даст клиентам, другие— где тут выгода мастерам запрятана...

Что это такое— абонемент? Раньше было так: купили вы телевизор, и когда заканчивалась на него гарантия, все расходы на его ремонт— от рубля до стоимости кинескопа— шли уже из вашего кармана. А если вы ставите телевизор на абонемент, платите через сборкаску рубль тридцать ежемесячно— за это вам два раза в год проводят профилактические осмотры, заменяют все неисправные детали, включая кинескоп, если надо, везут телевизор в мастерскую и обратно— и все это за рубль тридцать в месяц.

— Я тогда сразу понял,— говорит Виктор,— ломка в нашем деле назрела большая. Абонементы— только начало.

Начинать надо было, хотя многие мастера вовсе не спешили браться за абонементы, выжидали. У других просто не находилось желания убеждать клиентов, растолковывать им их же собственные выгоды да еще тратить на это свое дорогое послерабочее время: «Не хотят— не надо, им же хуже, а мы и без абонементов проживем».

Начинать надо было, хотя и клиенты недоверчиво отмахивались: знаем мы ваши услуги и профилактические осмотры— так осмотрите, что от телевизора один ящик останется. Или все лампы на старые поменяете, потом попробуй докажи...

От такого отношения хотелось на все рукой махнуть. И все-таки начинать надо было. В телеателье номер четыре первым за абонементы плотно взялся Виктор Фролов. Подбирал карточки на телевизоры с закончившейся гарантией и заходил после работы поговорить с владельцами. Много ему тогда о телемастерах выслушать пришлось, но он только настойчивее становился— надо такие отношения ломать. Ломать, чего бы это ни стоило, потому что жизнь они портят всем, не только заказчикам.

Тогда за месяц Виктор поставил на абонементное обслуживание 212 телевизоров. В основном они принадлежали его постоянным клиентам— людям, которые его уже хорошо знали. В Красноярске это до сих пор рекорд.

В 1975 году в городе было создано экспериментальное предприятие— завод по ремонту радиотелевизионной аппаратуры,— и в одном многоэтажном здании объединились работники всех прежних ателье. Объединились, чтобы начать работать по-новому.

Виктор пришел на завод уже мастером с именем. Не случайно ему сразу предложили возглавить комсомольско-молодежную бригаду. И очень скоро их бригада, линейная номер три по ремонту черно-белых телевизоров на правом берегу города, по всем показателям стала лучшей. Чем же, как говорится, брала бригада?

В ней собрались молодые, но уже и достаточно опытные мастера с образованием, которое позволяло на многое

замахнуться,— у кого среднее, у кого среднее специальное, а у кого и высшее. И важно, что желание у ребят было. К тому же бригадир Фролов сумел сразу оценить возможности, которые появились именно на заводе, быстрее других стал их использовать. Например, то, что разделение на шесть цехов позволяет специализироваться только на своем участке. И то, что на «Электронике»— так в городе называют завод— можно стало направлять своих ребят на стажировку на предприятия, изготавливающие новую аппаратуру, чтобы знакомились они с ней не в мастерских и не в квартирах. Так что не случайно, что Валера Минкин, к примеру, план четырех лет пятилетки давно уже сделал. А у бригадира стоимость только сверхплановых услуг уже составляет более десяти тысяч рублей.

...Ровно в девять утра он принимает ребят отчеты за прошедший день, распределяет заявки. Ровно в десять парни тесно набиваются в черную будку машины и едут на участки. Их девять. Вместе они работают уже пятый год, причем в одном районе. Их тут знают. Добравшись до места, они прощаются до завтра и расходятся по адресам. И теперь независимо от того, какая погода, сколько от адреса до адреса— метры или сотни метров,— пешком. А в среднем у каждого из них примерно по 14 заявок в день...

— В шкуре клиента и нам приходится бывать,— говорит Виктор.— Сломался холодильник, сидишь, ждешь мастера до вечера— целый рабочий день потерял. Поневоле сам взбесишься... А какие это государству убытки! Подсчитано даже, что по вине только нашего завода в городе 500 человек теряют рабочие дни. Но есть вина и вина. Где-то мы сами недорабатываем, а где-то оказываемся и без вины виноватыми. Ведь если бы мы передвигались по линиям не на своих двоих, клиенты бы ждали нас не больше двух-трех часов. А то у нас нет даже маршрутных автобусов, которые утром бы привозили работников на завод, а днем развозили на участки. На правый берег нас хоть «будка» отвозит, а во все другие районы— опять же только своим ходом. В результате и у нас и у клиентов потери времени просто

колоссальные. А сколько нервов это ожидание отнимает у людей? Но даже если мы будем по линии бегом бегать— ощутимых перемен это не принесет.

Пока у Министерства бытового обслуживания нет возможности помочь заводу с машинами. Выходит: ничего не попишешь? Но вот с каким предложением обращался в министерство начальник краевого объединения ремонта радиотелеаппаратуры. Просил он выделить заводу «Жигули» или «Нивы» для работников, которые могли бы взять их в рассрочку. Желающие такие есть. Нет пока никакого ответа на это предложение.

Как-то один из мастеров, подменявший Виктора на его участке, заметил ему потом недовольно: «Ну, ты своих клиентов и распустил! Избаловались— обувь заставляют снимать: Витя, видите ли, снимает!»

— Обувь,— грустно улыбается Виктор,— это не главное. Были недовольства другого плана: на моем участке заказчики «не совали в лапу»...

Нелегкий это для Виктора разговор— так не хотелось бы об этом говорить... Сколько знал он неплохих ребят, которые и работать умели, а вот удержаться, не брать в свои руки этих липких пятерок и трешек не сумели. А потом уж для них все сводилось к одному— лишь бы после смены в кармане шурило. Ну и по возможности чтоб жалобы не поступали— кому нужны лишние неприятности. А жалобы все-таки приходили. Такого содержания: бросили, мол, ему пятерку сверху, а телевизор как не шел, так и не идет. Так и пишут: бросили. Слово-то подобрали... А телевизор не идет потому, что у таких мастеров во время работы уже одна только эта самая пятерка в голове. Сама работа у них уже на другом плане— на дальнем. И ничего, кроме денег, они в ней уже не находят. Да и не нужно им, чтобы телевизор работал. Работающий телевизор пятерки не принесет... Так обидно за людей.

— И ведь зарплатки у нас приличные,— удивленно пожимает плечами Виктор.— Мы с женой начинали свою семейную жизнь с одной кастрюли, так за семь лет на все, что нужно, заработали, на цветной телевизор в том числе. И одеться мы любим модно и красиво...

Только во всех этих делах с пятерками не одних мастеров вина. Вот объясните, когда, почему у людей сложилось мнение, что надо сунуть? И ведь как

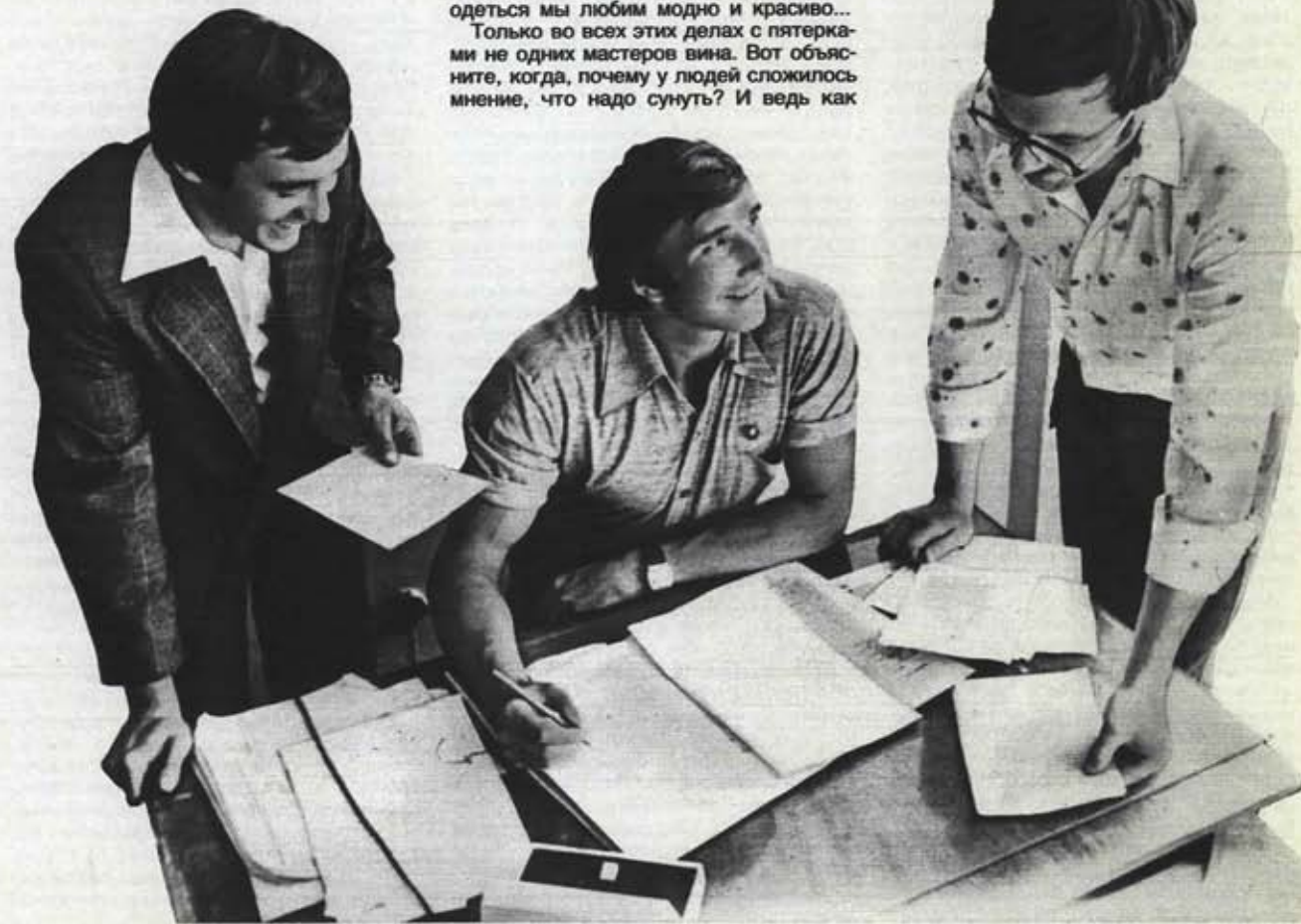
сложилось— трудно его поломать, трудно переубедить. Начнешь говорить, что не надо, так на тебя же еще и обидятся... А бывает и того хуже: ты уходишь собираешься, а хозяин несет из кухни граненый стакан— пей! Или руками разводит: что ты мне квитанцию какую-то суешь, здесь девять рублей написано, а я вот бутылку взял— разопьем и разойдемся с миром, в расчете... Кем себя мастер в таком положении чувствует?.. Но ведь никому не приходит в голову сунуть пятерку учительнице, которая после уроков с ребенком дополнительно занимается, правильно? А нам мрут... И все-таки многое, главное, зависит от того, как мы сами на себя смотрим— как на человека со стаканом в руке или иначе.

Премия Ленинского комсомола за 1978 год была присуждена и телерадио-монтажнику Виктору Фролову. Десятки людей звонили ему в те дни, десятки телеграмм пришли в его адрес. Были поздравления и от тех семей, которым он вот уже несколько лет помогал без всяких абонементов— заглянет телевизор посмотреть и если что нужно, исправит. Бескорыстно, как говорили когда-то. Почему-то сейчас это слово забывается...

Виктор, перебирая телеграммы, старался по фамилиям вспомнить всех. Всех не сумел. А вот люди его работу помнили.

А как же та жалоба, в нерадостных раздумьях о которой Виктор провел не один вечер?

Конечно, можно было бы успокоить себя тем, что происшедшее— только случайность. Спешил, не осмотрел весь телевизор тщательнейшим образом— ну, не было у него на это времени!.. Можно бы... Но Виктор заметит негромко, что, значит, есть у него куда подниматься еще выше. Выше того, что он умеет сейчас. И вот еще что не дает ему покоя: почему же те люди не поверили, что это случайность? Почему? Неужели в это так трудно поверить?.. И что можно сделать, чтобы люди такие истории только за случайные и принимали?

ЛИНЕЙНАЯ БРИГАДА № 3. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ.

Фото Бориса СПИРИДОНОВА

ПИСЬМА

Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо озадачило меня, на него ответить не так легко. Ты просишь посоветовать: что надо делать комсомольской организации группы, чтобы жизнь ее была «кипучей, живой, интересной», чтобы «на собрании не скучали, не ожидали, когда оно окончится»... Трудно ответить потому, что я не знаю хорошо, чем живет ваш коллектив, какие у ваших комсомольцев интересы. Но порекомендовать кое-что надо.

Мне хорошо известна эта болезнь комсомольских организаций: сойдутся на собрание и не знают, о чем говорить, какой вопрос поставить на обсуждение. В чем причина этой болезни? Мне кажется, в отрыве всей духовной жизни коллектива от собраний, от коллективных споров и дискуссий. Ваши собрания станут интересными тогда, когда они будут вызываться необходимостью, иными словами: вам должно захотеться сойтись, чтобы подумать коллективно, поспорить, посоветоваться.

Самое главное, чем, на мой взгляд, должна заниматься любая комсомольская организация — и в школе, и в колхозе, и на заводе, и в вузе — это **воспитание человека**. Делайте так, чтобы комсомольское собрание было школой самовоспитания. Воспитание ума и жизненной мудрости, воспитание чувств, воспитание гражданского долга, воспитание нравственной зрелости — все это надо выразить в таких формах работы, чтобы каждый юноша, каждая девушка видели себя, познавали себя, думали о своей судьбе, чтобы будущее волновало и тревожило, но в то же время чтобы самопознание сочеталось со стремлением к идеалу, чтобы каждый к чему-то стремился. Я твердо убежден в том, что важнейшей воспитательной задачей вуза и комсомольской студенческой организации является воспитание мировоззрения, идейной устремленности человека, а это начинается с воспитания ума, мудрости. Идея — это корень, идеал — зеленый росток, из которого развивается могучее дерево человеческой мысли, деятельности, поступков, порывов, страстей, столкновений. Я считаю, что комсомольская организация должна каждого молодого человека научить, по словам К. С. Станиславского, постигнувению важнейшей жизненной мудрости: научиться думать так, чтобы приблизиться к познанию идеи, чтобы стремиться к идеалу. Все жалуются на память, но почему никто не жалуется на свой ум? Потому что никто не стремится, вернее, не стремился до сих пор познать слабые стороны своего ума, воспитывать свой ум... Странное, очень странное дело наблюдается в комсомольских организациях: говорят обо всем, часто стремятся охватить сложнейшие вопросы воспитания мировоззрения, а вот о воспитании ума никто не говорит. А с этого все начинается, в этом все корни...

Да, но как же воспитывать ум, воззрение, идейность, стремление к идеалу, как поставить все это в ряд?

Мудрость есть дочь опыта, писал Леонардо да Винчи. Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет. Подумайте, поспорьте над проблемой: «Что представляет собой наш жизненный опыт?» Уверю тебя, это будет интереснейший разговор. Интересен он будет тем, что каждый из вас как бы со стороны посмотрит на собственный ум. Вы будете подвергать умственному анализу то, что вы делаете, то, как вы поступаете. Здесь будет разговор и об идеях, и об идеале, но все это через

призму личного восприятия. В споре о жизненном опыте человек как бы подводит итоги того, что он сделал, но этот итог невозможен без самооценки, и в этом заключается большая воспитательная ценность диспута. Сильный ум, преследующий практические цели, — лучший ум на земле, писал Гете. Свой опыт надо анализировать с точки зрения практических целей. Но все ваше учение, весь ваш умственный труд имеет практическую цель: стать хорошими гражданами, хорошими творцами, честными людьми — людьми с ясной головой, чистым сердцем, золотыми руками. Вот и подумайте над тем, как вы стремитесь стать хорошими людьми. Какие книги вы читаете, что вас волнует, насколько глубоко пронизывает ваш умственный труд пытливая мысль.

Вам жить в коммунистическом обществе, у вас должен быть разум творца. Что значит творческий разум? Это мировоззрение в действии. Ваше учение в вузе вообще должно отличаться тем, что, думая, вы должны не только познавать, объяснять окружающий мир, но и что-то утверждать, за что-то бороться, что-то отстаивать. Один комсомольский работник вуза говорил мне: «Трудно поставить работу вузовской организации так, чтобы каждый юноша, каждая девушка участвовали в чем-то конкретном. Мы — «чистые мыслители», какая у нас может быть прямая, непосредственная связь с жизнью?»

Странное недомыслие... Ведь «чистые мыслители» шли на смерть за то, что не захотели отказаться от своих убеждений. Анализируя свой жизненный опыт, вы должны ответить на вопрос: «Что мы утверждаем, отстаиваем, за что мы боремся?» Я думаю, что в нашем обществе именно в сфере мышления будет еще долго происходить острая борьба между научно-материалистическим мировоззрением и суевериями, предрассудками, окостеневшими взглядами. Сколько есть еще людей, твердо убежденных в том, что во многих явлениях есть познаваемые и непознаваемые стороны: есть что-то таинственное, сверхъестественное, что никогда не может быть и не будет познано и объяснено. Как правило, люди, придерживающиеся таких взглядов, являющиеся глубоко верующими, религиозными. В их душах надо утверждать другую веру и другую надежду: веру в то, что человек сегодня одну за другой объясняет не познанные вчера тайны природы, мышления, в процессе познания перед ним открываются новые загадки, новые тайны, которые будут объяснены. Веру в то, что, познав сложнейшие тайны и тонкости жизни, человек овладеет самой большой, извечной тайной — тайной бессмертия. Это настоящая борьба за торжество разума и вместе с тем борьба за человека. И всюду здесь — мысль, мысль, мысль. Всяду стремление к торжеству разума, ведь разум, писал В. Г. Белинский, дан человеку для того, чтобы он разумно жил, а не для того только, чтобы он видел, что он неразумно живет. Обогащайте свой опыт борьбой за человека, — тогда вам будет о чем спорить, будет о чем говорить.

Если вы будете думать над тем, что еще не постигнуто, не познано, — вы будете по-настоящему мудрыми людьми. А мудрость, писал Л. Н. Толстой, необходима всем людям и поэтому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его. «Хорошо было бы, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться из того человека, который полон ею, в того, в котором ее нет... Но горе в том, что для восприятия чужой мудрости нужна прежде всего самостоятельная работа».

Вот над этими словами мудрейшего из мудрых тоже надо глубоко задуматься. Какими бы мудрыми ни были люди, окружающие тебя, ты не поднимешься ни на одну ступеньку длинной лестницы человеческой мудрости, если будешь бездельничать. Какой бы умный спор ни происходил рядом с тобой, надо самому «шевелить мозгами», чтобы стать умнее.

Я советовал бы поспорить на комсомольском диспуте о том, что Ромен Роллан называет мужеством ума и честностью ума: «Мужество ума состоит в том, чтобы не отступать перед тяготами умственного труда. Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой, стремиться к ней, находить ее любой ценой, гнущаясь легких и удобных половинчатых решений, унижительно лжи... Иметь смелость самостоятельно мыслить. Быть человеком». Подумайте, честно, как говорится, признайтесь каждый самому себе, всегда ли вы преодолеваете тягости умственного труда. Помни, сын, что в умственном труде очень легко поддаться искушению избрать легкий путь и уклониться от самого трудного пути. Всегда ли вы преодолеваете трудности во имя торжества справедливой истины, во имя идеи?

Вот сколько можно спорить о разуме и мудрости. А об идеях, об идеале — тоже не меньше. Я советовал бы устроить диспуты на темы: «Кого я считаю образцом для подражания», «Человеческий идеал и идеальный человек», «Нравственность и красота». Помню, когда я учился в институте, у нас были диспуты как раз на эти темы. Попробуйте и вы — увидите, как скрестятся мечи взглядов. У Горького есть изумительная мысль: «Когда природа лишила человека его способность ходить на четвереньках, она дала ему, в виде посоха, — идеал! И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему — все выше! Сделайте это стремление сознательным, учите людей понимать, что только в сознательном стремлении к лучшему — истинное счастье». Понятно тебе это: перейти от бессознательного, инстинктивного стремления к идеалу — к сознательному? Это и есть то, что мы называем самовоспитанием.

Без идеала не может быть никакого движения вперед. Без идеала немислима юношеская мечта, а мечта является искрой, из которой разгорается комсомольская романтика. Поспорьте об идеале — и вы увидите, как взлет мечты поднимает вас над массой жизненных явлений, и среди них вы сумеете найти то, что для вас дорого.

Вот некоторые мои советы о том, каким может быть предмет спора на комсомольском собрании. Это, конечно, не будут обычные собрания, которые всем нам приелись, на которых никому не хочется выступать, потому что все уже говорено и переговорено... Это будет игра творческой мысли, одухотворенной благородными побуждениями.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь посоветовать, как экономно и умно (это совершенно правильно — умно) использовать время. Жалуюсь, что «одна работа подхлестывает другую, не успеешь оглянуться — день окончился, осталось невыполненным то, что собирался было сделать». Из твоего письма мне ясно также то, что на тебя сваливается, как ты говоришь, «груда книг», не успеваешь прочитать все рекомендованное.

Я дам тебе несколько советов, исходя из собственного опыта.

1. Первое и самое главное — об этом я писал тебе еще в прошлом году — это умение создавать резерв времени в процессе слушания лекций. Неумение слушать лекции приводит к тому, что у студента создаются «авральные» периоды умственного труда: в течение нескольких дней до зачетов (или экзаменов) он сидит над конспектами лекций, а во время зачетов спит 2—3 часа в сутки. Вся работа, которая должна выполняться повседневно, изо дня в день, на эти «пожарные дни» откладывается. По моим подсчетам, таких «пожарных», «авральных» дней набирается в году не меньше пятидесяти, то есть почти четвертая часть всего рабочего времени. Здесь кроется один из самых главных корней нехватки времени. Надо предотвратить «пожарные» круглосуточные бдения над конспектами. Надо учиться думать над конспектом уже на лекции и работать над записями ежедневно хотя бы в течение двух часов. Я советую конспект делить как бы на две рубрики (графы): в первую записывать краткое изложение лекции, во вторую — то, над чем надо подумать; сюда следует заносить узловые, главные вопросы. Это тот каркас, к которому как бы привязывается все здание знаний по данной дисциплине. Вот над этими каркасными вопросами надо думать повседневно, связывая с этим думанием то повседневное чтение, о котором я говорил. Если ты будешь придерживаться этого требования по всем предметам, у тебя не будет «авральных» дней. Не будет необходимости перечитывать и заучивать весь конспект при подготовке к экзамену или зачету. Каркас предмета будет своеобразной программой, на основе которой припоминается весь материал по данному предмету.

2. Если хочешь, чтобы у тебя было достаточно времени, ежедневно читай. Читай каждый день и основательно штудируй несколько (4—6) страниц научной литературы, в той или иной мере связанной с учебными дисциплинами. Кроме того, читай внимательно и вдумчиво, но не штудируй (то есть не записывай), ежедневно не меньше 10—15 страниц научной и научно-популярной литературы. (Сюда входит чтение научных и научно-популярных журналов.) Все, что ты читаешь, — это интеллектуальный фон твоего учения. Чем богаче этот фон, тем легче учиться. Чем больше читаешь ежедневно, тем больше у тебя будет резерв времени. Потому что во всем, что ты читаешь, — тысячи точек соприкосновения с материалом, изучаемым на лекциях. Эти точки выявляются, я бы назвал так, **якорями памяти**. Они привязывают обязательные знания к тому океану знаний, который окружает человека.

3. Начиная рабочий день рано утром, часов в 6. Вставая в 5 часов 30 минут, сделай зарядку, выпей стакан молока с булочкой (не привыкай к чаю, успеешь еще привыкнуть в зрелые годы), начинай работу. Если ты привыкнешь к началу своего рабочего дня в 6 часов, то старайся приступить к работе на 15—20 минут раньше шести. Это хороший внутренний стимул, задающий тон всему рабочему дню.

Полтора часа утреннего умственного труда перед лекцией — это золотое время. Все, что мне удалось сделать, я сделал утром. В течение тридцати лет я начинаю свой рабочий день в пять часов утра, работаю до восьми часов. Тридцать книг по педагогике и свыше трехсот других научных трудов — все это написано от пяти до восьми утра. У меня уже выработался ритм умственного труда: если бы я даже захотел в эти утренние часы спать — это мне не удастся, все во

Ж СЫНУ

мне настроено в это время только на умственный труд.

Я советую тебе выполнять в утренние полтора часа самый сложный творческий умственный труд. Думай над узловыми вопросами теории, штудируй трудные теоретические статьи, работай над рефератами. Если у тебя есть умственная работа с элементами исследования—выполняй ее только в утреннее время.

4. Умей определить систему своего умственного труда. Это исключительно важная закономерность, от которой многое зависит. Я имею в виду понимание соотношения главного и второстепенного. Главное надо уметь распределять во времени так, чтобы оно не отодвигалось на задний план второстепенным. Главным надо заниматься ежедневно. Определи самые важные научные проблемы, от понимания которых зависит становление в тебе инженера. Ряд этих проблем являются сквозными, они пронизывают многие дисциплины. Главные научные проблемы должны быть у тебя на первом месте в утреннем умственном труде. Умей найти по главным научным проблемам фундаментальные книги, научные труды, над которыми работай в течение продолжительного времени.

5. Умей создавать себе внутренние стимулы. Многие в умственном труде не настолько интересны, чтобы выполнять с большим желанием. Часто единственным движущим стимулом является лишь надо. Начиная умственный труд как раз с этого. Умей сосредоточиться на тонкостях теории по этим вопросам, сосредоточиться настолько, что надо постепенно превращается в хочу. Самое интересное всегда оставляй на конец работы.

6. Тебя окружает море книг и журналов. В студенческие годы надо быть очень строгим в выборе книг и журналов для чтения, исключать из него то, что может нарушить режим труда. Но в то же время надо помнить, что в любую минуту может возникнуть необходимость прочитать новую книгу—то, что не предусмотрено было твоими планами. Для этого необходим резерв времени. Он создается, как я уже писал тебе, умелым умственным трудом на лекциях и над конспектами, предотвращением «авралных» дней.

7. Умей самому себе сказать: нет. Тебя окружает множество занятий. Есть и научные кружки, и кружки художественной самодеятельности, и спортивные секции, и вечера танцев, и множество клубов, где можно провести время. Умей проявить решительность: во многих из этих видов деятельности заключены соблазны, которые могут принести тебе большой вред. Надо и развлечься, и отдохнуть, но нельзя забывать главное: ты труженик, государство тратит на тебя большие деньги, и на первом месте должны стоять не танцы и отдых, а труд. Для отдыха я советую шахматную игру, чтение художественной литературы.

8. Не трать времени на пустяки. Имею в виду пустую болтовню, пустое времяпровождение. Бывает так: сядут несколько человек в комнате и начинают, как говорят по-украински, «разводить теревени». Пройдет час, два, ничего не сделано, никакая умная мысль не родилась в этом разговоре, а время потеряно безвозвратно. Умей и разговор с товарищами сделать источником своего духовного обогащения.

9. Учись облегчать свой умственный труд в будущем. Речь идет о том, чтобы уметь создавать резерв времени в будущем. Для этого надо привыкнуть к системе записных книжек. У меня их сейчас около 40. Каждая предназначена для записи ярких, как бы мимолет-

ных мыслей (которые имеют «привычку» приходиться в голову раз и больше не возвращаться) по одной из проблем педагогики. Сюда же я записываю самое интересное и яркое из прочитанного по этой же проблеме. Все это нужно в будущем, и все это очень облегчает умственный труд. У тебя, я знаю, есть записные книжки, но нет системы. Создавай четкую систему записей. Облегчай свой умственный труд.

10. Для каждой работы ищи наиболее рациональные приемы умственного труда. Избегай трафарета и шаблона. Не жалей времени на то, чтобы глубоко осмыслить сущность фактов, явлений, закономерностей, с которыми ты имеешь дело. Чем глубже ты вдумался, тем прочнее отложится в памяти. До тех пор, пока не осмыслено, не старайся запомнить—это будет напрасная трата времени. Умей не читать, а только просматривать то, что тебе хорошо известно. Но вместе с тем опасайся поверхностного просматривания того, что еще не осмыслено. Всякая поверхностность обернется тем, что ты вынужден будешь к отдельным фактам, явлениям, закономерностям возвращаться много раз.

11. Умственный труд одного человека не может быть успешным, если все живущие в одной комнате не договорятся о строгом соблюдении отдельных требований. Прежде всего надо договориться, чтобы в строго определенные часы категорически запрещалось говорить, спорить, заниматься делами, нарушающими покой. В часы сосредоточенного умственного труда каждый должен работать совершенно самостоятельно.

12. Умственный труд требует чередования математического и художественного мышления. Чередуй чтение научной литературы с чтением беллетристики.

13. Умей избавиться от дурных привычек. Я имею в виду вот какие: перед началом работы сидеть без дела пятнадцать, двадцать минут; без какой бы то ни было надобности перелистывать книгу, которую заведомо не будешь читать; проснувшись, лежать в постели минут пятнадцать и др.

14. Завтра—самый опасный враг трудолюбия. Никогда не откладывай ту часть работы, которую надо выполнить сегодня, на завтра. Сделай привычкой то, чтобы часть завтрашней работы была выполнена сегодня. Это будет прекрасным внутренним стимулом, задающим тон всему завтрашнему дню.

15. Не прекращай умственного труда никогда, ни на один день. Летом не расставайся с книгой. Каждый день должен тебя обогащать интеллектуальными ценностями—в этом один из источников времени, необходимого для умственного труда в будущем.

Вот пятнадцать заповедей, которых, мне кажется, должен придерживаться каждый студент.

Желаю тебе крепкого здоровья, бодрого духа, хорошего настроения. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Я получил твое мрачное письмо. Меня не удивили мысли, которые ты пережил накануне Нового года. Я тоже когда-то пережил это. Итак, для чего человек живет на свете, в чем смысл жизни?

Вопрос о смысле жизни—основной вопрос этики. Я даже рад, что твоя душа испытала тревогу, связанную с этими мыслями. Радость жизни была бы недоступна, если бы сердце человеческое никогда, ни на одну минуту не было захвачено грустью...

Мне приходилось недавно быть в одном музее—бывшем фашистском лагере смерти возле Варшавы. Среди мно-

гих изобретениях, придуманных дьявольским сознанием убийц и насильников, мне бросилось в глаза одно, казалось бы, самое примитивное изобретение: большая телега, на которую обреченные на смерть узники грузили тонн десять огромных камней, перевозили их по разбитой дороге километра за два, разгружали, снова нагружали и снова перевозили—и все это непрерывно, изо дня в день, в течение многих недель и месяцев. За кажущейся простотой этого «изобретения» кроется дьявольски тонкий замысел: обречь человека на самые страшные муки, физические и духовные—на муки бессмысленного, бесцельного каторжного труда. В человеке капля за каплей убивалось все человеческое—таков был замысел фашистских тиранов—не только ужасно изнуряющим физическим трудом, но и духовными страданиями. Человек испытывает моральные муки, если его заставляют делать бессмысленную работу, ненужную ни для чего и никому. Вспомни античный миф о сизифовом труде, вспомни круги ада у Данте в «Божественной комедии».

Для чего жить, если и добрые и злые дела кончаются смертью? Как раз на этом мучительном для человека вопросе и паразитировала религия, обещая бессмертие в загробном мире. Но уже в древнем мире были люди, которые понимали, что нет и не может быть никакой загробной жизни, никакого личного бессмертия, что бессмертие связано со стремлением человека оставить своей жизнью какой-то значительный след для новых поколений.

У каждого советского человека есть цель (или несколько целей) жизни. Один мечтает стать инженером-конструктором новых машин, другому хочется подарить людям такой сорт пшеницы, чтобы она давала два колоса там, где произрастает один. Третий хочет стать учителем, четвертый—врачом, пятый—высококвалифицированным рабочим. Можно ли сказать, что каждая из этих целей является смыслом жизни? Нет, смысл жизни—это, по-моему, нечто более глубокое и всеобъемлющее. И у того, кто поставил своей целью создать космический корабль, который полетит на Марс, и у того, кто счастье своей личной жизни видит в том, чтобы выращивать высокий урожай пшеницы,—смысл жизни, по существу, один и тот же: служить людям, принести добро Человеку, возвысить человеческое стремление к совершенству, творчеству, красоте. Смысл жизни—это не конкретная цель каждого человека, а жизненные принципы, линия жизни. Во имя чего человек работает, преодолевает трудности, радуется достигнутым успехам—вот в чем выражается смысл жизни.

Я расскажу тебе о двух рабочих, которые живут в маленьком городке над Днепром. Они примерно одного возраста—до 50 лет. Лет по двадцать пять работают на заводе. У каждого из них есть свой домик, возле домика—приусадебный участок, виноградник. Даже количество кустов винограда одинаковое. Оба они—Семен Лаврентьевич и Алексей Демидович—до самозабвения влюблены в труд на винограднике. С ранней весны до поздней осени все свободное время проводят они среди своих любимых кустов. Каждый получает килограммов по тридцать с одного куста, а всего тонны по три солнечных гроздьев. Но... по-разному относятся к ним люди. Семена Лаврентьевича любят, хотя и считают чудачком, а Алексея Демидовича ненавидят. Почему это так? А вот почему.

Как только начинает созревать виноград, на приусадебном участке Семена

Лаврентьевича с утра до ночи слышен детский смех. У него несколько десятков юных друзей. Семен Лаврентьевич построил на винограднике шалаш, как на баштане,—здесь собираются его друзья. Он раздает им почти все гроздьи. Они лакомятся сами, несут бабушкам и дедушкам. А поздней осенью, когда на винограднике ковер листьев покрывает землю и ветви становятся оголенными, Семен Лаврентьевич собирает всех своих юных друзей и каждому дает несколько саженцев: посади дома, создай свой виноградник, принеси радость людям. Приходят в эту пору к Семену Лаврентьевичу не только дети, но и взрослые, особенно отцы его маленьких друзей.

Считая Семена Лаврентьевича чудачком, многие спрашивают у него: «Что же дает вам труд на винограднике? Ведь вы работаете с весны до осени и не получаете ничего, ни копейки. Три тонны винограда—ведь на это можно уже давно построить большой дом».

Семен Лаврентьевич задумчиво улыбается и говорит:

—Получаю я от своего труда очень много. Чувствую себя богачом. Богаче любого живущего на земле человека. А дом у меня есть. Достаточно с меня этого маленького домика.

Семена Лаврентьевича горячо любят дети. Они готовы ему свою душу отдать. В те часы, когда он на работе и они ожидают его в шалаше, никто из них не сорвет ни одной ягоды. Они сами уши нарвут тому, кто попытался бы это сделать. Я твердо убежден, что человечность, сердечность, доброта любого человека измеряется тем, как относятся к нему дети. Тот, кого любят дети,—настоящий человек. Детей никогда не обманешь, ничем не закроешь перед ними своего настоящего лица. Они чувствуют и распознают фальшь, ненавидят притворство.

Недалеко от Семена Лаврентьевича живет Алексей Демидович. На производстве его знают как опытного, трудолюбивого рабочего, но никто его не любит. Что-то в нем настораживает, люди говорят, что нет у этого человека души... Как и Семен Лаврентьевич, с ранней весны до поздней осени он на винограднике. Но здесь никогда не слышно детских голосов. Его виноградник окружен высоким забором. На верхушках тесин—колючая проволока. На столбах—кусочки битого стекла. К столбам привязаны два злых пса. Для них Алексей Демидович построил прочные будки. Если кто-нибудь придет купить саженец (у него только покупают), то Алексей Демидович выходит за ворота, показывает свой «товар», как он говорит, стремится побыстрее выпроводить покупателя. В пору созревания винограда он день и ночь находится на винограднике. У него такой же шалаш, как и у Семена Лаврентьевича, только никто, кроме хозяина, никогда в этом шалаше не бывает. Весь виноград, до последней ягоды, он продает на рынке. Говорят, накопил уже не одну тысячу.

Вот тебе два человека, два смысла жизни. Учись, думай, как огня избегай плохого и стремись к хорошему. Смысл жизни—в служении людям. Такие, как Алексей Демидович, окружены презрением соотечественников. Они могут чувствовать себя счастливыми, но их счастье—это счастье Плюшкина.

Хочу закончить это письмо старинным девизом врачей: «Светя другим, сгораю». Вдумайся в эти слова, сын. Если бы не многочисленные примеры самопожертвования во имя блага людей, не было бы истории человечества, и вся наша жизнь превратилась бы в мрачную темницу. От Муция Сцевола до Михаила Паникадо, до Зои Космодемьянской и Александра Матросова—небосвод человеческой истории усеян вечно горящими звездами служения людям, мечтой о прекрасном будущем людей. Пусть сияние этих звезд озаряет тебе путь, сын. Свети другим. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец.

Детство, отрочество, юность... Прекрасные, удивительные, но и трудные, сложные годы, в которые начинается формирование человека, его характера, мировоззрения. Крутыми порой оказываются эти три первые ступеньки лестницы жизни, если нет рядом мудрого и доброго наставника. Наставника, относящегося к юным сердечко, с пониманием. Таким мудрым другом является, безусловно, детская и юношеская литература.

«Юность планеты и детская литература» — под таким девизом в октябре проходила в Москве II Международная конференция детских и юношеских писателей. Важнейшие проблемы духовной жизни молодого поколения планеты, активная позиция советской детской и юношеской литературы в воспитании нравственно-эстетических ценностей побудили наших писателей выступить с инициативой созыва конференции в Международный год ребенка.

Уже в самом девизе конференции подчеркнута мысль об ответственности литераторов, пишущих для подрастающего поколения. Ответственности за слово, за совет, за воспитание юных граждан. Об этом говорили на своей встрече собравшиеся по литературному цеху более чем из 38 стран.

Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из романа западногерманского писателя Ганса Бауманна «Я шел с Ганнибалом». Творчество этого известного детского писателя «Смена» уже представляла в своей традиционной рубрике сказкой для маленьких и больших — «Лев и единорог», которая была опубликована в 1976 году.

Хочется отметить, что Ганс Бауманн — неутомимый пропагандист советской детской и русской классической литературы. Ему принадлежат прекрасные переводы Пушкина, Паустовского, Михалкова, Барто и других писателей.

Ганс БАУМАНН

Я ШЕЛ С ГАННИБАЛОМ

Десять дней подряд по левую нашу сторону все время были реки, сначала Рона, потом Арар, а по правую поднимались отвесные скалы. Иногда они так близко подступали к реке, что казалось, мы не сможем между ними пройти. Но дорога все-таки была, и вскоре воины освоились и легко шли между скалами и рекой. Бранко приказал всадникам ехать во главе колонны, и они служили посредниками, когда надо было вести переговоры с племенами, через чьи территории мы проезжали. Без потерь дошли мы до горного потока Друета, который впадал в Арар. Этот стремительный поток нам надо было перейти. Он был не широк: наши метатели пращи попробовали перекинуть на другой берег стволы деревьев, и успешно, но наемники, лошади и слоны боялись приблизиться к берегу бурного потока. Люди Бранко не скрывали от нас, что это опасная река, ее берега покрыты сыпучей галькой, в ней много водоворотов, для переправы через нее не пригодны ни плоты, ни лодки.

Тем не менее Ганнибал приказал спустить на воду плоты. Первый же плот засосало в водоворот, он перевернулся, и одиннадцать наемников утонули. Ганнибал приказал установить в реке на одинаковом расстоянии друг от друга шесть и связать их кожаными ремнями, чтобы за эти перила люди могли держаться, переходя реку. На установке шестов утонуло еще несколько человек, их унесла река. Вода была холодна, как лед. Наемники взирали на горы, которые по мере приближения к ним вздымались все выше и выше. Теперь они занимали половину неба.

Одежду и оружие снова сложили в походные сумки, надо было переходить реку. Ганнибал шел в числе первых. На другой стороне реки горели костры, и люди смогли обсушиться. Перила сослужили Ганнибалу верную службу.

Слонам перила, конечно, не помогли. К тому же вид огромных пылающих костров на другом берегу реки приводил их в волнение, и было просто невозможно перевести их через реку. Вскоре погонщики отыскали брод, где слоны смогли перейти реку.

Картало предложил построить оставшихся тридцать пять слонов вплотную друг к другу и завести их в реку. Все согласилось, слонов построили в три ряда, Суру и Рокко поставили по краям первого ряда.

Слоны начали шаг за шагом двигаться вперед. Вдуваемая река, доходящая им до животов, а еще больше страх перед ледяной водой заставляли их крепко прижиматься друг к другу. Как единый остров, состоящий из серых холмов, подошли они к середине реки, потом прошли еще немного. Внезапно четыре или пять слонов потеряли точку опоры на дне, покрытом галькой. Они повалились в воду, увлекая за собой остальных. Среди слонов началась паника, которую невозможно было унять. Каждый погонщик думал только о себе и своем слоне. Картало, который сидел позади меня, закричал на Суру. Но среди крика других погонщиков и тревожного рева слонов невозможно было различить ни слова. Суру стоял в воде, как скала. Он снова пошел только тогда, когда почувствовал, что рядом нет других слонов. Он осторожно переставлял ноги. Кончик откинутого хобота виднелся надо лбом между огромными бутрами. Когда Суру пошел, Картало перестал кричать. Суру так долго ощущал дно, прежде чем сделать шаг, что Картало начал нетерпеливо постукивать меня по спине. Наконец осталось пройти всего три или четыре шага до берега. Но Суру снова остановился. Картало стал уговаривать его, потом ударил по ушам палкой. А потом он сделал то, что еще никогда не делал с тех пор, как я стал ездить на Суру: он схватил железный багор, висевший сбоку седла, и стал колотить слона за ухом. Боль заставила Суру сделать еще один шаг. Потом он оступился и сбросил меня и Картало в воду. Я успел схватиться за торчащий из воды бивень. Суру желал только одного — найти передними ногами твердую опору. Он был вне себя от страха; он даже попытался сбросить меня и все больше и больше увязал в гальке. Меня снесло волной, но Картало поймал меня и выволок на берег.

Я смотрел на Суру. Он не сдавался и продолжал бороться за свою жизнь. Он храбро заставил себя идти вперед, пока не вышел из сыпучей гальки и не ощутил одной ногой твердую землю. Тогда он подтянул другую ногу и, перенеся на нее вес тела, выгнул себя всего. Передняя часть его тела возвышалась из воды. И тогда он затрубил. Но в его реве больше не слышалось страха.

Никогда еще Суру не казался мне таким героем, как теперь, когда он выбрался на берег. Он стоял, возвышаясь над смертью. Картало все еще удерживал меня.

— Не подходи к нему! — предостерег он. Но я вырвался, в несколько прыжков подбежал к Суру, обхватил руками ту его ногу, которой он ступил на твердую землю, и зарыдал, и мне не было стыдно моих слез.

Пять погонщиков и четыре слона погибли в реке. При этом известии Ганнибал побледнел.

Ближе к вечеру случилось неожиданное: Суру подошел к Рокко. Оба сразу начали ворчать. Потом, как бы по наказанию невидимыми погонщиками, пошел друг за другом. Они остановились и встали голова в голову, каждый старался толкнуть другого. Вскочили перепуганные погонщики. Сначала Картало и Гизго хотели подойти к разъяренным слонам, но вскоре решили, что лучше разрешить слонам подраться. Каждый понимал, что это будет битва за то, кому быть вожаком стада во время перехода через горы.

Суру и Рокко были примерно одинаково сильны. У Суру было только один клык, но хобот у него был сильнее, и он попытался схватить им Рокко за голову. Рокко увернулся и пошел в атаку. Два гиганта со всей силой давили друг на

друга; их тела дрожали от головы до пят. Они со скрежетом терлись друг о друга лбами; звук был такой, будто между ними что-то разламывается на куски.

— Остановите их! — в волнении закричали некоторые индос.

Картало отказался вмешиваться, а Гизго объяснил, что будет еще опаснее, если один из слонов побежит: тогда другой сможет изувечить его своими бивнями.

— Рано или поздно это должно было случиться, — взволнованно сказал погонщик Рокко.

Он был уверен в победе. Рокко сумел оттолкнуть Суру на несколько шагов, и было похоже, что Суру проиграл. Потом Суру неожиданно отступил, Рокко споткнулся, задев бок Суру. Колени у Рокко подкосились. Суру тоже оступился. Потом оба выпрямились и снова приготовились к битве. Теперь они поменялись местами и двинулись друг на друга с поднятыми хоботами. Они наносили друг другу мощные удары, бились головами, хоботами, шум стоял страшный. И вот когда Рокко поднял хобот для нового удара, Суру своим хоботом молниеносно рассек воздух и со свистом ударил по бивням Рокко. Удар был такой страшной силы, что оба бивня Рокко сломались. Рокко был ошеломлен. Нашим глазам предстало ужасное зрелище. Сломанные бивни кровоточили.

Рокко в замешательстве поднял свой хобот, согнул его и положил кончик хобота в рот. Потом он повернулся и побрел к реке. Там он стал мыть себе грудь и бока с такой тщательностью, как будто они были покрыты грязью. Суру не преследовал его. Он поднял хобот высоко в воздух и протрубил победу. Все слоны собрались вокруг него.

Мы снова тронулись в путь. У нас осталось тридцать четыре слона. Суру шел во главе. Слоны следовали гуськом друг за другом, положив хобот на спину впереди идущего. Наша процессия спокойно поднималась в горы.

Ганнибал выслал вперед отряд сильных всадников. Мы видели, как, достигнув круч, всадники спешились и повели лошадей на поводу. С ними шли четыре проводника, которые служили у нас с тех пор, как мы ушли с «острова». Они уверяли, что здесь нечего бояться нападения, так как в горах есть где укрыться от врага.

Горы обступали нас со всех сторон. Они росли перед нашими глазами, становясь неузнаваемыми. Лачуги, прилепившиеся к склонам гор, были похожи на замерзших птиц с распростертыми крыльями.

А потом вдруг вершины гор исчезли: их затопили тяжелые тучи, покрывшие небо. Начался дождь, он размыл дорогу. Наш передовой отряд скрылся в тучах. Горы стали невидимыми. Они исчезли, но мы знали, что они здесь.

Ганнибал проскакал мимо нас. Он торопил лошадей, чтобы догнать передовой отряд. Через час мы тоже подошли к нему. Ганнибал созвал своих начальников. Он взобрался на Суру, чтобы мы лучше могли его видеть.

— Нам надо приготовиться к встрече с врагом, — сказал он. — Дождь проглотил друзей, которые показывали нам дорогу. Они боятся дождя. Магал сообщил мне, что горцы любят поспать, что они не воюют ни ночью, ни в тумане. Так что ночь на нашей стороне, как быть с туманом, мы еще посмотрим. Нам необходимо выбраться из этой долины, чтобы обрушиться на головы горцев и не дать им обрушиться на нас.

Армия снова двинулась. На этот раз слонов поставили в середину. Махарбал и Маго шли впереди. Ганнибал шел рядом со слонами, Мономах с наиболее опытными и верными наемниками замыкал шествие, чтобы в случае надобности отразить нападение сзади. Видимость была плохая.

Картало ругался: — Об этих людях и думать не стоит! Нет ничего плачевнее ударающего человека! Трус не заслуживает жизни.

Я разделял гнев Картало. — Покинуть Ганнибала в беде! — возмущался Картало. — Никто из его людей на такое не способен. Вот увидишь, как они будут за него сражаться!

Я вспомнил берсеркеров: как они набрасывались друг на друга на песчаном учебном поле лагеря. И мне не трудно было себе представить, как Мономах пойдет в атаку на врагов.

От дождя дорога стала скользкой. Суру осторожно переставлял ноги. Он шел с большим напряжением, будто что-то видел в густой пелене тумана. Справа от дороги поднимались не очень крутые горы, слева была пропасть: глубокая или нет, трудно было сказать из-за дождя. Мы посмотрели вверх, но там все тонуло в тучах. Тучи, пропасть, горы — все неестественно неподвижное. В горах стояла тишина. Мы понимали, что от врага здесь не уйти. Тут у одного слона вырвался из-под ноги камень. И опять наступила мертвая тишина. Теперь Суру пошел быстрее. Он был напуган, я чувствовал, что его страх возрастает. Мне тоже было страшно. Я посмотрел на Картало.

— Не надо бояться, — сказал он хрипло.

Потом мы услышали тупое постукивание падающего на нас камня. Это был огромный обломок скалы. Люди и животные в испуге отпрянули назад. Колонна остановилась. Суру стоял так, будто сделал свой последний шаг и будет стоять здесь вечно. Уши у него оттопырились, а хоботом он указывал на гору.

Обломок скалы упал между четвертым и пятым слоном; вреда он никому не причинил. Но некоторые слоны испугались и захотели повернуть назад.

Тропинка была узкой, и тогда они решили уйти вниз по склону. Один из них оступился, перевернулся и полетел вниз.

Погонщики делали все возможное, чтобы успокоить слонов, а те все больше волновались. Тогда Суру начал трубить, и его призывы оказались более действенными, чем все команды погонщиков. Слоны попытались собраться в кучу.

Но теперь с горного склона на нас посыпался град камней. Камни ранили людей и животных. Раздались крики и стоны. Наемникам приказано было забраться на склон. Но на сыпучей, покрытой мокрой травой почве удержаться было трудно. Под градом камней наемники с лошадыми стремглавы летели в пропасть.

Самое худшее произошло в обозе. Нагруженные лошади сошли с тропы, потеряли равновесие и рухнули вниз вместе с грузом.

— Это ад!—закричал Картало.

Наша армия, зажата между пропастью и горной стеной, не могла ни отступить, ни защищаться. Враг, причинивший нам столько ущерба, оставался невидим: он мог с нами делать, что хочет. Нами владел один только страх. На миг мне явилась безумная мысль, что это сами горы стараются сбросить нас в пропасть.

В ужасе соскочил я со спины Суру и спрятался между его передними ногами. Я весь дрожал. Это и есть война? Эта была совсем не такая война, как на учебной равнине. Я взглянул на Суру. Он засунул хобот в рот. Он тоже был испуган. Под градом камней я не переставал думать: только бы камень не задел Суру, только не Суру!

Не помню, сколько времени прятался я в ногах у Суру. Вдруг я увидел, что он вынул хобот изо рта и протянул его к человеку, шедшему к нам. Чья-то рука вытянула меня из-под ног слона.

— Что ты там делал?

Это был Ганнибал.

Я дико посмотрел на него:

— Кончилось?

— Это только начало,—ответил он.

Его глаза сверкали. Я прислушался к вышине.

— Камней больше не будет,—заверил меня Ганнибал.—Они сбросили вниз весь свой запас. Теперь они будут спать, пока мы их не разбудим!

Наемники собирались вокруг Ганнибала. У одного на лбу кровоточила рана.

— Вот трусы!—сказал Ганнибал, указывая наверх.—Они обрушили на нас гору, а теперь уползают в свои норы.

Он обнял раненого солдата за плечи:

— Они дорого заплатят за твою рану. Завтра мы им покажем.

Вперед вышли погонщики, потерявшие слонов. Их было шестеро. А еще двое погонщиков свалились в бездну вместе со своими слонами.

— Завтра мы сбросим их вниз,—сказал Ганнибал, стиснув зубы.

Он взобрался на Суру и приказал мне занять место погонщика.

— Ты пойдешь впереди,—сказал он Картало.—Не надо перегружать Суру. У него еще много дел.

Мы тронулись в путь.

— И для тебя тоже будет много дел,—сказал он мне.

— Я испугался,—сказал я уныло.

— И я,—ответил Ганнибал.—Но нельзя же вечно бояться.

Он легко хлопнул меня по плечу.

— Все еще боишься?

— Нет,—сказал я.

И это была правда. Мой страх улетучился, потому что за моей спиной сидел Ганнибал.

Дождь перестал. Через полчаса мы вышли на широкое плато и разбили лагерь. Быстро стемнело. Враг так и не показался. Ганнибал приказал жечь костры всю ночь: тогда сверху увидят, что в лагере есть люди. Когда настала ночь, Ганнибал с отрядом отборных наемников—всего шестьсот человек—тайно и с величайшей осторожностью взобрался на вершину, откуда горцы сбросили на нас лавину камней.

— Он оплатит им за все,—шепнул Картало, ложась спать рядом со мной.

Погонщики улеглись возле слонов, которые собрались вокруг Суру. Всего осталось двадцать шесть слонов, восемь упали в пропасть. А сколько осталось в бездну людей и лошадей—невозможно было и сосчитать.

Ночью я проснулся и вскочил, услышав крики и ржание. Мне показалось, что моего лица касается чья-то холодная рука. Но это был только сон. Стало холоднее, звезды ярко блистали в вышине. Утро выдалось ясное, горы вокруг сверкали.

Мы увидели, что горцы готовятся занять вчерашнюю позицию. Они выходили из своих хижин и взбирались на вершины.

Вдруг вершины пришли в движение. Шестьсот наших бойцов во главе с Ганнибалом обрушились сверху на ошеломленных горцев. Стрелы посыпались в них градом. Перепуганные враги кинулись вниз. Но наемники не давали им уйти. Каждая скала грозила гибелью, в каждой расщелине ждала засада.

К полудню, когда армия вновь тронулась в путь, никто уже не опасался, что на нас посыплются камни: горы, ущелья и долины—все было во власти Ганнибала. Хижины горцев горели.

После двух часов подъема мы вышли к укрепленным сооружениям горцев. Вперед мы выслали отряд всадников. На них никто не нападал, и они въехали за оградой, в долину с обработанными полями. На лугу пасся скот. В хижинах было так много припасов, что их хватило бы нашей армии на три дня. Жители исчезли. Или они были все перебиты, или бежали. Все их добро осталось без присмотра. Ганнибал приказал распределить провизию среди наемников.

В селении осталось много собак, которые не убежали вместе с хозяевами. Наемники давали им отбросы, и скоро собаки настолько осмелели, что начали подходить к слонам. Вскоре мы заметили, что серые гиганты ведут себя с собаками, как кошки. Когда собака лаяла на слона, он выгибал спину, точь-в-точь как кошка. Но если собака переступала дозволенную черту, ей случалось получить удар хоботом.

Однажды слон ударил человека. Это произошло так быстро, что погонщик не успел бедняге помочь. Один берсекер подошел к слону и предложил ему

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

пригоршню сухих фруктов: слон поднял хобот как будто для того, чтобы взять их, но вдруг нанес берсекеру такой удар, что тот свалился на землю. Когда слоны так поступают, они обычно терзают свою жертву бивнями или затаптывают ее. Но слон не сделал этого. Он повернулся и зашагал прочь, как будто ничего не случилось.

Погонщики и наемники подбежали к человеку.

— Он мертв,—сказал один.

Но берсекер вскоре пришел в себя и поднялся на ноги.

Погонщик попросил у него прощения за своего слона.

— Мой слон никогда не делал этого раньше.

— Это моя вина,—сказал берсекер, ко всеобщему удивлению.—За день до того, как мы вышли из зимнего лагеря, я хотел поднять его с земли. Теперь я просто хотел проверить, не забыл ли он этого. Память у него оказалась прекрасной.

Погонщик попросил его выпить с ним.

— За слона, который подарил тебе жизнь!

— Все, что хочешь,—сказал берсекер, который никак не мог поверить, что еще жив.

И еще в этот день случилось нечто такое, о чем говорили долгое время спустя. Слон, которого считали погибшим, внезапно объявился в лагере. Он прошел через весь лагерь, пока не нашел своего погонщика. Увидев своего слона, погонщик от удивления словно прирос к земле. Слон хоботом обвил погонщика за плечи и потряс его, чтобы тот поверил, что перед ним живой слон, а не привидение.

Ганнибал подошел и поприветствовал вернувшегося домой. Вокруг слона уже собралась толпа наемников и погонщиков. Слон был ранен, но это заметили не сразу. Падая, он содрал себе кожу, а потом залепил рану куском глины.

— Он знает, как себя лечить,—восхищенно сказал Ганнибал.—Этот слон неистребим—пусть он будет для вас примером!

Ганнибал попросил принести ему разного корма и сам угостил слона.

— Давайте ему двойную порцию соли,—приказал он.—Ты сам не знаешь, какая ты ценность,—сказал он слону.—Или знаешь? Может, из пропасти ты выбрался именно потому, что знаешь это?—Он повернулся к толпе.—Если бы мы проблещили всего с пятью слонами, в наших руках уже была бы половина Италии.

Ганнибал видел по лицам, что его не поняли.

— Римляне знают, что мы идем со слонами,—объяснил он.—Они так боятся слонов, что удирают от них в горы. Они думают, что слоны опасны только на равнине. Так что равнины уже наши, хотя нас там еще нет.

Погонщики и наемники слушали Ганнибала. Один спросил:

— А почему у самих римлян нету слонов, если они их так ценят?

— На это легко ответить,—сказал Ганнибал.—Потому что слоны не выносят запаха римлян.

На рассвете мы снова двинулись. Это был уже четвертый день нашего восхождения. День был ясный. Горы казались покинутыми.

Но люди в горах все-таки были. В полдень, когда ярко светило солнце, навстречу нам вышло несколько человек. Их было плохо видно, потому что перед собой они несли ветки деревьев.

— Не хотят, чтобы мы видели, кто они?—спросил Ганнибал, сидевший сзади меня на Суру.

Наконец восемь стариков вышли из-за движущихся кустов.

— Попрошайки!—сказал Ганнибал, разглядев их.—Они пришли просить мира.

Он не спустился с Суру, когда восемь стариков подошли к нему. Махарбал, Мономах, Силенос и Маго—все верхом—выехали вперед. Старики, окруженные всадниками, с тревогой смотрели на Ганнибала. Самый старший сказал:

— Мы принадлежим к тому же племени, что и люди, поднявшие на вас оружие. Мы тоже аллоброги, но мы не против вас. Черное пепелище, оставшееся вчера на месте большого селения, научило нас многому. Ваши боги, должно быть, намного могущественнее наших. Поэтому мы не будем бороться против вашей мощи, а готовы служить вам. Вы хотите перейти горы, для нас они дом родной. Мы знаем все перевалы и дороги, где удобнее всего может пройти армия. Если вы пожелаете, мы проведем вас к перевалу, где люди и животные могут спокойно пройти. Если где и встретятся горцы, которые будут пылать к вам враждой, мы умирим пламя.

Все восемь стариков положили ветки к ногам Суру, и самый старший сказал: — Эти ветки — знак нашей дружбы. Мы просим тебя принять их.

Ганнибал не спешил отвечать. Но Суру схватил ветки безо всякого колебания и начал жевать их с жадностью и большим удовольствием. Лицо старика просияло, он радостно сказал:

— Он принял наши дары, он наш друг!

— Не заблуждайся, — сказал Ганнибал на карфагенском языке, — он принял ветки, а не тебя.

Потом он сказал по-кельтски:

— Если каждый будет встречать нас хотя бы наполовину так хорошо, как вы, тогда в долине не будет мертвецов. Если вы хотите исправить дурное — что ж, мы не против. Веди нас к перевалу!

Проводники пошли во главе процессии. Ганнибал постепенно отстал от них и, когда они ушли далеко вперед, открыл совещание со специальными советниками.

— Что вы о них думаете?

— Они боятся нас, и это хорошо, — заметил Мономах. — Теперь с нами не может случиться ничего серьезного. Они ведь покажут дорогу.

Махарбал и Маго думали так же.

— А ты? — спросил Ганнибал у Силеноса.

— Они прятали свои лица, — сказал Силенос.

— Это когда они подходили к нам, — заметил Маго, — но после того, как они убрали ветки...

— Тогда еще больше, — прервал его Ганнибал. — Эти старики напоминают мне некоторых карфагенян, людей Ханно...

— Но ты им все-таки доверяешь?

— Я позволил им идти впереди, потому что они знают дорогу, — сказал Ганнибал. — Но я не спускаю с них глаз и надеюсь, что узнаю по их спинам, когда они поведут нас неверной дорогой. На их лицах ничего не прочитаешь.

— Если они нас обманут, мы сдерем с них шкуру, — произнес Мономах со злобной улыбкой.

— С радостью обойдусь без их шкур, — сказал Ганнибал.

Дорога шла по совершенно открытой суровой местности. Ночь прошла спокойно. В следующие два дня дорога стала круче. Армия двигалась, как огромная змея, продвижение замедлилось, но настроение у наемников было хорошим. Они видели, что горы остаются позади, что они приближаются к перевалу. «Дня через полтора мы будем там», — решили начальники. Они спросили Ганнибала, хватит ли им троих проводников, или к перевалу нужно идти всем восьмерым. Ганнибал видел, что пятеро стариков совершенно измучены. Он награждал их — награда вызвала у них удивление — и отпустил. С нами осталось трое проводников, которые не так сильно страдали от трудностей дороги.

Люди стали ощущать высоту. Каждый наемник должен был нести свой походный мешок и еще оружие. Лошадей нельзя было перегружать, так как местами дорога была очень крутой. На этой высоте попадались только отдельные деревья. Один неосторожный шаг мог вызвать падение камней, которые начинали с грохотом осыпаться. Горы отвечали на это громовым эхом. Люди и животные с тревогой оглядывались. Они видели пугающую дикость во всем, что их окружало, и стремились вперед. Другого пути не было.

На следующий день — это был уже восьмой день подъема — мы ясно увидели впереди перевал. К нему вело ущелье, дно которого терлось в черной глубине. Ущелье было узким, но неуклонно поднималось к перевалу. Посередине ущелья, занимая почти всю его ширину, высилась гигантская скала. Проводники сказали, что обойти скалу можно с обеих сторон. Ганнибал разделил армию на две части и приказал обходить скалу, чтобы вся армия могла в тот же день достичь седловины перевала, ведущего в Италию. Проводники заверили его, что в седловине хватит места для всей армии.

Горный кряж почти перпендикулярно вставал над ущельем. Под ним, как черные покрывала, легли тени.

Внезапно мы услышали сверху крики. От них загрохотали, проснувшись, горы. Некоторые слоны так испугались, что побежали назад. Нагруженные лошади тоже испугались и сошли с тропы. Так мы понесли значительные потери от одной только звуковой атаки.

Потом снова, как и в первый раз, сверху посыпался град камней. Нас, как стадо овец, загнали в ущелье. На склоне не росло никакой травы, поэтому каждый падающий камень увлек за собой целую лавину камней, а эта лавина уносила в пропасть людей и животных, хороня их там. На вершины, откуда неслась смерть, невозможно было взобраться. Старики заманили нас в ловушку, еще более хитрую, чем первая.

На этот раз не только я залез под Суру. Убежище под ним нашел и Картало. Суру был странно тихим. Он шел так уверенно, будто заранее знал, когда и где упадет камень. Мы прятались у него под животом, как это делают от страха слонята.

Суру стоял не шелохнувшись. Впереди него упал огромный кусок скалы. Он быстро шагнул на два шага вперед. Сразу же позади него обрушился водопад камней. Было похоже на то, будто слон играл в игру, все правила которой он хорошо знал. Так он прошел примерно шагов тридцать, подобравшись к нависавшей сверху скале. Он приказал к ней и стоял неподвижно, будто сросся с этой серой громадиной. Мы с Карталом скорчились под Суру.

Мы устали друг на друга, открыв рты. Посередине этого ада Суру нашел уголок, где смерть не могла нас поймать. Большая часть армии осталась без укрытия, и на нее беспрепятственно сыпался сверху град из камней и осколков скал. Группа людей собралась вокруг Суру. Время от времени кто-нибудь из тех, кто не прятался возле Суру, падал в пропасть, сметенный камнями.

А потом над ущельем пронесся крик ужаса: «Идут дьяволы!» Люди, которые обрушили на нас сокрушительную атаку, теперь сами спускались с гор. Они смело спускались с такой крутизны, где, казалось, невозможно было и шагу ступить. Они спустились в том месте, где под камнями погибло самое большое число людей и животных. Горцы осуществили свой замысел: они отрезали Ганнибала от его лошадей, от его слонов и от наемников Мономаха. Теперь они решительно двинулись к арьергарду. Ганнибал и берсеркеры кинулись на них и отбили атаку горцев. Махарбал атаковал их с тыла. Два часа продолжалась битва с переменным успехом. В тесном ущелье невозможно было атаковать врагов с фланга, и они удерживали свою позицию до наступления темноты. Наставшая ночь остановила сражение. Ганнибал все еще был отрезан от своей армии. Он попытался прорваться в полночь, но его остановило сильное сопротивление, и он был ранен. С большим трудом солдаты спасли его от рук аллобровгов. Решительная битва была отложена до утра. Когда рассвело и мы попытались прорвать с двух сторон заслон, то увидели, что за каменными

завалами никого нет. Горцы отошли поздно ночью. Отойти они могли только по отвесным горным стенам, нависавшим с двух сторон над баррикадой. Как они это проделали — в ночной темноте и без шума, — никто не мог объяснить. Они оставили после себя зловещую тишину. Людей, стоявших у покинутого каменного завала, охватил страх. Они обыскали ближайшие вершины. Несколько птиц бесшумно кружили вокруг. Это были огромные птицы, каких никто никогда не видел. Утро было тихим. Горы безмолвствовали, будто вообще не умели отвечать эхом на крик. Слышались только стоны раненых. Оставшиеся в живых были полны страха, почти не разговаривали: боялись, как бы громкое слово не вызвало новых разрушений. Картало пошел считать оставшихся слонов.

— Двадцать, — сказал он, вернувшись.

Все приняли эту весть за чудо.

Ганнибал двигался вдоль Тиино по направлению к По. Дни стояли теплые, хотя зима была на пороге. Солнце бодрило людей и животных; наемники едва могли дожидаться встречи с врагом. На третий день после отбытия из городка Таурини Ганнибал привел армию в укрепленный лагерь. Он нервничал из-за того, что все еще не встретился с легионами Сципиона. Лежащая впереди местность была неведомой, он боялся попасть в ловушку. На следующее утро он двинулся с конниками широким фронтом, чтобы встретить врага. Прочесали рощи, обыскали ущелья, осмотрели холмы.

Ганнибал с Махарбалом, Маго и небольшой свитой въехали верхом на вершину холма. У Ганнибала захватило дыхание оттого, что он оттуда увидел. Перед ним стояла римская конница. Как и Ганнибал, Сципион тоже искал врага, и он тоже ехал во главе примерно трех тысяч всадников. Он тоже выбрал позицию на вершине холма.

Ганнибал прибыл туда раньше, и теперь у него было преимущество. Он не стал медлить ни одного мгновения. Махарбал и Маго разделили конницу на два крыла. Под прикрытием холмов нумидийцы подошли к флангам римлян. Столкновение двух армий было таким яростным, что многие всадники попадали с седла. Они продолжали яростно биться пешими. Раненые лошади носились вокруг, внося беспорядок. Битва то продвигалась вперед, то откатывалась назад. Потом Махарбал и Маго врезались со своими нумидийцами во фланги римлян, после чего враг уже почти не сопротивлялся.

Каждый человек боролся теперь только за свою жизнь. Сципион тоже сражался отчаянно. Его сбили с лошади. Ганнибал увидел это и решил схватить консула живым, но не сумел к нему пробиться. Забыв о собственной жизни, римские всадники преградили путь к месту, где их предводитель лежал, истекая кровью. На глазах у Ганнибала какой-то молодой всадник пробился к раненому консулу, подхватил его на руки — остальные окружили его, — и все они стали пробиваться сквозь кольцо врагов под градом ударов. Так они ушли от преследователей. Сотни пожертвовали собой, чтобы спасти одного. Перепуганные лошади скакали с пустыми седлами. Атакован римлян, нумидийцы прорвали их фланги, и карфагеняне опрокинули врага. Ганнибал не потерял и половины того числа всадников, которые были потеряны римлянами. Преследуя римлян, Ганнибал добрался до гряды холмов, откуда он обзирал римский лагерь. А до карфагенского лагеря надо было добираться поднимаясь.

Ганнибал повернул назад, решив атаковать лагерь на следующий день и вынудить римлян принять решающий бой.

— Завтра настанет конец римлянам, — успокаивал Картало меня и Суру.

Глаза у него горели.

В эту ночь он не спал — я заметил это по его лицу на следующее утро. Лицо у него было серым, как зола. Суру стоял в полном боевом снаряжении. Когда Картало затягивал пращу на груди слона, он извинился перед ним:

— Сегодня я ничем не могу тебе помочь, — говорил он Суру, — сегодня великий день. Когда все кончится, римских легионов больше не будет.

Суру спокойно дал надеть на себя доспехи. Его рана уже зажила.

Ганнибал вывел свою армию в таком боевом порядке, чтобы она могла сразу же вступить в битву. Конница получила приказ защищать наши фланги. Ганнибал хотел, чтобы слоны и конница приняли на себя главный удар. Они уже доказали свое превосходство в первом же деле. Ганнибал считал, что Сципион не будет ждать, пока нападут на его лагерь, а ответит свои легионы в открытое поле и будет встречать карфагенян там. Ганнибал выслал вперед разведчиков и начал поход на юг.

Врагов нигде не было: ни на холмах, за которыми укрывался римский лагерь, ни на поле за лагерем. Не было признаков жизни и в лагере: не было стражи при входе в него, окопы были пусты. Ночью Сципион ушел.

Когда Картало увидел покинутый лагерь, он произнес ругательство, которое никогда раньше не слетало с его губ.

— Они думают, что мы будем бежать за ними, пока у нас не останется ног? — сказал он, сердито сверкая глазами.

Ганнибал послал Маго и Махарбала с тысячей всадников, чтобы напасть на след врага. Он приказал нам снять со слонов доспехи и попоны. По его приказам было видно, что он не рассчитывает на близкую битву.

Когда Маго и Махарбал вернулись, по лагерю быстро прокатился слух, что в руки карфагенян попало шестьсот римлян. Они разрушали на реке По лодочный мост, по которому отступили легионы Сципиона. Мостом наши всадники овладеть не смогли. От пленников они узнали, что Сципион тяжело ранен. Говорили также, что молодой воин, который усадил Сципиона на лошадь и вывел из окружения, был его сыном.

На следующий день армия двинулась к По. Римляне сожгли на другом берегу все лодки и баржи. Не оставалось ничего другого, как искать на реке брода. Когда такое место нашли, Ганнибал приказал построить запруду, чтобы уменьшить силу течения. Плотины были построены с помощью слонов. Слоны, ведомые Суру, с удовольствием вошли в воду и теперь спокойно стояли — плотно, друг возле друга, — полуразвернувшись против течения. Потом реку стали переходить наемники и лошади; они плыли или шли вброд — течение было слабым. Над головами наемники держали кожаные мешки. Потом люди и лошади сушились у костров.

Разведчики донесли Ганнибалу, что Сципион отвел легион в лагерь возле города Пластиция. Ганнибал решил припереть врага к стене или хотя бы выгнать его на открытое место — больше он не хотел оставлять его в покое. Поэтому он послал Махарбала с его конницей атаковать врага. Махарбалу удалось отрезать несколько когорт от римского лагеря. Ганнибал немедленно раскинул свой лагерь под стенами города, вызываясь близко от римских укреплений. Но Сципион избегал сражения. Он все еще страдал от раны, полученной у Тиино, и ждал подкрепления. Его колебания вызвали волнения в легионах, особенно во вспомогательных итальянских войсках. Однажды ночью стража у ворот римского лагеря пришла в замешательство: из лагеря вырвались

две тысячи наемников и двести всадников. Те римляне, которые пытались помешать этому предательству, были убиты. Карфагеняне приняли дезертиров с распростертыми объятиями. Ганнибал послал их по домам: каждый воин должен был вернуться с десятком новыми, чтобы сражаться вместе с Ганнибалом за освобождение от римского ига. Недалеко по соседству обитали кельты, они выжидали, чем все это кончится. Ганнибал убеждал их встать на его сторону. Когда они начали отказываться, Ганнибал стал настойчивее. Несколько их поселений были преданы огню. Нумидийцы производили налеты на перепуганных жителей. После этих налетов оставалась опустошенная земля. Те, кому удалось спастись, примирились со своей участью и присоединились к карфагенянам. Эти невольные союзники снабжались теперь провизией из карфагенских запасов. Но и войска Ганнибала питались очень скудно, он временно выдавал наемникам только половину их нормы. Счастливым случаем положил конец этим трудностям. Через своих агентов Ганнибал связался с комендантом римского города Кластидиума, и комендант принял взятку. За небольшую цену — четыреста кусков золота — он продал город карфагенянам. Теперь голоду пришел конец. Кладовые города были полны. Гарнизон и жителям города Ганнибал разрешил свободно уйти.

Дни становились заметно короче. По вечерам над По и Требией поднимался туман, и тогда земля исчезала, и уже ничего нельзя было рассмотреть, пока не начинался день. Лагерь лежал в тумане и сырости, как остров на дне моря. Ночи стали необычайно тихими. Туман поглощал шаги часовых и треск лагерных костров.

В одну из таких туманных ночей легионы Сципиона ушли, перейдя Требию. Даже карфагенские стражники на передовых постах не заметили, как римляне отступили. Когда на следующий день туман рассеялся, подняли тревогу.

Картало успокоился только тогда, когда услышал, что новый лагерь находится всего в нескольких стадиях по ту сторону Требии.

— Страх пронизал его до костей, — таков был приговор Картало, — он хочет, чтобы между ним и нами была хотя бы река.

Картало страдал оттого, что день проходил за днем, а война не приносила никакого успеха. В то время никто, кроме Ганнибала и его ближайших советников, не знал, что приближается вторая римская армия. Консул Семпроний со своими легионами ускоренным маршем продвигался из южной части страны, где он прикрывал римлян от возможного нападения карфагенского флота. Семпроний был пылким человеком. Он стремился доказать, что достоин звания полководца. Как только он прибыл в римский лагерь за Требией, он начал убеждать Сципиона, который еще не оправился от раны, напасть на карфагенян и выгнать их из страны.

Ганнибал прекрасно понимал, какие перемены наступят в римском лагере с приездом Семпрония. Он ничего не предпринимал, чтобы организовать переход своей армии через Требию.

— Пусть это сделают римляне, — заявил Ганнибал своим офицерам.

Вместе со своими офицерами и с начальниками союзных частей произвел он разведку на этой стороне Требии: сюда, на это поле битвы, он надеялся заманить врагов. Поле огибала река, впадающая в Требию. Река вымыла здесь глубокое русло, на крутых берегах рос кустарник. Здесь можно было устроить засаду из нескольких сот всадников. Командиром над ними Ганнибал назначил Маго. Остальные войска должны были занять позиции на Требии, избегая атак со стороны противника, чтобы у него создалось впечатление, будто они не так сильны, чтобы вступить с ним в открытый бой. Бои должны были происходить сначала только на флангах. Ганнибал хотел заманить римлян в ловушку, охватить их под конец с трех сторон и отрезать отступление к реке. На одном из флангов римские когорты должны были быть атакованы и смяты слонами.

Все это объяснил мне Картало. Он не сомневался, что для римлян близится последний день. Он уверял меня, что слоны сыграют в этой битве решающую роль. Он еще раз напомнил мне, как надо управлять слоном, а когда я спросил его, будет ли он сидеть на Суру вместе со мной, его лицо омрачилось.

— Мы великолепные мшени, и любого из нас могут убить, — сказал он мне. — Но у меня такое чувство, что скорее попадут в меня, чем в тебя.

Мне стало неловко.

— Суру тоже могут убить.

Я собирался сказать еще кое-что, но он перебил меня:

— Когда убивают слона, он умирает не сразу. Даже самые жестокие раны не могут его сразу остановить. Возможно, он обезумеет от ран, перестанет подчиняться и начнет топтать своих. Я знаю, такое случалось...

— И что тогда? — спросил я в тревоге.

— Тогда остается зубило.

Я смотрел не понимая. А он показал мне мешок, где хранилось длинное острое зубило и тяжелый молоток.

— Если ты отыщешь нужное место, то достаточно одного удара — и сразу кончатся все его безумия и страдания.

На следующий день с раннего утра Ганнибал приказал нумидийским всадникам гарцевать возле римского лагеря. Они подсакали к часовым и пустили в них стрелы. Консулы начали подозревать неладное. Теперь в любой момент надо было ожидать, что Ганнибал со своей армией перейдет Требию. Так как они сами тоже хотели начать решающую битву, то приказали своим легионам выйти из лагеря. Семпроний убедил Сципиона, что, если они и далее будут избегать встречи с врагом, то карфагеняне почувствуют себя победителями; только сражение покажет, кто хозяин на этой земле.

Возвратившись, нумидийцы сообщили, что римские легионы выведены из лагеря. Они видели лучников в кольчугах и шлемах с опущенными забралами, воинов с мечами и изогнутыми щитами, бесчисленные ряды всадников. По карфагенскому лагерю поплыл слух, что армия за Требией превосходит нас по силе. Даже у многих начальников были встревоженные лица. Ганнибал собрал начальников около себя.

— Почему, если римляне так сильны, они до сих пор прятались в лагере? — спросил он насмешливо. — Возможно, они и превышают нас по численности, но это ни о чем не говорит. Чем больше сегодня там живых римлян, тем больше мертвых будет здесь завтра. Как вы думаете: есть среди них такие, как Махарбал, Мономах или Маго? А Суру у них есть?

После этого Ганнибал отдал начальникам распоряжения к бою. Нумидийские всадники должны нападать на римлян всю ночь и не давать им спать. Наутро другие всадники должны перейти к ложным атакам и, избегая столкновения, заманить римлян через Требию на этот берег.

— Пусть утром искупаются они, а не мы. Они вылезут из реки замерзшие, и это помешает им сосредоточиться, и, когда мы пойдем в атаку, их ряды будут расстроены... Чего вам еще надо?

Ночью хлынул дождь. Римляне до утра оставались в открытом поле под

холодными струями. Всю ночь они были в полном боевом снаряжении, потому что нумидийские конники без конца атаковали их посты.

Начался день. Это был самый короткий день года. Отдохнувшие и хорошо вооруженные войска Ганнибала заняли позиции на берегу Требии. Маго со своей конницей стал в засаду. Слоны, хорошо накормленные, в полном боевом снаряжении, собрались вокруг Суру. Они стояли, словно окаменев, как будто знали, что их ожидает.

Мы смотрели, как на другой стороне Требии на большом поле собрались римляне. Слышали крики нумидийцев, когда они шли в атаку или отступали. Крики стали громче — это значило, что нумидийцы приблизились к Требии. Римские всадники оттеснили их и обратили в бегство.

— Они идут, — услышал я позади себя голос Картало.

Наши всадники перебирались через реку, а их преследователи повернули назад у Требии. Потом римская армия развернулась широким фронтом. Передние ряды вошли в реку. Вода доходила до груди. Туча стрел и копий повисла над ними. Затем наши метатели и лучники отступили, а римляне пошли вперед в ледяной воде, неся оружие над головами.

Римляне начали пробиваться сквозь наши ряды. Их конница двинулась вперед клином. Люди и животные смешались. Теперь уже ничего нельзя было разобрать. Дождь перешел в снег. Римляне все еще продвигались вперед.

Поступил приказ слонам идти в атаку. Перед каждым из серых гигантов открылась узкая дорожка. Слоны, уже рассерженные нарастающим шумом, с ворчанием пошли по дорожкам. Подали знак, и они побежали, врезаясь в гущу битвы.

Суру топтал легионеров, на которых направлял его Картало. Я осматривал тело Суру: не заметно ли где крови?

Суру внушал такой ужас, что при виде его все сразу же разбежались. Я видел только спины и шлемы. Никто не осмеливался поднять оружие на Суру. Но я все еще боялся. Я слышал, как взревел один слон, вскоре заревели и другие. Потом Суру поднял хобот и издал такой ужасный рев, что я застыл от страха. Никогда раньше я не слышал такого рева. Он разъярился так, будто его окружили дикие звери. Он поворачивался из стороны в сторону, а потом вдруг повернулся кругом и напал на карфагенян, которые следовали за ним.

— Он ранен?! — завопил Картало.

Он ударил Суру железным крюком позади уха. Суру еще более обезумел. Уши у него стояли торчком, он начал бросаться на всех и пробивать себе путь в карфагенских войсках, которые должны были отрезать отступавших римлян.

— Дай зубило! — задохнулся Картало. — Он сошел с ума!

Я схватил мешок, вытащил зубило и молоток и крепко прижал их к себе.

— Давай мне! — свирепо потребовал Картало. — Он убивает слишком много наших людей.

Картало выхватил у меня молоток. Тогда я выбросил зубило. Картало взревел, как зверь. Он пригнул меня и, наклонившись вперед, начал бить Суру по голове молотком. Упал пучок красных перьев, и ветер отнес его в сторону. Картало уронил молоток. Он перестал держать меня и закрыл лицо руками, не в силах больше смотреть на происходящее. Суру бежал по рядам карфагенян. Он бежал и ничего не могло остановить его бешеный бег. Шум битвы замер позади нас. Картало ничего не делал, чтобы остановить Суру, и Суру сам перешел на шаг. Он шел быстро, пока не дошел до воды. Это был ручей, возле которого прятался Маго со своей конницей, но здесь, подальше от Требии, берега не были такими крутыми. Суру остановился. Я и Картало отвязали себя от седла и спустились на землю. Мы сняли с Суру полону и доспехи, чтобы он мог пройти к воде и выкупаться. Он мыл себя с такой старательностью, словно весь был покрыт грязью.

Картало смотрел на него пустыми глазами. Лицо его было серым.

— Ты насмерть давил карфагенян, — сказал он хрипло. — И ты ведь не был ранен. Почему ты это сделал?

Суру продолжал себя мыть. Он смывал с себя овладевший им ужас. Даже сейчас, когда он ушел из битвы, я со страхом задавал себе вопрос: что еще сделает Суру?!

— Он же убивал карфагенян, — опять начал Картало.

— Он не знал, что делает, — сказал я.

— Но он это сделал. Он не выдержал до конца.

— Он просто хотел выбраться оттуда, — сказал я, стараясь защитить Суру.

— Он сбежал, — сказал Картало, как бы вынося приговор.

Суру улегся в ледяной воде; над водой оставался один только хобот. Потом он выбрался на берег. Он стоял на снегу, как черная неподвижная скала. Это был снова Суру, слон, которого я знал.

— Он оказался трусом, — задыхаясь, сказал Картало. — Мне надо было убить его, как только он начал убивать своих. Теперь он больше ни на что не годится. Он теперь всегда будет убегать.

Казалось, что Картало никогда не перестанет упрекать ни себя, ни меня, ни Суру. Вдруг позади послышался шум. Небольшой отряд римлян — человек примерно сто — показался из-за падающего снега и зашпешил к нам. Все они были вооружены. Я распластался на земле, Картало тоже. Но Суру пошел вперед мимо нас. Он заворчал, потом поднял хобот, взревел и кинулся на римлян. Земля вокруг задрожала. Римляне в ужасе побросали оружие и бросились наутек. Мы смотрели, как они бегут и исчезают в снегу. Суру пришел назад и остановился там, где лежали его попоны и доспехи; он все еще ворчал.

Картало поднялся.

— Теперь надо мне вымыться, — сказал он со стыдом. — Ведь я испугался. Он пошел к реке, но вода оказалась для него слишком холодной. Потом мы принялись собирать брошенное врагами оружие, сложили его в узлы и погрузили на Суру. Получилось пять тяжелых узлов.

Через два часа мы вернулись. Суру был встречен как герой. Картало не обращал ни малейшего внимания на похвалы, но сложил захваченное оружие в груды, чтобы каждый мог его видеть.

Все больше и больше наемников возвращалось в лагерь. Битва оказалась решающей. Говорили, что половина римских отрядов, пересекших Требию, полегла в заснеженном поле. Остальные бежали.

Никто их не преследовал: смертельная битва истощила силы карфагенян. В каждом отряде были большие потери.

К вечеру все оставшиеся в живых слоны собрались вокруг Суру. Их было шестеро. Остальные погибли в бою: десять глыб, окруженных мертвыми телами людей. Все шестеро выживших были ранены. Они потеряли много крови, и никто из них не вынес жестокого ночного холода. Суру был единственным, кто не умер от холода.

Наутро после победы у Ганнибала остался только один слон.

К

расота какая!

Ира по-детски всплеснула руками. В лучах заходящего солнца переливалась всеми цветами радуги глиняная расписная посуда—горшки, глянки, кувшины, широкие миски, большие увесистые кружки, набор для праздничного чаепития... Дед разгладил густые «гайдамацкие» усы, улыбнулся.

— Это еще прадед твой, Лука Адамович, сработал. Почти сто лет минуло, а гляди-ка, цвет не поблек, краски живут, дышат—на особых травах настояны.

В Туголицах гончарное дело издавна в почете. Считай, в каждом дворе—свой круг. Ну да одно дело горшок-двуручник для щей и каши «скрутить» и совсем иное—сработать вазу расписную, глазурью облить или набор посуды, звонкий да яркий. Потому-то идут в дом к Сиковичам не только свои, туголицкие. Из других сел, областей приезжают: никому отказа нет.

И отец Савы Лукича и дед его (еще в прошлом веке!) глину мяли, «крутили». На вазы их, изразцы лепные, ковши, сделанные под петухов цветастых, большой спрос был в господских усадьбах. Да и здесь, в деревне, почти в каждой избе радуют глаз и душу яркие поделки из глины—фирменные, «от самих Сиковичей».

Первую свистульку глиняную Ира сделала в семь лет, а в десять уже за гончарный круг села.

Бабушка Марфа вздыхала украдкой: — Где ж это видано, чтоб дивчина в гончары подалась? Грязуха кругом, глина. Сколько сил надо, чтоб ее ворочать...

А дед только посмеивался:

— Ничего, Иринка, крути шибче.

...Небо, словно ситец выцветший, на березах паутинка повисла—осень у порога. Завтра уезжать пора. В Бобруйск, в училище. Три года незаметно пролетело. Вот уже и четвертый, выпускной начинается.

У околицы дед остановился.

Ребята улыбались, чинно здоровались. Директор заметил сразу же, как вытянулись они за лето: мальчишки раздались в плечах, лица стали чуть жестче. В девчатах исчезла угловатость—каждый жест был мягок, красив.

Аркадий Егорович улыбался, кивками отвечал на приветствия. Не по-сентябрьски жаркое солнце пробивало торцовый витраж, сочными мазками высвечивало длинный коридор, причудливыми узорами ложилось на гипсовые фигуры, копии с великих античных статуй—«Гермес с Дионисом», «Венера Милосская», «Апоксиомен»...

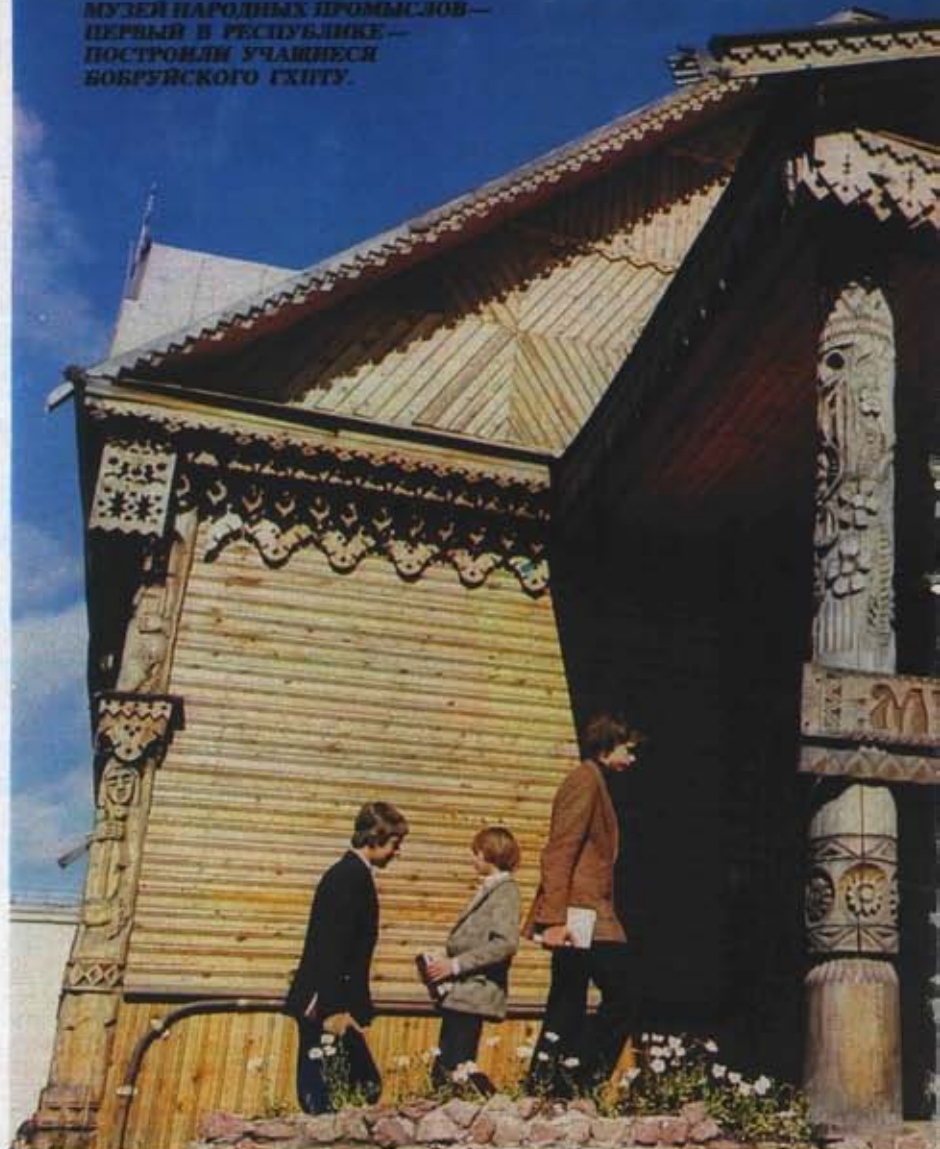
В кабинете трезвонил телефон. Секретарь сняла трубку.

— Свердловск.—Она вопросительно посмотрела на директора.

**АЛГЕБРА И ГЕОМЕТРИЯ
ИЗУЧАЮТСЯ ЗДЕСЬ
С НЕ МЕНЬШИМ УСЕРДИЕМ,
ЧЕМ РИСУНОК, КОМПОЗИЦИЯ,
ЖИВОПИСЬ...**

**МУЗЕЙ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ—
ПЕРВЫЙ В РЕСПУБЛИКЕ—
ПОСТРОЕН УЧАЩИЕСЯ
БОБРУЙСКОГО ГИИУ.**

СЮЖЕТЫ ДЛЯ МАСТЕРКА И МОЛЬБЕРТА

**Валерий ГУРИНОВИЧ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Специальные
корреспонденты
«Смены»**

— Ну, беги, внучка. Напрямки, через лес. К автобусу как раз и поспеешь. Поклон учителям. Они мастера знатные, даром что молодые...

Ирина легко побежала. Казалось, будто по воздуху летит, кофточка продуваемая, ветром солнечным полна. «Вот бы в глине так схватить!»—подумалось деду.

Вспомнил, как привез ее в город, как в училище вместе пошли, как волновался он: примут ли? Вспомнил лицо внучкино, счастливое, когда выбежала она во двор, бросилась к нему: «Приняли! На гончара буду учиться!»

Яркая точка уменьшалась, уменьшалась, и вот уже, как ни напрягай зрение, ничего не видно. Только закатная дымка колеблет воздух.

А дед долго стоял еще за околицей, следил за убегающей вдаль тропкой, а руки привычно мяли тугой ком глины. И становился он податливым, нежным...

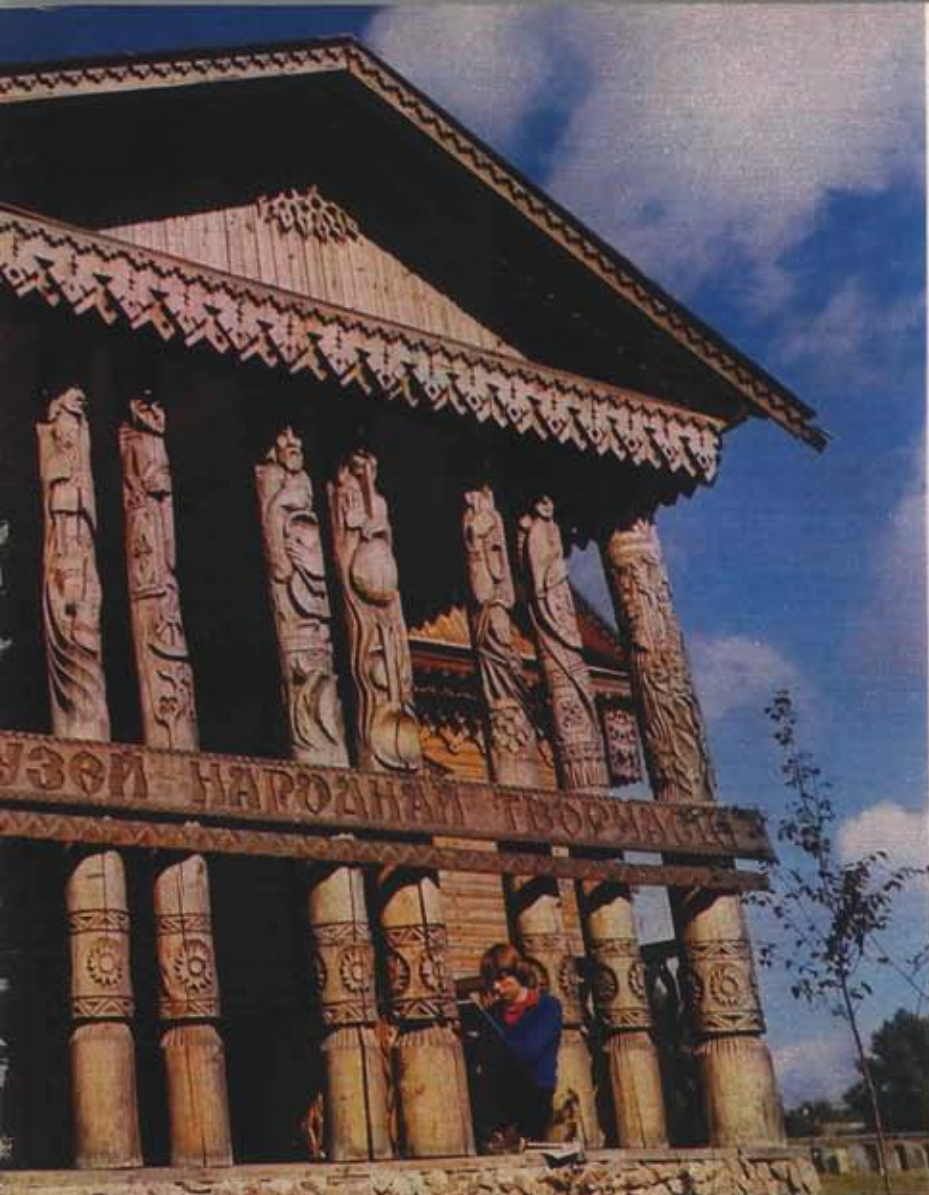
В коридорах училища кипела звонко-голосая, пестрая жизнь. Ларин, как всегда бегом, поднялся по лестнице к себе.

— Давай, Светочка, давно жду... Ларин слушает. Можете не волноваться. Сделаем в срок. Монтировать панно, мозаику по фасаду будем сами.

Звонили из Свердловского инженерно-педагогического института, первого вуза в стране, который готовит мастеров производственного обучения для профтехучилищ. Заказ солидный—оформление вестибюля, актового зала, аудиторий, кабинетов, изготовление спецмебели. Республиканский комитет профтехобразования просил ускорить работы. «Сам понимаешь, Аркадий Егорович,—раскатисто звучал в мембране баритон зампреда Петра Васильевича Прохоровича,—нужно постараться...»

Постараться-то ребята постараются. По-ининому и не приучены работать. Высшая похвала в училище: «На совесть сделано!» Но вот палка заказов—и все срочные, «горящие»—разбухает с каждым днем. Ларин в который уже раз перелистывает бумаги. Санаторий «Белоруссия» в Сочи, Могилевский драматический театр, СГТУ в Речице, пионерский лагерь «Зубренок», студенческое

ДИРЕКТОР УЧИЛИЩА А. Е. ЛАРИН — НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ СССР, КАНДИДАТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК — РУКОВОДИТ ВСЕСОЮЗНОЙ ПРОБЛЕМНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ.

ПЕРЕД КОНТРОЛЬНОЙ...

кафе Белорусского технологического института...

И еще срочный заказ: школьные парты для городов Дальнего Востока, Приморья. Он уже видел образцы: отличные парты получились. Конструкция легкая, прочная, компактная. Фанеровка светлая, «под ясень», в сочную желтизну. Кажется, лесом весенним пахнет. Завтра первую партию отгрузят в Хабаровск.

И все же училище не производственный комбинат, не мастерские художественного фонда. Здесь учить ребят

надо, рабочих растить, программу занятий до минуты выдерживать... И так уже вокруг страсти разгораятся: кого, мол, готовит Бобруйское городское художественное профессионально-техническое училище?

Статья в одной из республиканских газет именно так и ставила вопрос. Автор, работавший раньше мастером в этом училище, сомневался, нужна ли столь обширная художественная подготовка, столь углубленная система эстетического воспитания для выпускников профессионально-технического училища. И не помешают ли ребятам «возвышенные разговоры об искусстве», когда придут они на производство, где план и узкая специализация потребуют в конечном счете одного: прочного знания ремесла.

Надо сказать, что в рассуждениях этих был свой резон. Восемьсот мальчишек и девчонок учатся сегодня в Боб-

руйском ГХПТУ № 15. И, понятное дело, большинство из них мечтают о самостоятельной творческой работе. О том, чтобы сделать вещь самому от начала до конца. Придумать, набросать эскиз, сконструировать — радуясь и мучась, искать свой путь в многообразном, выверенном веками народном искусстве.

А на фабриках — производство, раздробленность операций, и можно долгие годы вытачивать одну и ту же деталь для стандартной мебели, вырисовывать один и тот же орнамент на сувенирной шкатулке, «крутить» один и тот же ковш или же «скатывать» для него ручку-держак. Необходимо ли для этого слушать курс «История народных промыслов Белоруссии», ходить на спецсеминары по колеру, изучать цветовые гаммы, композицию, рисунок?..

Для чего они, нескончаемые, жаркие споры об искусстве, вечера в гостинной поэзии, экскурсии в лучшие художе-

ственные музеи республики, волнующие поездки в Третьяковку, Русский музей, Петропавловск?

Только для общего развития?.. А они-то, ребята эти, рассчитывают, что для дела, для профессии их, для мастерства!

Конечно, статья в газете продиктована была искренним беспокойством автора: а не велик ли разрыв между «теорией» и «практикой», между «поэзией» обучения в художественном ГХПТУ и «суровой прозой» жизни?

Проще говоря: а какова потребность в подобных специалистах? Не туманит ли понапрасну юные головы «вечно весенний воздух творчества»?

Сегодня в среднем ГХПТУ № 15 ребят обучают по тринадцати специальностям: резчик по камню, чеканщик, маляр по альфрейно-живописным работам, столяр по изготовлению художественной мебели, художник-декоратор, гончар-формовщик (специалист по художественной керамике), столяр по отделке мебели, специалисты по художественным мозаично-плиточным работам, по инкрустации соломкой, по художественной росписи по дереву, цветвод-декоратор, резчик по дереву, маляр по художественной отделке.

Прочтите еще раз этот перечень. Прекрасные, нужные ремесла! Без них наш быт скучен, сер, неудобен. Эти люди украсят его, сделают праздничным. А много ли таких мастеров в службе быта, в различных бюро добрых услуг, в строительно-ремонтных организациях? В республике этих данных нет. Но каждый из нас на собственном опыте знает, что мало, очень мало их в нашей сфере обслуживания. Изготовление индивидуальной мебели, всевозможные отделочные работы в квартирах, покупка оригинальных сувенирных изделий — все это оборачивается для нас массой проблем, сложностей и, выражаясь языком медиков, «стрессовыми явлениями». Вот почему я думаю, что если и существует некий разрыв между «теорией» и «практикой», «поэзией» и

ВНАЧАЛЕ РОЖДАЕТСЯ ЭСКИЗ.

ЧЕТЫРЕ ГОДА УЧЕБЫ, И ВОТ — ДИПЛОМНАЯ РАБОТА.

УТРОМ В РЖА

В первые есенинскую «Песнь о собаке» я прочитал незадолго до войны, в 1940 году, будучи учеником восьмого класса. И этому чтению предшествовал такой случай.

Жили мы — отец, мать и я — в небольшом домишке на Пятой дачной просеке под городом Куйбышевом. Неподалеку от нас, за забором, находился дом отдыха, где сторожем был низенький и сухонький дядя Грища. В ночную пору он ходил мелкими шагами по лесным аллеям с двумя-тремя собаками, которых подкармливали повара из столовой, а иногда и наша семья.

Как-то под вечер мать, процеживая козье молоко, сказала:

— Наверно, Григорий щенят топит: уж больно Динка в сарае воеет...

Отец ничего не ответил, а я со всех ног бросился к забору. То, что удалось разглядеть в щели между досками, навсегда врезалось в мое сознание...

Спустя месяца три после этого случая, уже зимой, один мой старший товарищ по клубному драмкружку сунул мне в руки какую-то затасканную книжку и шепнул:

— Читай!..

Я бездумно листал замусоленные листки и вдруг увидел слова: «Песнь о собаке».

Меня поразило заглавие стихотворения. Я знал в отрывках или слышал по пересказам «Песнь о Гайавате», «Песнь о Сиде», «Песнь о нибелунгах», «Песнь о Роланде»... Слово «песнь» у меня соотносилось с чем-то возвышенным, таинственно торжественным. А тут — «Песнь о собаке»!

Я прочитал стихотворение, потом еще, и у меня сжалось горло. Такое прежде было только один раз: после чтения рассказа Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной». Там — гибель доброго старика, его верного друга Музгарки; здесь — семерых щенят и большое горе матери... Как я ненавидел этого «хмурого хозяина», а заодно с ним и нашего соседа дядю Грищу с его жилистыми, сухими руками!..

Чуть позже я пытался разгадать тайну воздействия есенинских строк.

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых ценят.*

Ну, что тут особенного, рассуждал я. А «в закуте — сука» — и на рифму мало похоже. Глупец! Эта «небрежная» рифма в атмосфере такого стихотворения куда драгоценнее рифмы самой звучной, ибо несет в себе точность смысловую, жизненную. Вряд

ли потребовались бы большие усилия, чтобы зарифмовать первую и третью строки «поскладнее». Но автор не пошел на это, предпочел смысл форме, и чуть не подвело его.

До сих пор, когда перечитываю есенинскую «Песнь о собаке», у меня замирает сердце, и я не перестаю восхищаться мастерством поэта.

Утро, златятся (от первых лучей солнца?) рогожи в ржаном закуте — тишина, спокойствие, торжественность («златятся»!). Начало нового дня — начало новых жизней — «рыжих семерых ценят». Вроде бы ничто не предвещает беды. Но какая-то тревожная нота все-таки привносится этими ж-з-с-ц, каким-то холодом веет от этих у-р-ы: неспроста они так определенно звучат в каждой строке первой строфы.

*До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струилась снежок подталый
Под теплым ее животом.*

«Ласкала, причесывая языком...» Не прилизывая, не приглаживая — причесывая... Не обсушивала — прихорашивала.

А как мягко, любовно: «Струилась снежок подталый...» Не снег — снежок: намело его в закут совсем немного. Снег там, за стенкой, во дворе, на улице...

«А вечером...» Уже первые слова строфы рождают беспокойство, тревогу. До вечера все было хорошо, а вот вечером... Что-то должно случиться! Ведь недобрые дела чаще всего совершаются тайком, украдкой, под покровом темноты — вечером, ночью...

*А вечером, когда хуры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.*

«Хозяин хмурый...» Вообще он — недобрый человек? Или хмур оттого, что обстоятельства заставляют его причинить зло собаке и щенятам? («Не всяк знает, кто часом лих» — есть русская поговорка.) Скорее всего — дело в обстоятельствах.

Вспомним, с каким чувством расставался со своей любимицей тургеневский глухонемой дворянин: «Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, опутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее над рекой, в последний раз посмотрел на нее...» (Подчеркнуто мною. — С. К.)

Герасим озлоблен на сумасбродную старуху помещицу и ее туповатого дворецкого: гибель Муму на их совести...

Можно думать, что и хозяин в есенинском стихотворении вынужден творить зло вопреки своему чувству к щенятам. И потому он «хмурый». И потому хочет скорее завершить черное дело: «Семерых всех поклат в мешок». Стих как бы передает резкие, торопливые, нервные движения человека (в отличие от последних строк во всех других строфах — здесь четыре удара вместо трех).

«Поклат...» Живых, маленьких, согретых телом матери, не положил — поклат, как чурки, в мешок. И понес его быстро, не останавливаясь...

*По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...*

Хозяин шел широким шагом (собака «бежала»!) к речке или озеру, еще не затянута льдом; по сугробам шел туда, куда за водой не ходят, к отдаленному, скрытому от людских глаз месту...

Сам драматический момент гибели щенят поэт оставил за пределами стихотворения. Трагедия передана одной выразительной деталью:

*И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.*

Это как бы внутренним взором видит автор. Но может видеть и собака. А может быть, хозяин не торопился уйти от места, где ему пришлось, как говорил в старину, взять грех на душу? Ведь и тургеневский Герасим после гибели Муму смотрел, как «далеко назади к берегу разбегались какие-то широкие круги».

Домой человек шел, наверно, медленно, тяжело.

«прозой», то искать его надо не в училище, а в организациях, ведающих распределением подобных специалистов.

Если заставить высококвалифицированного токаря-универсала вытачивать элементарные шайбы, то он вряд ли будет рад. И нет здесь никаких «интересов производства», а попросту сталкиваемся мы с обычным неумением распорядиться собственным богатством.

На Брянском машиностроительном заводе имени 50-летия СССР, предприятии высокой культуры, нынче в каждом из цехов работает инженер-художник по эстетике. Когда бываю там, не устаю удивляться: колер для стен тонко, умело подобран, фонтанчики для питья красиво и даже несколько изысканно оформлены металлом и деревом, наглядная агитация не ограничена дежурными стендами «Доска показателей», «Наши передовики» и «Комсомольский прожектор». Умно, со вкусом она «разбросана» по всему цеху. (Именно так, по мнению социологов и психологов, повышается ее клд.) Возле каждого рабочего места — маленькая оранжевая. Кое-где с цветовой подсветкой. И «работает» здесь эстетика производства в полную мощь: за последние два года производительность труда выросла против планируемой в полтора раза!

Вот вам, как говорится, и цветочки... А разве художникам-декораторам, цветоводам-декораторам из Бобруйского училища не нашлось бы работы на заводах и фабриках республики!

Мы уже не говорим о предприятиях народного промысла. Нынче широко разнеслась слава о мастерах белорусской соломки, резьбы и росписи по

дереву, гончарного искусства... Но стараются умельцы, сокрушаются порой: кому передать секреты мастерства? А тем временем на прилавках сувенирных магазинов пылятся изделия «с потока»: обезличенные «Три богатыря», «Диво», «Пастушок со стадом»... Стоят рядышком вазы-близнецы, кушины-копии, пелухи глиняные, все почему-то похожие на заморских жар-птиц.

В Минске, в фирменном магазине «Павлинка», наиболее людно там, где продаются поделки учащих ГХПТУ № 15. Покупатели давно оценили творчество ребят!

Но на многочисленных фабриках местной промышленности эти же ребята «сидят на сериях». Изо дня в день «точат одну и ту же шайбу». Нужное дело? Без сомнения! Но ребят-то учили не этому. Вернее, не только этому...

В прошлом году училище отметило свое двадцатилетие. Выросло оно из школы столяров-краснодеревщиков, где обучались ремеслу чуть больше девяносто человек. Ребята могли сделать добротный двусторчатый шкаф, обеденный стол, письменный, стулья: «обычные, канцелярские» и «гнутые, венские». Знали, как отфанеровать плиту под красное дерево. На мебель спрос был велик, люди справляли новоселья, обживались. Белоруссия отстраивалась заново, из послевоенных руин вставали города и деревни. Начинали работать и народные промыслы — человеческая душа потянулась к красоте.

Тогда и решено было расширить школу столяров, реорганизовать ее в художественное ПТУ. Это решение республиканского комитета (в ту пору уп-

равления) по профтехобразованию подержал горком партии. Участок выделили на окраине города, вдали от строящихся многоэтажных красавцев, поближе к домикам с резными наличниками, к белой кипени яблоневых садов. «Оно и к лучшему, — легко подумал тогда Ларин, только недавно назначенный директором нового училища. — Воздух ясный, небо не задымленное, никакой городской сутолоки. Благодать для художника!»

...Они стояли на обочине дороги, по щиколотку в грязи. Перед ними было болото, которое отныне именовалось в официальных документах местом застройки.

— Это куда ж нас определили? — вздохнул Семен Моисеевич Голубицкий, мастер-краснодеревщик. — Неужто мы лягухи — скакать здесь?

Ларин провел тыльной стороной ладони по подбородку — давняя армейская привычка: чисто ли выбрит? Он привык в сложный момент быть подтянутым и внутренне и внешне. Так было, когда летал штурманом на «ночном бомбардировщике». И когда после демобилизации круто изменил профессию, став студентом-заочником университета.

— Ничего, будем строиться. Проект есть, стройматериалы выделены. Дело за нами.

Первые группы маляров-отделочников, плиточников, столяров-отделочников организовывались именно здесь, на строительстве училища: ребята почувствовали вкус к этой работе. Но самое главное — складывался коллектив, дружный, настойчивый. Многие городские организации помогали стройке и материалами и механизмами. Бобруй-

ский горком ЛКСМБ объявил эту стройку ударной комсомольской.

И выросло в городе новое ПТУ — учебный корпус, мастерские, два современных общежития. Здесь все сделано руками ребят. Здания украшены витражами, мозаикой.

Прекрасно выполнены резные, во всю стену панно, инкрустированные двери, полы, стильная мебель во всех классах и кабинетах, сказочные фигуры, вырезанные из цельных стволов липы и ясеня. Даже дверные ручки инкрустированы, покрыты резьбой или чеканкой.

Холлы в общежитиях отделаны «под дуб», потолки расписаны малярами-художниками, в каждой комнате гравюры и чеканка, паркет наборный. Залы в столовой, «резной» и «зеркальный», — не просто новомодные, «под харчевню»: здесь идет резь старинная с растительным орнаментом, дерево «старилось» не паяльной лампой, а по специальным древним рецептам.

Само училище стало для ребят огромной мастерской, где каждому нашлась работа по душе.

Но есть уже проект нового комплекса — со спортивным залом, бассейном, оранжереями для цветоводов-декораторов.

Сейчас ребята строят музей истории училища и белорусской мебели. И когда этот номер журнала попадет в руки читателей, в ГХПТУ № 15 справят очередное новоселье.

Если верить преданиям, то легендарный Дедал был в свое время отменным строителем и художником. К тому же он основал и столярное мастерство, избобрел рубанок, отвес, клей. Нынче воспитанники Бобруйского училища, можно

ЮМ ЗАКУТЕ!!

И собака «чуть плелась обратно, слизывая пот с боков». Пот от бега за хозяином—еще тогда, по сугробам...

*А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.*

Безмерно горе матери. Ее думы—о щенятах. Неужели их больше нет, и она никогда ни одного из них не увидит, не приласкает? А что там, над хатой? Наверно, бегут легкие облачка, а чудится ей—бегит месяц, как живой...

*В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.*

Синяя высь—как синяя вода... И синяя высь—пустая, холодная, звонкая... На нее можно лаять пронзительно, звонко. Но сейчас собака смотрит «звонко». Надежда как бы «озвучила» взгляд.

Но вот и месяц тонкий (как ее щенок—маленький) ускользнул, скрылся с ее глаз навсегда. Последняя надежда исчезла.

*И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смет,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

Горе от потери щенят, обида за обман (месяц—не щенок) сломили ее. Была надежда—глядела «звонко». Теперь—конец. И «глухо... покатились глаза собачьи». Не слезы—глаза. «Покатились... золотыми звездами». Золотое, наполненное любовью к детям сердце матери... У нее и глаза и слезы золотые. Самые чистые, благородные, самые священные...

В начале: «Струился снежок подталый...» В конце: «Золотыми звездами в снег».

Видите, как они покатались и упали: «Зо-ло-ты-

ми звез-да-ми в снег». Последние два слова—как удар, как последний вскрик. Все. Стихотворение закончилось.

...Конечно, тогда, до войны, при первом чтении «Песни о собаке» тонкостей ее я не уловил. Но на всю жизнь осталось в сердце щемящее чувство жалости к живым рыжим комочкам—щенятам и затаенное восхищение материнской любовью, верностью долгу. И ненависть к бессердечию, черствости, жестокости.

...Когда вскоре после того случая встретил сторожа дядю Гришу, то, надо полагать, я с таким презрением посмотрел на него, что он остановился и, взяв меня за плечо, проговорил:

— Постой-ка... Ты чего зверенышем глядишь? Уж не из-за щенят ли?

— Хотя бы,—огрызнулся я.—Сладили...

— Это ты, парень, зря.—Он вздохнул.—Приказ поступил от начальства дома отдыха: собак, мол, много развелось, прими меры, Григорий... Вот ведь как дело было... А сам я бы—ни-ни... Хватило бы места... Поверь старику...

Я поверил, и у нас с дядей Гришей установились добрые отношения. Он оказался заядлым книголюбом, но уважал только прозу.

Однажды он рассказал, что видел живого Горького («Максимыча»,—по его словам). Дядя Гриша жил в Нижнем Новгороде, и писатель приплывал туда на пароходе.

— Я ведь почти всего Горького прочитал,—с гордостью добавил мой книголюб.—Как же: земляк!

Сначала я ему не поверил, но по некоторым деталям убедился, что мой старший друг действительно держал в руках не одну горьковскую книжку.

— А его воспоминания о писателях читали?—решил я его подловить.

— Воспоминаний не читал, не буду врать,—развода руками, признался дядя Гриша.

Через несколько дней я раздобыл том Горького с силуэтом писателя на внутренней стороне переплета (это было юбилейное издание), и началось чтение вслух. Так перед нами прошли Чехов, Лев Толстой, Андреев, Короленко, настала очередь Есенина.

С особой выразительностью прозвучали у меня следующие строки из очерка Горького «Сергей Есенин»:

«Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

— Если вы не устали...

— Я не устаю от стихов,—сказал он и недоверчиво спросил:

— А вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье,—молвил Есенин задумчиво и тихо, а на мой вопрос, знает ли он «Рай животных» Клоделя, не ответил, поцупал голову обеими руками и начал читать «Песнь о собаке». И когда произнес последние строки:

*Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.—*

на его глазах тоже сверкнули слезы».

Тут дядя Гриша положил руку на книгу и сказал:

— Постой, парень... «Песнь о собаке»—стих?

Услышав ответ, попросил:

— Не найдешь эту штуку, а? Хотя и не люблю я стихи, а такой охота узнать. Будь добр, найди.

Пришлось сходить к приятелю по драмкружку и переписать стихотворение в тетрадку: книжку Есенина он мне домой не дал.

Читая дяде Грише «Песнь о собаке», я думал, он под конец прослезится. Нет, не прослезился, но молча потрел меня по плечу и ушел к себе, за забор. А под вечер, проходя мимо, я слышал, как он что-то дружелюбно говорил своим ночным помощникам...

С тех пор минуло много лет, но «Песнь о собаке» остается для меня одним из любимых есенинских стихотворений. Да только ли для меня!

В годы второй мировой войны «Песнь о собаке» была спутницей итальянских партизан и не раз звучала у ночных костров, согревавших друзей легендарного земляка Есенина—Федора Полетаева.

Душевную тонкость в этом есенинском шедевре высоко ценил Василий Иванович Качалов. «Песнь о собаке», как и стихотворение «Корова», исполнялась им на эстраде особенно часто. Великий артист, вспоминал современник, «читал эти стихи взволнованно и как-то очень бережно, почти интимно».

Недавно я произнес «Песнь о собаке» в присутствии моего шестилетнего внука Саши. Прослушав, он подошел ко мне и сказал:

— Ты читал, а у меня сердце кровью обливалось...

сказать, идут по дедаловой стезе. Но их девизом стали слова народного поэта Белоруссии Якуба Коласа: «Нехитрое дело попасть ногой в чужой след. Гораздо сложнее, но почетнее самому прокладывать путь».

Когда я ходил по училищу, меня не покидало странное ощущение, будто попал в сказку, горячо любимую когда-то, но за давностью лет, казалось бы, потерянную навсегда.

И вот я снова возвращаю ее себе.

Сегодня первые шаги вспоминаются порой с улыбкой.

Ларин поехал в Палех. С детства помнились необычные шкатулки—по черному фону мчатся огненная тройка!

Миниатюры палехских мастеров ошеломили его. Яркая живопись по лаку очаровывала. Аркадий Егорович пробыл в Палехе около двух недель. Удивлялся, вздыхал, расспрашивал. По вечерам, усталый, оглушенный от всего увиденного, долго сидел, склонившись над толстой коленкоровой тетрадкой. Хотелось все записать, ничего не упустить. Но вдруг начали одолевать сомнения: если все так просто—приехал, посмотрел, записал, то почему же палехская роспись уникальна, нет в мире похожей? Может, он ошибается—ведь не специалист. (А где их взять, специалистов? Художники, искусствоведы не очень-то торопятся идти работать с пэтушниками, учить их мастерству и уму-разуму... Вся надежда, что выпускники театрально-художественного института, педагогического—с отделения художественной графики—загорятся новым делом. Сами молодые, азартные,

охочие до работы живой, самостоятельной.)

Вернулся, попробовали... Как и ожидал, ничего путного не вышло. Лак ложился на деревянную фактуру «равными» мазками, с проплешинами; роспись «высвечивалась», не густела, краски получались блеклыми, словно покрытыми осенней псамурью.

А главное, мотивы рисунков, сюжеты да и сами персонажи были нездешними, не с белорусской земли.

Молодой искусствовед Инна Герасимова (первая ласточка!) не выдержала однажды. Сказала, как отрезала: «Свое искать надо! Поездим по деревням, по селам—там многому научимся, многое поймем».

...Я листаю большой красочный альбом—своеобразный отчет первой этнографической и художественной экспедиции учащихся ГХПТУ по местам народных промыслов республики. В то лето побывали они и в Ивенцах, центре гончарного мастерства, и в деревне Огово, что славится своими умельцами художественной росписи по дереву, и через Неглюбку пролегал путь ребят—здесь они познакомились с искусством мастериц художественного ткачества. А за Слуцком, в деревне Лядко, довелось им побывать у знаменитой вышивальщицы Анны Александровны Гурко. Тридцать лет вышивает она затейливым белорусским орнаментом подзоры, накидки, полотенца. Цветы и травы разбежались по домотканому, отбеленному холсту. А ее картины-аппликации известны всему Союзу да и за рубежом побывали...

В деревнях Могилевщины увидели ребята, какие чудеса можно творить из

обычной соломы: и фигурки забавные сплетать и по дереву узоры выкладывать.

«Слуцкие поясы», «Оговские сундуки», «Белорусская соломка», «Ивенцовская керамика», «Белорусская резьба»... Издревле эти промыслы украшали жизнь белорусского крестьянства. Будто сама природа, переливчатость цветов ее—оранжевого, зеленого, голубого—заглядывали в низкие избы. Глиняная посуда разрисовывалась красками, взятыми у леса и лугов. До нынешнего дня дошли секреты давнего изготовления сурьмы, киновари. А в обычных печах сжигали специальные породы деревьев, чтобы жар «нужную густоту имел». И чеканка была давно известна белорусским мастерам. Не только под жарким кавказским небом и в солнечной Средней Азии складывались веками традиции этого народного искусства. Здесь, среди озер и лесов, еще в V веке появилась чеканка по бронзе и железу. На бляхах, на сундуках, обитых медными полосами, твердая рука мастера-чеканщика оставила потомкам свой «автограф». А недавно, при раскопках на реке Друть, обнаружили археологи среди кухонной утвари глики (большие кувшины для хранения масла), выкованные из железа, а по ним—горячая чеканка. И на кружках она железных и на самоварах медных...

Многие ребята открыли для себя, сумели увидеть в природе неожиданное и прекрасное. Хитрая улыбка дедалесовика проглядывает в березовом наросте—капе, ветка бузины похожа на парящего аиста, а старое корневище—на дикого кабана.

А главное, и учащиеся и мастера

поняли, что лишь на отчих просторах живет и расцветает народное искусство.

Но иногда приходилось начинать почти с нуля. Огненный смерч прошелся по этому краю. О том говорят и скорбные обелиски с крашеной фанерной звездочкой наверху. На них, плутая по белорусским лесам, нередко можно выйти. Но, кроме жизни человеческих, унесла война и немалую толику огромной сокровищницы народного искусства. Дотла спалили фашисты сотни деревень, где каждый дом был неповторим. В пепел обратились многие шедевры брестской росписи, могилевской соломки, ветковской резьбы.

Но сколько же любви и мужества надо иметь в сердце, чтобы и из огня вынести красоту, созданную руками народа! Оговцы зарывали в родную землю расписные доски, прятали рецепты составления красок. На себе выносили в партизанские отряды белорусские крестьянки вышитые рушники, тканые подзоры и гобелены, сотворенные их предками. Да и гончарный круг того же деда Савы не оставивал свой бег в партизанском лагере. Нужна была и посуда глиняная, нужна была и красота, радующая израненные души.

Все же трудно, а порой почти невозможно восстановить утраченное. Но будущие мастера народных промыслов, столяры-краснодеревщики из Бобруйского ГХПТУ пытаются это сделать. И не без успеха.

Музей народного творчества. Строили его сами учащиеся. Сруб, пронумеровав каждое бревно, каждую деревянную склепку, клинышек, балку, вывезли из дальней деревушки Полесья. Ему не

меньше ста лет будет—тоже история! Прежде чем резьбой украшать, не один десяток альбомов и книг пересмотрели, деревенских дедов в консультанты приглашали. Наличники, завалинки, крыльцо резали тоже не «на авось» — в архивах Союза художников калки снимали. Теперь этот музей, первый в Белоруссии, всей республике известен. А для учащихся он лучший предметный класс по народным промыслам.

Гляжи, спарыши (горшки-двуручники), чеканные накладки, шкатулки резные и расписные, плетеная лоза—чего только нет в этом музее! И вот интересная деталь: многие произведения народного искусства восстановлены, реставрированы учащимися. Я видел гарнитур мягкой мебели, созданный народным мастером-краснодеревщиком в начале семнадцатого века. До нашего времени дошли, к сожалению, лишь спинка полукресла, царга—верхний пояс стула, обломки ломберного столика. Почти год работали ребята вместе с мастером Шляговым—копались в архивах, ездили по старинным усадьбам-музеям, по крупицам в рисунках и эскизах восстанавливали гарнитур. А потом возродили его и в дереве: фактуру верную подобрали, и цвет, и ткань для обивки.

А в живописной мастерской ищут древний секрет составления красок, не затухающих на дереве, выявляющих структуру его, не блекнущих под дождем и солнцем.

Верю, найдут.

Позабылось у нас как-то слово это—«мастеровой». А жаль. Ведь народ издавна вкладывал в него свое уважение к мастерству рабочего человека. Плотника ли, каменщика, металлиста... А уж народные умельцы—люди истинно рабочие. Дело свое знают до тонкостей.

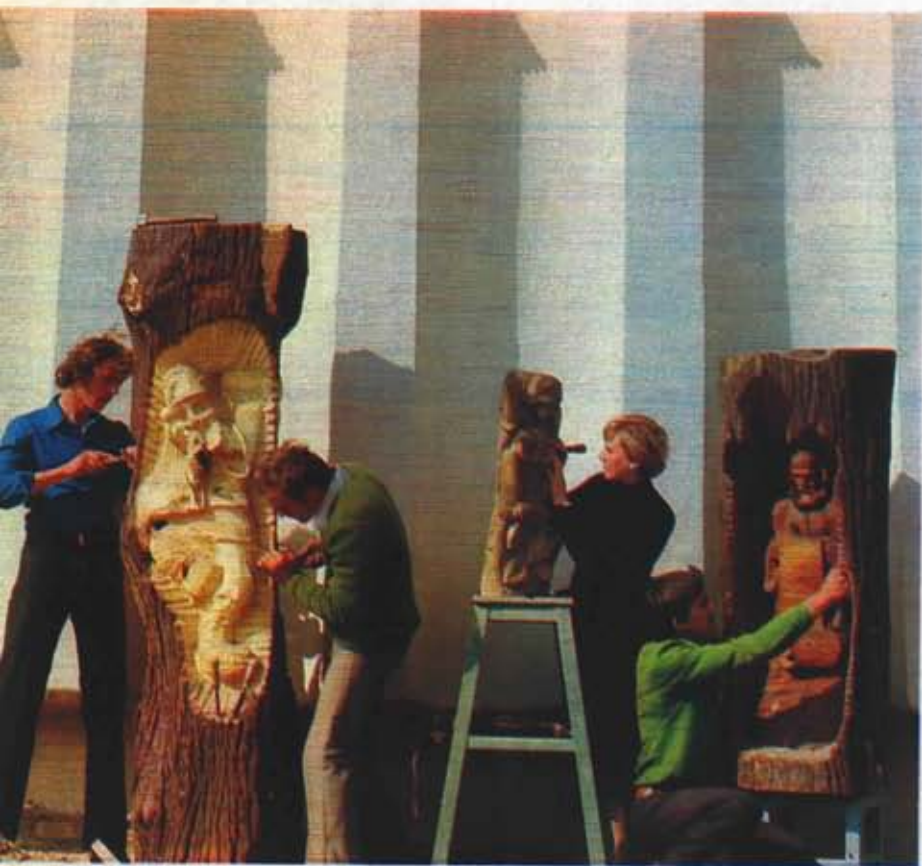
одному «жанру» (вспомним хотя бы школы Палеха, Хохломы, Загорска, Богородскую школу резьбы по дереву...), не просто дают в руки подросткам отличное ремесло, а готовят из них мастеров широкого профиля. Резчики изучают основы гончарного искусства, художники-декораторы могут неплохо расписывать по дереву, а чеканщики—оформить интерьер. Конечно, ребята специализируются в одном ремесле, но специализация эта не означает узость художнических интересов, «цеховую» замкнутость.

«История искусств», «История развития мебели», «Эстетика как средство нравственного воспитания», «Художник и современность», «Поэтика народных промыслов»—курсы, обязательные для всех учащихся. Кроме того, специальные предметы. Ребята изучают технологию изготовления мебели, основы ее конструирования, составление колеров, мозаику, рисунок, композицию, лепку, основы дизайна, производственную эстетику...

— Немало наших выпускников учатся сейчас в художественных вузах страны,—заметила в разговоре Инна Павловна Герасимова (нынче она работает старшим мастером по художественным специальностям). И с понятной гордостью добавила:—ГХПТУ № 15—это марка!

В это училище идут по призванию, по душевной потребности. Конкурс—до десяти человек на место. (Не часто

НА ЭТОЙ ВЫСТАВКЕ ВЫ СЛОВНО ПОПАДАЕТЕ В СТРАНУ СКАЗОК. ЯРКИЕ, САМОБЫТНЫЕ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ СЫСКАЛИ СЕБЕ ВСЕСОЮЗНУЮ И МИРОВУЮ ИЗВЕСТНОСТЬ.

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ—СТАРИННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ПРОМЫСЕЛ.

к труду относятся с глубокой любовью и пониманием, и такое слово, как «халтура», не то, чтобы в работе, в языке не приживается.

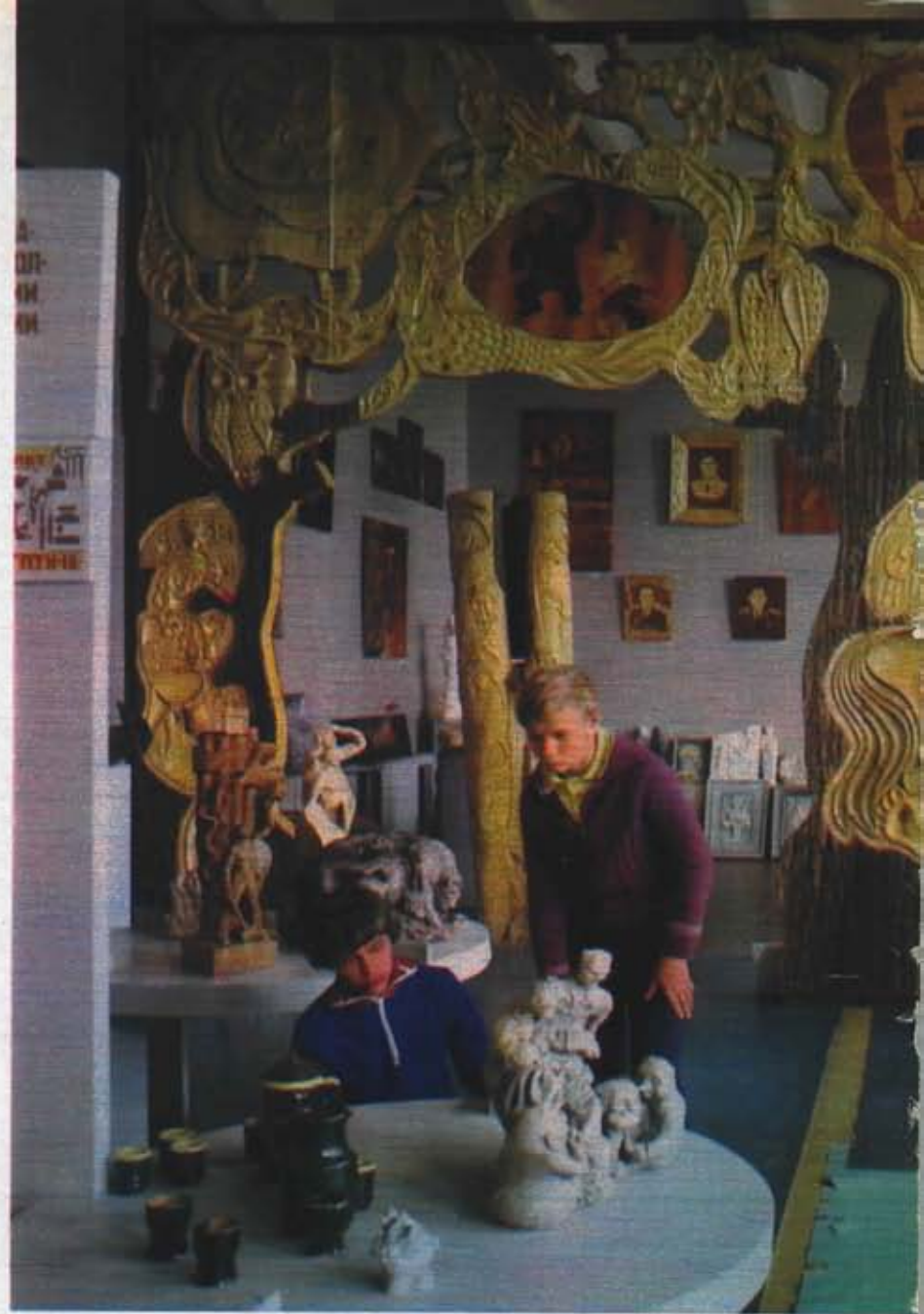
Со всех концов республики, из городов ее, деревень и сел едут нынче в Бобруйское профтехучилище мальчишки и девчонки, мечтающие стать отменными мастерами.

Да только ли из республики! Встречал я здесь ребят из Якутии и Киргизии, с Поволжья и Дальнего Востока...

Такое училище пока единственное в Белоруссии, да и во всем Союзе их немного. Здесь обучают не какому-то

встретишь такое в профтехучилище!) Экзамен по рисунку—серьезное испытание. Бывает, что, сдавая его, воспитанники республиканской специализированной художественной школы уступают тем, кто приехал из «глубинки», где школьный учитель рисования бережно вводил ребят в мир красок и гармонии.

— Я в деревне Буда жил, на Гомельщине. Кругом поля, лес. Красиво, конечно. Но как-то красоту эту не понимал еще,—рассказывал Игорь Сикаринов, один из лучших чеканщиков училища.—Иван Прокофьевич Кожедуб, учи-

тель рисования, научил меня примечать ее. А уж потом, куда ни пойдешь, всегда при мне альбомчик, карандаши цветные: в лес ли, на речку, на ферму матери помочь—выпадет момент, зарисую, что понравилось, душу задело...

Слава Устинов до поступления в училище уже успел поработать на художественном комбинате в Фергане. Там получил навыки резьбы по камню. Для него киянка, скапель и шпунт—вещи привычные.

— А у нас, в Голыпецах, все дома расписаны,—говорит Света Попкова.—Да каждый на свой лад, со своей придумкой. В избу зайдешь, глаза разбегаются—все кругом в цветах, травах расписанных...

Есть в училище и «фамильные» умельцы. Еще бабушка Тани Агафоновой Вера Николаевна Гаврилюк славила своим мастерством: в «белорусской сололке» не было ей, пожалуй, равных. Знаменитая нынче «соломщица» Артеменко многое у нее переняла. А какие узоры ткала Вера Николаевна, какие холсты с ее станка сходили! На видном месте в республиканском музее сейчас красуются. И дочь Веры Николаевны мастер Агафоненко теперь в Минске работает, чудеса из соломки делает... А сама Таня и сололкой и резьбой по дереву увлекается. Особо ей удается рельефная, с проработкой. Уже награды имеет—дипломы с республиканских выставок, серебряную медаль ВДНХ.

Ирина Сикович тоже продолжает фамильные традиции. Анатолий Концуб, мастер, выпускник Минского театрально-художественного института (он и организовывал в училище отделение керамики и гончарно-формовочных работ), говорит с улыбкой:

И В БАСКЕТБОЛЕ НЕОБХОДИМЫ ТОЧНЫЙ ГЛАЗОМЕР И ТВЕРДАЯ РУКА.

— Ира может в гончарном деле фору многим парням дать. У нее хватка мужская, она материал отлично чувствует, технологию прилично знает. Тут, конечно, без деда не обошлось...

Восемьсот человек... Разными путями пришли они сюда. Каждый по-своему, и каждая судьба интересна.

...Данильченко проснулся, глянул на соседнюю койку. Петрусь спал, свернувшись калачиком, подложив руки под щеку.

Со стороны они, наверное, выглядели забавно: огромный, почти двухметровый

Иван и худенький, небольшого роста Петрусь, белоголовый, с длинными, как у девушки, ресницами.

Учился он на резчика по камню. Отделение это было новым в училище. Вели его два мастера—Геннадий Родин и Алла Кириллова, выпускники знаменитого Абрамцевского художественно-промышленного училища, муж и жена, сами еще совсем молодые. Иван, заглядывая «на огонек», удивлялся, как за просто держат они себя со своими учениками. И те радовались каждой улыбке, каждой похвале мастеров. А надо сказать, что работа у камнетесов не сахар: поворочай-ка гранитные, мраморные глыбы—не до улыбок будет.

Камень—серьезный «мужской» материал. А все же Ивану дерево ближе. С малолетства его режет.

В дереве угадывает он кряжистую фигуру зубра, видится ему легкий бег козули, «живут» в дереве и птицы, и звери, и лесные сказочные существа...

Три раза поступал в Бобруйское училище Иван Данильченко. Три раза срезался на рисунке. В приемной комиссии сокрушенно разводили руками: настойчивый парень, дерево любит, знает, но экзамен есть экзамен.

Иван пошел работать слесарем на нефтезавод, потом—армейская служба. А из дому приходили посылки: в фанерном ящичке—не шмат сала, не белорусская картофельная «баба», а кругляши дуба, липы, любимого бука. Отец его, плотник, знал твердо: раз сын прикоснулся сердцем к дереву, это уже навсегда.

Тем временем Иван закончил в Новороссийске «мореходку» и попал в северный портовый город Мурманск, на атомный ледокол «Арктика».

— Вот тогда и подумалось: чего еще

искать? Сколько ребят мечтают о такой судьбе—море, корабль. Решил: баста! Раз не получилось из меня мастера-резчика, стану классным машинистом турбинных установок. Моряк дальнего плавания—звучит!

Но посылки из дому не прекратились...

И в матросском кубрике, когда шли на Ямал, запахло вдруг весенним лесом. Солнечные стружки завиток за завитком соскользнули с жесткой моряцкой ладони. Иван не забывал и наказ преподавателей училища: рисовать как можно больше. В свободное от вахты время брал широкий столярный карандаш

(отцовский подарок), и на лист ватмана ложились плотные штрихи. В «моделях» нехватки не было. Даже сам капитан Кучиев, когда атомоход пробивался к Северному полюсу, «попал на карандаш» Данильченко.

В двадцать пять лет поступил он в ГХПТУ. В двадцать семь староста группы Иван Данильченко считается лучшим резчиком в училище. В его активе—золотая медаль ВДНХ, почетный диплом с будапештской выставки...

Вот такая история.

Вокруг меня—праздник детства. Я вижу румяные, счастливые лица малышей, слышу их смех, крики, которые идут из самой глубины маленького, восторженного сердца.

Взмывают вверх резные качели, крутится яркая, разрисованная карусель, бродит возле дуба чудесный кот—дере-

вянный, но и живой тоже. Здесь и Нестерко, и веселые гусяры, и Конек-горбунок...

— Сюда, сюда посмотри!—зовет меня Наташа Родичева.—Прелесть, не правда ли?

Правда... И первому секретарю Бобруйского горкома комсомола и мне здесь, в детском парке отдыха, нравится чрезвычайно. Да, кроме нас, взрослых немало. В этот парк бобруйчане приходят куда охотнее, чем во «взрослый». А создали его ребята из художественного профтехучилища. Редкую, полувыврубленную рощу на краю города превратили в страну сказок. С качелями-каруселями, избушкой на курьих ножках, поляной фей, Белоснежной с гномами...

Конечно, не обошлось тут без помощи горисполкома, горкома комсомола.

— Но придумали все, сделали сами учащиеся, «неугомонные»,—говорит Родичева.—А кроме этого, оформили кафе «Светлячок», несколько детских садов, школ, вестибюль и холлы гостиницы.

Так их и зовут в городе—«Неугомонные». И слышится мне в этом прозвище добрая уважительная нотка: «Мастерские!».

Двадцать первый выпуск покинул в этом году стены училища. Питомцы его работают на мебельных фабриках, в народных промыслах, в мастерских республиканского художественного фонда, в специализированных стройуправлениях.

Малыры-альфрейщики, воспитанники мастера Родова, трудятся нынче в Московском Кремле, в тех же залах, что украшал более трехсот лет назад «елико возможно» изразцовыми фризами и майоликовыми рельефами их великий земляк, белорусский мастер Степан Полубес. А другой знаменитый умелец с Белой Руси, Ким Михайлов,—резьбой «витой, да фигурной»...

Работают мастера, работают и «подмастерья», те, кто сегодня только учится «на волшебников», творят, окружают жизнь нашу веселым, сказочным белорусским орнаментом.

Будто возвращают нам частицу солнечного детства.

Письмо было от деда. Почерк крупный, твердый. Дома все в порядке, все живы-здоровы. Как всегда, поклоны мастерам, Ириным товарищам. А в конце письма: «...И вот что надумал я, внучка. Хочу коллекцию нашу фамильную вам в дар передать. Пусть умение наше, талант вдесятеро выше станут в руках молодых, сильных».

ЭТИ ГЕРОИ БЕЛОРУССКИХ СКАЗОВ ПОБЫВАЛИ НА МНОГИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВЫСТАВКАХ.

ТАК ЮНЫЕ ХУДОЖНИЦЫ ПОСТИГАЮТ СЕКРЕТЫ ДРЕВНЕГО ТКАЦКОГО ИСКУССТВА.

ДВЕ

Перед вами, читатель, две человеческие судьбы. Волею обстоятельств пути этих судеб пересеклись, высветив красоту одной жизни и пустоту другой. Кто ты есть на земле, в чем ценность твоей жизни, каковы твои идеалы—об этом, мы надеемся, задумаются читатели, прочитав очерк.

ФЕДОР

Федор подходил уже к дому—а дом у них на окраине, улочки темные, узкие,—слышит: возня какая-то, женские вскрики: «Пусти, пусти же!»—и нахальный такой мужской всхристок: «Во, отпусти ее! Тебя отпусти, а мы тут что делать будем?»

— Эй, ребяташки, не балуй!—по-свойски так, открыто крикнул Федор в темноту.

— Давай топай своей дорогой, нашел «ребятишек»!—крикнули ему в ответ. Но возня прекратилась, и Федор спокойно пошел дальше.

— Эй, а ну-ка постой!—услышал вдруг Федор сзади и невольно остановился. К нему подбежал долговязый парень и, прерывисто дыша, спросил:—Это ты кричал нам сейчас?

— Ну, я,—сказал Федор.

— А ты чего кричал-то?—как бы удивленно даже, хмельно растягивая слова, спросил парень, вглядываясь в лицо Федора.

— Чтоб не баловали. Слышу, женский голос...

— А ты, значит, такой смелый, да?

— Тебе что, подраться хочется? Так у меня настроение сегодня не то. Не до драк...

Федор говорил все это, а сам внутренне уже напрягся, он разглядел наконец, что парень здорово пьяный и по лицу у него бродит самоуверенная, нагло-хмельная ухмылка.

— Не-ет, это ты ошибаешься, мне драться не хочется... Зачем мне с тобой драться?—цедил сквозь зубы долговязый, а где-то сзади, будто в помощь ему, время от времени кто-то по-разбойничьи подсвистывал.—Я просто понять хочу: откуда ты такой смелый взялся? Откуда вы вообще такие ханурики беретесь? И знать ничего не знаешь, а уже орешь. Смелый, да? Комсомолец, да? Передовой, да? А вот с жизнью не хочешь познакомиться, а? Так просто, ни за что ни про что, а? Мне вот таких гадов, как ты, просто убивать хочется. Ты понял? Понял, спрашиваю?

— Ну, положим, понял. Дальше что?

— Так, понял... А дальше: ты кричишь, а мне, может, сегодня жизнь не мила. Мне жить неохота. Мне подлость сделать хочется. Может, даже убить кого-нибудь, ты усекаешь? Ты же не знаешь, какие там гаврики стоят? Ведь не знаешь, а напрашиваешься, а? — Слушай, ты...—сказал твердо Федор.—Если тебе очень хочется, то можешь схлопотать. Только не то настроение сейчас...

Долговязый развязно всхриотнул и вдруг резким движением выхватил из-за пазухи... нет, не нож, как показалось сначала Федору, а шило. Длинное блестящее стальное шило.

— Ну?!—спросил долговязый.

В воздухе застыла мертвая пауза...

Дед Данила Иваныч подавлял всех жестким, суровым словом и мрачным взглядом из-под тяжелых кустистых бровей. Злым он не был, не был и несправедливым, просто у него был свой взгляд на жизнь, и если кто-то не соглашался с ним, он мрачнел. Кто знал его плохо, тот считал деда «темным», а кто знал получше—домашние, например,—те жалели старика: сердце доброе, а смотрит сичом,—что значит гордыня человеческая...

Федьке, внуку, он так и сказал:

— Не в коня корм пошел...

Отец, тот просто промолчал: он-то жил по дедовым заповедям, всю жизнь проработал в леспромхозе и честь деду во не посрамил. Данила Иваныч, сколько помнил себя, всегда лесом жил и сына к этому приучил, а вот с внуком Федькой осечка вышла. Лес-то внук любил, тут ничего не скажешь, да вот тянуло его все на сторону куда-то, ишь вот собрался уезжать из родных мест, техникум бросил, а ведь какая бы специальность была—техник-технолог лесного производства. Даже и не поймешь сразу, чего она

значит—так красиво звучит. Ни дед, ни отец и не мечтали никогда о таком.

— Да, не в коня корм пошел,—все повторял дед.—Не в коня... Порадовал нас внук, ох, порадовал!

А Федора уж манила за собой дорога, и еще больше дороги любил Федор разные механизмы, машины, тракторы, вот и махнул из родной Кировской в Саратовскую область: есть там такой городишк Ершов, где в одном из профтехучилищ был объявлен последний целинный набор. Федор жил горячо, самозабвенно, норовил успеть везде и всюду, хотел хоть краешком, да зацепить целину, хотел быть на самом переднем крае борьбы людей за лучшую жизнь. Он всегда мечтал о подвигах.

И укатил на Саратовщину...

МИХАИЛ

В седьмом классе Мишка Журавль притащил в школу крысу и перед уроком зоологии, во время перемены, поджег ей хвост и выпустил из картонной коробки. В школе начался переполох, обезумевшая крыса бросилась в коридор, высочила на второй этаж и сунулась в дыру под плитусами.

Директорша школы, совершенно белая от гнева, кричала на Мишку в кабинете:

— Как ты смел?! Это же бандализм! Это...

— А пусть не лезят,—как заведенный, повторял Мишка.—Они у нас дома кроликов съели. Понятно? С крысами всегда так делают: поджигают хвосты и отпускают. Тогда они не полезут больше. Понятно? Они кроликов у нас сожрали...

— Нет, это чудовишно! Это... я не знаю даже, что это такое! Это садизм! Это...

И директор школы, пожилая женщина, не сдержавшись, вlepила Мишке пощечину. Тихо стало в кабинете. Нестерпимо тихо...

ФЕДОР

Видно, сначала загорелась солярка. А потом пламя перекинулось на трактор. Федор вместе со всей бригадой обедал под крытым навесом—нещадно палило солнце, дышать было нечем. И тут потянуло гарью...

— Федя, трактор горит!—крикнула Вера-повариха, первой заметившая беду. И как стояла, держа кастрюлю, так и села на скамейку.

Федор, не раздумывая ни секунды, метнулся к трактору. Запрыгнул на гусеницу, оттуда—в кабину и рванул рычаги. Самое страшное, что могло произойти,—это взрыв. Федор круто развернул трактор и прямым ходом направил его в Листвянку—речка была сейчас единственным спасением. Кабину лизали уже языки пламени, на беду, Федор был даже без майки, нещадно жгло кожу. Вперившись взглядом в речку, Федор, казалось, ничего не замечал, смотрел только вперед, на воду...

Спуск к Листвянке был крутой, и когда трактор обрывисто ухнул в речку, Федор ударился затылком о заднюю стенку кабины...

В больнице он пролежал месяц. Ожоги были в основном третьей степени. И когда приходили к нему ребята из бригады, Федор шутил: «До полного кавалера не дотянул. Теперь надо 1-ю и 2-ю степень заработать, а тогда и кавалером можно становиться...»

Кавалером он все-таки стал—Вериным, день и ночь пропадала теперь Вера-повариха в больнице у Федора.

А что касается медалей, то первая его медаль, которую он заработал еще на «гражданке», была «За отвагу на пожаре». За спасение трактора.

МИХАИЛ

Десятый класс Мишка Журавль так и не смог одолеть. Выгнать его не выгнали, сам ушел из школы. «Кто умный, тот пусть и учится, а нам,

дуракам, и так хорошо живется!»—любил он повторять. Полгода вообще ничем не занимался, болтался на улице. Три раза приходила к нему домой Варвара Анатольевна, классный руководитель. Разговор не получался. Мишкин отец, хмельно улыбаясь, приглашал Варвару Анатольевну к застолью:

— Вы, значит, учительница. А вот жизнью простого человека брезгуете... Как же это так? Нехорошо. Я вас приглашаю за стол, а вы губки кривите. А кто ж нас воспитывать тогда будет? Мишку вы проморгали уже, а? То-то... Эх, вы, выходцы из народа, интеллигенция...

Мишкин отец работал на моторном заводе, считался хорошим слесарем, а по вечерам любил выпить. Раз в неделю, по субботам, выпив крепче обычного, он начинал выбрасывать из дома подушки, одеяла, скатерти, посуду. При этом выгонял из дома жену:

— Чтоб духу здесь бабского не было! Ишь, расфуфырилась вся, обложилась тряпьем, как хохлатка! Мишку дураком вырастила, так теперь еще дом испоганить хочешь?! Тут мужики должны жить, поняла? Мужики в корень смотрят, а бабы в трясины тянут... Брысь отсюда!

В понедельник утром отец, мрачный, как туча, уходил на работу. Ни на кого не смотрел. Жена принималась наводить порядок. А Мишка пропадал на улице.

К вечеру отец возвращался домой успокоившийся, слегка навеселе. И всегда по понедельникам пел одну и ту же песню: «Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу. Э-э-э, эх!»

ФЕДОР

Вот чего не ожидал Федор, того не ожидал: призвали в армию, а оказался в Москве. Три месяца был здесь, а уж только потом отправили на границу. Но это—потом, а пока Федор наслаждался Москвой. Каждую субботу или воскресенье, если отпускали в увольнение, он ходил по музеям и театрам, в кино, на выставки, и чем больше ходил и смотрел, тем больше чувствовал, что не знает почти ничего. И даже с горечью какой-то писал Вере:

«Ты знаешь, я только теперь понял, как много времени потерял зря: нужно было учиться у жизни каждую минуту, каждую секунду, впитывать в себя литературу и искусство, культуру народа, вообще все лучшее, что создано человечеством. Наверстаю ли когда-нибудь? Не знаю...»

А потом началась служба на границе, трудные дни и ночи бдительного служения Родине, ответственность за себя и за взвод, командиром которого он вскоре стал.

«У нас бывают, Верунька, и небольшие заварушки. Дважды я был рядом со смертью и, как ни странно, не почувствовал особого страха, только собранность и ответственность. Но это, может, потому, что мне всегда кажется, что я буду жить долго. Рядом могут визжать пули, а мне даже весело как-то в глубине души: думаю, ну погодите, сейчас я вам покажу...»

Через полгода, обходя караульные посты, Федор задержал нарушителя границы. Была короткая схватка, и прежде чем подбежал дозор, Федор уже связывал нарушителя руки.

Так у него появилась вторая в жизни награда—орден «Знак Почета».

МИХАИЛ

К лету Мишка Журавль что-то затосковал. Ни пить, ни драться, ни устраивать гонки на ворованных мотоциклах уже не хотелось. Он и сам толком не знал, что с ним происходит. Хотя догадывался, конечно. Но разве мог признаться себе в причине своей тоски? Это он-то, Журавль? Гроза всей районной шантрапы?

Просто была такая девчонка Томка, и они прямо жить друг без друга не могли—всегда вместе, и в драках Томка не бросала Журавля, и во всяких

ЖИЗНИ

махинациях, и в облавах, когда милиция ловила их по чердакам домов, где они устраивали для себя «всеобщий шикарный картежный балдеж», как говаривал Мишка. И вдруг Томка стала «отваливать в сторону»... Если бы кто другой, Мишка бы ничего, пережил, а тут... Началось все с того, что к ребятам в районе, стоящим на учете в милиции, прикрепили комсомольцев—для воспитания. Ну, Мишка кое-кого побил, кое с кем просто по душам поговорил, а в общем—притаился на какое-то время: однажды его притащили в милицию и прямо сказали: «Смотри, парень, недолго и в тюрьме оказаться...» В тюрьму, конечно, Мишке не хотелось, он дал слово: «Все, завязал...» И на работу пришлось устраиваться—учеником слесаря на отцовский моторный завод. Так сказать, семейная династия потомственных слесарей. Доконали его эти районные комсомольцы, проходу от них не было ни днем, ни вечером—то отряды дежурят, то наставника приставляют. Жизнь настала как в кино: бери и перевоспитывайся... С виду оно так и было, и в конце концов от Мишки отстали—перестал вроде лоботрясничать и хулиганить.

Пока все эти передраги с Мишкой творились, Томка и забыла его. Он и не заметил, как это случилось. А случилось просто: к ней тоже комсомольца приставили. Ничего так парень, штангой занимался, а главное—красавчик. Вот это был главный его козырь. Томка и влюбилась. Она же баба, у нее душа, как не влюбиться в красавчика?

И затосковал Мишка. Пробовал посчитаться с парнем—не вышло ничего. Мишка остановил его как-то, тот спокойно взял Мишку двумя руками, переставил в сторонку и пошел дальше. А главное, бросил на прощание: «Ты у нее сначала спроси, а потом на синяки нарывайся». Он спросил, конечно. Томка только опустила глаза. «Продалась, значит?»—покачал Мишка головой. «Он любит меня». «А ты?» «И я тоже...»

Вранье, конечно, все это про любовь, но так вдруг тошно на душе стало. Интерес к жизни у Мишки исчез, работу он бросил и только пил. Вместе с отцом, который, видно, стал стареть, мать уже меньше гонял, но только одно повторял неизменно:

— Ты, Мишка, главное, в корень смотри. Понял? В корень—это еще Кузьма Прутков говорил. А он, знаешь, кто был? Он мой друг был. Не веришь—иди спроси в отделе кадров завода. Там тебе справку могут показать—был, точно! А ты говоришь...

ФЕДОР

После армии не пришлось даже заехать домой. Так уж получилось. И зря, конечно, обижалась мать, когда писала Федору: «Дед с отцом о тебе и слышать не хотят, так обиделись на тебя, Федюша. Где это видано, говорят, чтоб даже после армии домой не заехать... Бог тебе судья, Федюшенька, но уж ты хоть отпуск какой возьми да покажись нам, а то стареем мы, стареем да вдурим и умрем, тебя не повидавши. Приезжай ты к нам поскорей, сыночек...»

А было так, что после службы 28 солдат из их части поехали по комсомольским путевкам осваивать сибирские богатства. Дом-то—он у всех далеко, а Тюменщина—вот она, рядом, и многие даже не показались в родных местах, а сразу поехали в Сибирь. Среди них был и Федор Новиков.

На перроне, когда солдаты высыпали из вагонов, случился один казус. Подскокил к демобилизованному человеку в соломенной шляпе, с пышными веселыми усами:

— Которые здесь товарищи солдаты? Прошу за мной. Транспорт жжет бензин, карета подана. Вперед, гвардейцы-пулеметчики!

Солдат—человек бывалый, шутки понимает: где еще так могут встретить, кроме Сибири? Повалили веселой гурьбой за Иванычем, как он себя называл. Посадили их Иваныч в «пазик», и покатила вперед дорожка...

Через три дня только разобрались, что на вокзале их перехватил прораб из «Дорсельстроя», пока представитель обкома комсомола, обязанный встретить демобилизованных солдат, замешкался где-то в привокзальном здании. Федор Новиков на третий день

обманул «бдительность» Иваныча и на попутках (а Иваныч увез их за двести километров от Тюмени) добрался до города. В обкоме схватились за голову: так вот куда пропали долгожданные солдаты?! Честное слово, и смех и грех получился—бывает же такое...

Иванычу, конечно, всыпали по первое число (он не первый раз уже переманивал к себе рабочую силу), а Федора Новикова сразу приметили: инициативный... И поставили помощником бригадира слесарей-монтажников в КММУ (комсомольско-молодежное монтажное управление).

— Какой из меня монтажник? Какой слесарь? Ребята, да вы что...

— Зато в людях разбираешься. А это главное. Слесарем стать—дело нехитрое, а вот душу людей чувствовать...

Через полгода Федор был уже бригадиром, из двенадцати человек половина у него были демобилизованные солдаты—опора бригадира в самые трудные минуты. А таких минут впереди было ой как много...

МИХАИЛ

Мишка вился около ворот, за которыми гремела музыка, слышались веселое пение, смех, шутки, громкие голоса. Томка выходила замуж за спортсмена-красавчика—и это был конец для Мишки, все, больше уже не вернуть Томки. Он чувствовал, что внутри у него все заледенело, обвалилось—ни злобы настоящей, ни ненависти, одна только пустота, и безразличие, и холодный-холодный лед...

ФЕДОР

Вера приехала к Федору сама. Задыхалась уже от переписки. Не могла больше. Ждала его, ждала из армии, а он так и не приехал, укатил в Тюмень, и только письма идут от него: «И опять, в который раз в жизни, я понял, что только так нужно жить—для людей и на людях. И это чувство во мне не кричащее, а спокойное, разумное, я все-все теперь понял: я счастлив, когда я с людьми, которые верят в меня. Вчера, на тридцать семь дней раньше обязательств, наша комсомольско-молодежная бригада выполнила годовой план. Ты не можешь представить себе, как я благодарен своей бригаде. Мы верили друг в друга, мы должны были оправдать звание лауреатов премии областного комсомола—и мы его оправдали. Сегодня на нашей улице настоящий праздник—можешь поздравить меня!...»

...Вскоре в общежитии сыграли свадьбу: Федор женился на Вере. Потом пошли дети—сначала родилась девочка и вот только совсем недавно—мальчишка. Андрюхой называли, в честь Федорова отца...

МИХАИЛ

Что было делать? Одиночество казалось непереносимым. Мишка Журавль выпил хорошенько со своими друзьями, прихватил с собой несколько девчонок, и пошел всей ватагой гулять-шататься по улицам. Мишка с досады зло щипал Люську Воборько, а она, дура, все кричала притворно:

— Пусти, пусти же!.. Ну, слышишь, Журавль, пусти меня!

— Во, отпусти ее,—зло всхвачивал Мишка.—Тебя отпусти, а мы тут что делать будем, а?

В общем, как могли, так и убивали время, а на душе у Журавля было так погано, что дальше некуда. И когда какой-то парень крикнул им из темноты: «Эй, ребяташки, не балуй!»—на Мишку Журавля вдруг навалилась какая-то бешеная ярость, и ему захотелось поговорить с парнем «по душам»—какого черта он суется не в свои дела? Он что, ночи не боится? Драки не боится? Кто он вообще такой, чтобы мешать ему жить на свете, как ему хочется? А может, ты дружок спортсмена-кра-

савчика? И Мишка Журавль, рванув с места, закричал в темноту:

— Эй, а ну-ка постой!—И когда бежал, слышал свое тяжелое, решительное дыхание: «Ну, я тебе сейчас покажу!...»

— Ну?!—спросил Мишка Журавль, вытаскивая шило.

В воздухе застыла мертвая пауза...

ФЕДОР

И вдруг Федор повернулся и спокойно пошел своей дорогой. Он мог избить этого щенка, как хотел, попадал на границе и не в такие переплеты, но разве это было бы честно? Черт с ним, с этим дураком, нечего и связываться, домой надо идти, к ребяташкам, к жене...

И вдруг долговязый в три прыжка нагнал Федора, и когда тот почувствовал настоящую опасность, было уже поздно: долговязый всадил ему под лопатку, прямо в сердце, стальное шило.

«Не может быть...»—только и успел подумать Федор; умер он почти сразу, так и не поверив, что умирает, что можно быть убитым ни за что ни про что, в спину, исподтишка, просто так...

Мишка Журавль смотрел на завалившегося на бок парня и тоже еще никак не мог сообразить, что только что, вот сейчас, он убил человека. Непонятно за что. Просто так.

Хоронил Федора Новикова весь город. Приехал на похороны и девяностотрехлетний старик Данила Иваныч, дед Федора, бросил в могилу щепотку земли:

— Прости, внучек, слова мои грешные... Ругал тебя. А ты нашенский оказался. Эх, Федюшка ты, Федюшка...

И долго стоял над могилой седовласый дед, понурив голову. Не умеют люди беречь друг друга. Не умеют...

МИХАИЛ

Мишка Журавль сидит пока в камере предварительного заключения. Пока... потому что идет следствие.

Скоро над Мишкой начнется суд...

От редакции.

А что бы сказал ты, дорогой читатель, оказавшись на этом суде? Ждем твоих писем. Уверены, что большинство читателей изберет роль обвинителя. Но ведь на суде есть еще и защитники. Есть судьи, и смысл всякого суда—разобраться во всех причинах преступления. Итак, суд читателей.

ЖИВОЙ МАХОЛЕТ

Станислав
ЗИГУНЕНКО, инженер.
Фото
Владимира
ЧЕШВИНИ

Передо мной расстилалась горная страна. Вид с высоты космического полета. Сходство было столь велико, что я никак не мог отделаться от этого ощущения, хотя и знал совершенно точно: передо мной лежит вовсе не фотография, сделанная очередным экипажем «Салюта», а... крылышко мухи! И только сильная оптика микроскопа позволяет рассмотреть его строение более подробно.

— Это еще что! — улыбнулась моя собеседница, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР Ольга Михайловна Бочарова-Месснер. — Вот посмотрите, как выглядит крыло той же мухи под электронным растровым микроскопом...

И она положила передо мной пачку глянцевых фотографий.

Я посмотрел и развел руками в недоумении. Неужели весь этот лес щетинок, целые системы микронеровностей «украшают» крыло одного из лучших летунов на земле?!

Вы видели когда-нибудь цветочную муху? Нет, не ту, что нахально садится вам прямо на нос, когда вы только что прилегли с газетой на траву, намереваясь как следует вздремнуть. Речь идет о маленькой мухе, которая день-деньской висит в воздухе как раз напротив вашего гамака. Присмотритесь к ней внимательно. Эта муха — верх изящества, совершенства и простоты. Неслышно работая крыльями, которых даже не видно из-за быстроты движения, она может лететь, не разворачиваясь, в любом направлении: вперед, вбок, наискось, назад, вверх, вниз... Эта муха — одна из самых экономичных в мире «летательных машин»!

Между тем, если послушать современных специалистов по самолетостро-

ению, муха — совсем никудашный по устройству механизм. Ее крыло представляет собой форменное аэродинамическое безобразие. Муха понятия не имеет об обтекаемости крыла. Напротив, оно у насекомого все изогнуто, словно шиферная крыша. И это в то время, когда все самолеты, вертолеты, ракеты и прочие летательные аппараты тщательно зализываются, чтобы не вызывать излишних завихрений, чтобы воздух возможно более плавно обтекал конструкцию. О мерах укрощения турбулентности потока целые фолианты написаны.

Но цветочная муха их не читала. И потому по своей безграмотности поступает как раз наоборот, создавая вокруг крыла сплошные и безобразные завихрения. Вихрь ли, поток ли — ей все равно, лишь бы тянуло куда надо. И в итоге цветочная муха, как и многие другие насекомые, летает... лучше многих птиц, не говоря уж о летательных аппаратах, созданных руками человека. Если истребитель-перехватчик пролетает в минуту 3—4 тысячи длин своего корпуса, то муха — около 10 тысяч!

Вот так-то... И тем не менее насекомые летают по недоразумению. Именно так можно оценить их полет с точки зрения традиционной аэродинамики. Руководитель группы специалистов Нью-Йоркского университета Л. Бенет выразился по этому поводу совершенно определенно: «Если мы сумеем разобраться в аэродинамике полета, скажем, майского жука, то либо откроем вопиющее несовершенство современной теории полета, либо выясним, что майский жук обладает каким-то, до сих пор неизвестным способом создания подъемной силы».

Действительно, теоретически ни майский, ни другие подобные ему жуки летать не могут. Совершенно точно установлено, что их тоненькие, хрупкие крылья, коэффициент подъемной силы

которых меньше единицы, просто не способны поднять в воздух жука массой в целый грамм. Но жук-то летает!..

Некоторые причины такого несоответствия недавно сумел понять киевский инженер Владимир Стоялов. После нескольких лет экспериментов он выяснил: летать майскому жуку в небольшой степени помогают жесткие надкрылья.

Прежде чем взлететь, майский жук поднимает надкрылья под определенным углом вверх. Частые взмахи крыльев создают под ними зону повышенного давления. Выше надкрыльев, напротив, образуется зона пониженного давления. Подъемная сила резко возрастает, и жук благополучно взлетает.

И это только одна из тайн, окружающих полет насекомых. Во многих других еще предстоит разобраться. Именно над этим и работает Ольга Михайловна и некоторые ее коллеги. А почему бы и нет? Вспомните, создатель аэродинамики Н. Е. Жуковский тоже начинал свою работу с изучения биологических объектов — птиц. Но это было в конце прошлого века, когда ученые еще ухитрялись быть универсалами: тот же Жуковский был и математиком, и гидравликом, и гироскопистом... И тогда, в том первом случае, объект исследования можно было в подробностях рассмотреть невооруженным глазом, в крайнем случае воспользоваться помощью бинокля или лупы. Здесь же нужен микроскоп. И не только простой, оптический, но и электронный.

Так что, наверное, действительно первые шаги в изучении полета насекомых сподручнее делать биологам. Они более привычны к «возне с букашками», как было назван их работу один мой знакомый конструктор. Но вот что выяснили биологи уже сегодня.

— До сих пор считалось, — рассказывает Ольга Михайловна, — что во время полета крылья насекомых погружены в

так называемый ламинарный пограничный слой воздуха, который как бы сглаживает все неровности, и поэтому крыло в принципе может иметь любую поверхность. Теперь эту точку зрения приходится пересмотреть: результаты исследований говорят о том, что вокруг крыльев насекомых ламинарный пограничный слой, вероятно, отсутствует. Видимо, так выгоднее при машущем полете. Логично предположить, что сложный рельеф поверхности крыла позволяет насекомым лучше управлять воздушными потоками. Скажем, расчленяя поток на отдельные струи, ложбинки на крыле делают движение воздуха более упорядоченным и за счет этого создают дополнительную подъемную силу.

Конечно, для авиационного инженера в рисунке рельефа крыла мухи или бабочки много непривычного. Например, даже то, что желобки идут от основания не поперек, а вдоль крыла. Но эксперименты показали, что при полете насекомых скорость потоков у основания крыльев выше, чем у краев. Значит, крыло как бы засасывает воздух у основания, а затем, распределив его по желобкам, направляет к краям. Кстати, в пользу такого предположения говорит и пример летучих семян некоторых растений. Скажем, семена клена по конструкции очень похожи на крылья насекомых. А они, как известно, могут улетать от материнского дерева на десятки, даже сотни метров, вращаясь подобно ротору вертолета.

— Насекомые делают от 100 до 1000 взмахов в секунду. Поэтому только скоростная киносъемка позволила увидеть то, что раньше было скрыто от людского взора, — говорит Ольга Михайловна. — Вот посмотрите...

Она налаживает узкоплечный проектор, и на небольшом экране я вижу... морского ската. Во всяком случае, мне так показалось в первые секунды.

— Верно, — говорит Ольга Михайлов-

Крыло
под
высокоскоростным

на.—Определенное сходство в движениях есть. И там и здесь вдоль края крыла идет своеобразная волна, вероятно, увеличивающая подъемную силу. Но на этих кадрах вы видите полет бабочки, замедленный в сто раз...

Теперь я уже и сам вижу свою ошибку. Вижу я также и другое: крыло насекомого, словно плавник ската, чрезвычайно эластичная система. Во время взмахов оно все время меняет свои очертания. При движении вниз лопасть выгибается куполом, поднимаясь вверх—отгибает край...

—Такую эластичность крыльям обеспечивает довольно сложная, но в то же время практичная конструкция крыла,—комментирует Ольга Михайловна фильм.—Крыло бабочки или мухи только кажется безжизненным. На деле это далеко не так. В крыло входят трахеи и туловище вдоль заднего края крыла. Кроме того, крыло снабжено огромным количеством разнообразных микродатчиков—органов чувств. Щетинки, заметные только под микроскопом, регистрируют и скорость встречного потока воздуха, и отмечают всевозможные крутящие моменты, и помогают насекомому ориентироваться в пространстве. Остается пока лишь сожалеть, что подобной аппаратурой мы не можем оснастить крылья самолетов, роторы вертолетов.

А каков двигатель крыла насекомого?! Целый день не уставая висеть в воздухе, развивать скорость до 144 километров в час, покрывать за сутки расстояние в 1200 километров—сколько бы горючего потребовали на такую работу современные авиационные двигатели! Бабочки же, мухи и другие летуны из класса насекомых обходятся лишь несколькими каплями нектара или крохами отбросов с нашего стола.

Крыло насекомого прикреплено к мягкой перегородке, которая разделяет спинной и боковой отделы грудного панциря. На этой перегородке оно может двигаться почти свободно, опираясь лишь на небольшой «столбик»—маленький даже по отношению к телу насекомого, но очень крепкий вырост в верхней части бокового отдела груди. Крыло как бы качается на этом «столбике», вершина которого является точкой опоры рычага. Длина плеч этого рычага различна: достаточно небольшого смещения той части, которая находится внутри туловища, чтобы вызвать большое смещение, взмах остальной части крыла.

Но вот что самое удивительное—мышцы, дающие движение крылу, вовсе с ним не связаны! Та же самая мягкая перепонка, к которой крепится крыло, позволяет перемещаться вверх-вниз тергиту—спинной части панциря. При этих перемещениях тергит тянет за собой основание крыла. Перемещения тергита еле заметны, но благодаря неравномерности плеч крыльевого рычага они вызывают большую амплитуду взмаха крыльевой пластинки.

Движением тергита, в свою очередь, управляют мышцы.

Такая, казалось бы, чересчур сложная система имеет свои определенные преимущества. Известно, что сокращения мышцы вызывается нервным импульсом. Так вот, нервная система ни одного живого существа земли не способна дать более 500 импульсов в секунду. Некоторые же из насекомых, например, мелкие комарики цератопогониды, способны делать 1000 и более взмахов в секунду. Каким образом? Есть предположение, что перемещение тергита вниз под воздействием сокращения одной группы мышц вызывает растяжение другой группы мышечных тканей. Эти растянутые мышцы возвращаются в первоначальное положение

уже без команды нервной системы, самопроизвольно.

Тергит также обеспечивает сложное движение крыла: не только вверх-вниз, но и вправо-влево. Благодаря координированной работе различных групп мышц крыло насекомого описывает своим концом как бы восьмерку. В верхней части траектории начинается сокращение продольных мышц непрямого действия (они так называются потому, что впрямую с крылом, как мы уже знаем, не связаны). Вследствие этого крыло опускается прямо вниз, давая своеобразный толчок, поднимающий крыло насекомого вверх. Но опускание крыла шло не совсем прямо вниз—небольшие даже по отношению к насекомому мышцы прямого действия, волокна которых прикреплены вблизи крыла, сместили маховую часть чуточку вперед. В нижней части своего пути крыло поворачивается вокруг своей продольной оси. Пластина его ставится вертикально, и в таком положении крыло начинает двигаться вверх и назад. Гребная пластина ударяет по воздуху, как будто весло по воде, обеспечивая насекомому продвижение вперед. Дойдя до крайней верхней и задней точки, крыло опять поворачивается вокруг своей продольной оси, и плоскость его снова принимает горизонтальное положение.

—Такой сложный цикл движений пока еще не по силам современным летательным аппаратам,—говорит О. М. Бочарова-Месснер.—Более того, мы еще не в силах даже как следует оценить аэродинамику крыла насекомого, досконально исследовать ее. Почему? Обычная продувка, подобная тем, какие делают с крыльями самолетов, в данном случае практически ничего не даст. Поток воздуха будет обтекать неподвижное, статичное крыло, в то время как в действительности оно все время работает в динамике. Как моделировать такие вихри? Как заставить крыло ис-

кусственно двигаться нужным нам образом? Как, наконец, снять показания с каждой его клеточки?... Современная техника пока не в силах ответить ни на один из поставленных вопросов. Остается обходной путь сравнительного анализа. Вот этим я как раз и занимаюсь. Крылья бабочки, стрекозы, мухи... Какие они разные! Как по-разному летают обладающие ими насекомые... Но всмотритесь внимательно в строение этих крыльев. У них есть и общие черты: направление бороздок, гребенки из волосков, округлая форма заднего края... А раз так, значит, эти-то качества и помогают насекомым отлично летать, на них и нужно обратить внимание.

Понятно, все это вовсе не значит, что мы должны копировать крылья насекомых, создавать какие-то «мухокрылы» точно по образцу и подобию природных летунов. Во все нет. Из этого ничего хорошего не получится. Почему? Да хотя бы уже потому, что размеры насекомых настолько малы, что для них воздух представляет значительно более плотную и вязкую среду, чем для птиц и тем более для самолетов и вертолетов...

А значит, нужно сначала выявить физические закономерности полета насекомых, облечь эти закономерности в строгую математическую форму, а затем уже приниматься за моделирование.

Я покидал лабораторию Ольги Михайловны с таким чувством, будто мне только что показали кусочек завтрашнего дня. Действительно, если крыло птицы послужило основой для создания аэродинамики—науки, благодаря которой летают все современные самолеты, вертолеты и прочие «леты»,—то почему крыло насекомого не может стать прообразом еще невиданных летательных аппаратов будущего—бесшумных, изящных, легких? Махолетов нашего завтра!..

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗАДЫХАЮЩИЙСЯ ГОРОД

Испускающие бензиновое зловоние автобусы, набитые усталыми пассажирами, тащатся по тесным улицам. Водители кричат друг на друга и на пешеходов, машут кулаками, сигналият, то и дело останавливаются. Смог режет глаза и вызывает надрытый кашель... Так выглядят сегодняшние Афины в часы «пик».

Окруженный горами и морем город Платона и Перикла, в котором живут сейчас 3,7 миллиона жителей, в свое время застраивался без всякого плана. Устаревшая система канализации не справляется с нагрузкой. Загрязнение воздуха промышленными предприятиями приводит к разрушению шедевров древней архитектуры, известных всему миру. «Единственным приемлемым для нас реше-

нием было бы снести половину Афин», — заявил греческий премьер К. Караманлис. — «Другую же половину отстроить заново».

Столица Греции жестоко страдает от избытка населения. Сюда устремляются на поиски лучшей доли люди со всех концов страны. Многие села в пригородах Афин почти полностью обезлюдели. В среднем в Афины переселяется около 120 тысяч человек в год. Здесь теперь живет свыше сорока процентов населения Греции, а к 2000 году, как полагают, будет жить свыше половины всех жителей страны. Основная причина переселения людей в Афины — попытка найти работу.

«ТАЙМ», США

Жертвы «божественного света»

Во время этого процесса зал кантонального суда в Лозанне (Швейцария) был заполнен преимущественно девушками, одетыми в подчёркнуто скромные, высоко застегнутые под подбородком блузки, длинные юбки и спортивные туфли. Вид смиренный, но в глазах — беспокойные огоньки. Они часто поглядывают на скамью подсудимых, где за пуленепробиваемыми стеклами — восемь мужчин.

Слушается дело о преступлениях членов религиозной секты «Детей божественного света», и в зале суда то и дело слышатся слова — нападение, бомба, автомат, взрывчатка и т. п.

Девушки в зале суда не слишком вслушиваются в эти реплики — они смотрят. Смотрят на индийца по имени Свами Омкаранда, сидящего в центре группы обвиняемых. Это он, шустрый курчавый брюнет, был основателем секты, и прокуратура инкриминирует ему соучастие в убийствах, организацию покушений с применением взрывчатки и автоматического оружия, многочисленных ограблений и изуверских оргий. Он сидит, никак не реагируя на происходящее в зале суда и не отвечая на вопросы.

Судебный психиатр объясняет, что обвиняемый в психическом отношении является нормальным человеком, но при этом он религиозный фанатик, почитающий себя не как-нибудь там представителем не-

бес, пророком или апостолом, а просто-напросто богом. И в это свято верят сидящие в зале девушки, состоящие в секте «Детей божественного света». Во имя этого самозваного «бога», во славу его и хвалу они без малейших угрызений совести совершали преступления — грабили банки и магазины, нападали на охранников и полицейских, ибо так было угодно ему. Планы очередных грабежей и нападений сообщались верующим в процессе религиозных сборищ, а точнее — оргий с применением наркотиков. Сами «Дети божественного света» награбленной добычей не пользовались (что постоянно подчеркивается их защитниками), чего нельзя сказать о «боге» и его приближенных. Свами Омкаранда имеет на банковских счетах несколько миллионов долларов, является владельцем 19 доходных домов и 6 вилл, а к средствам его личного транспорта относятся несколько автомобилей экстра-класса, сделанных на заказ, и даже собственный вертолет.

Процесс «бога», которому грозят 15 лет тюрьмы, тянется долго, с постоянными перерывами. Закутаный в свое белое одеяние, Свами Омкаранда молчит, а его сообщники дают уклончивые и противоречивые показания...

«ШВАЙЦЕР
ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

ТРАГЕДИЯ У БЕРЕГОВ ФЛОРИДЫ

В прибрежных водах Флориды недалеко от Уэст-Палм-Бич разыгралась трагедия: пятеро детей в возрасте от 4 до 12 лет и молодая женщина погибли в море, кишащем акулами. Произошла трагедия по вине американских контрабандистов, которые на моторной яхте везли из Гаити в США 18 гаитянских беженцев. Они совершили уже несколько таких рейсов: доставка беженцев из Гаити в США оказывается весьма прибыльным делом. Яхта была в километре от берега, когда на берегу появились два американских полицейских автомобиля, посылавших фарами световые сигналы. Контрабандисты, решив, что кто-то выдал их, выгнали гаитянских беженцев на

палубу и с револьверами в руках начали принуждать их прыгать в море и добираться до берега вплавь. Беженцы знали об акулах и просили передать их в руки полиции США. Контрабандисты начали бросать за борт детей. Родители бросились спасать их. Револьверы заставили остальных прыгнуть в море. Яхта быстро изменила курс и скрылась. Тем временем у берега разыгралась кровавая трагедия. Наконец на помощь пришли катера американской береговой охраны, но для пятерых детей и молодой женщины это оказалось слишком поздно...

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ

ВИКИНГОВ МАНИЛИ МИРАЖИ

Известно, что острова и береговые области Северной и Северо-Восточной Америки посещались викингами, этими искуснейшими мореходами, за сотни лет до Колумба. Но что вело их туда, что служило ориентирами? Канадские исследователи Леонард Саваский и Вольдемар Лен из Манитобского университета утверждают: викингов вели миражи!

Дело в том, что в отличие от пустынных миражей арктические миражи всегда отражают нечто реальное. Атмосферные условия Арктики как бы изгибают солнечные лучи по криволинейной земной поверхности, поднимая изображение какого-либо объекта над линией горизонта. Это же явление характерно и для Антарктиды.

Изучая старинные архивные документы, ученые нашли описание семидневного путешествия викингов

от Фарерских островов до Исландии. Хроника упоминает о некоей западной земле, которая время от времени появлялась в воздухе.

Знаменитому викингу-мореплавателю Эрику Красному была известна исландская легенда, которая повествовала, что нечто, не являвшееся ни льдом, ни водой, показывалось на горизонте на северо-западе. Плывая в этом направлении, Эрик Красный открыл наиболее короткий путь в Гренландию. Вероятно, древние мореходы северных стран открыли Америку, плавая от острова к острову в погоне за арктическими миражами, которые отражали реально существующие объекты.

Сделанные с помощью компьютера расчеты подтвердили выводы Саваского и Лена.

«САЙЕНС ТАЙМС», США

ДОЛИНА ДИНОЗАВРОВ

В самом сердце Силезии, среди шахт и металлургических комбинатов, имеется объект, чрезвычайно притягательный для туристов, объект уникального характера. Это так называемая долина Динозавров, а точнее — парк, где выставлены в натуральную величину изображения доисторических животных, живших на нашей планете около ста миллионов лет назад. Коллекция создана на основе находок польских палеонтологов, работавших в пустыне Гоби с 1963 по 1971 год. Поскольку наиболее впечатляющее зрелище — именно динозавры, они и дали название всей долине.

Жители города Хожува, неподалеку от которого расположен парк древних чудовищ, уже не удивляются, когда приезжие первым делом спрашивают: как попасть в долину Динозавров?

«ПАНОРАМА», ПОЛЬША

Мохенджо-Даро: ядерный взрыв?

В 1922 году индийский археолог Р. Банерджи открыл на одном из островов большой и плодородной реки Инд развалины древнего города, разрушенного три с половиной тысячелетия назад. Город получил название Мохенджо-Даро, что на языке синдхи означает «Холм мертвых». Почему погиб город, до сих пор загадка.

Было предложено несколько гипотез, но ни одна из них историков не удовлетворяет. А в последнее время появилось новое объяснение, которое, хотя и хорошо аргументировано, выглядит несколько необычно. Оно связано с характером разрушений в Мохенджо-Даро, весьма напоминающих взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки.

В старинном индийском эпосе «Махабхарата» упоминается о некоем «взрыве», который был связан с «ослепляющим светом, как бы огнем без дыма». При этом «вода начала кипеть, а рыбы выглядели как обгоревшие». Что это — мифологические фантазии, поэтические гиперболы или же информация о таинственном и мощном оружии?

Английский ученый Дэвид Дэвенпорт, много лет изучавший культуру и языки народов, населивших Индию в минувшие эпохи, убежден, что в основе всех этих описаний разрушительного оружия — истина.

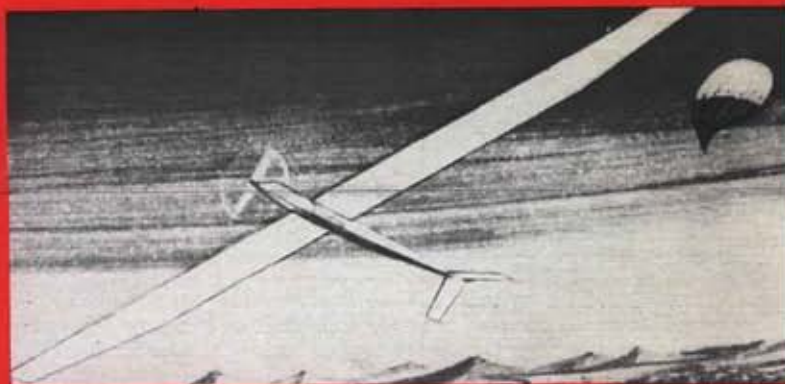
Города редко приходят в упадок внезапно, а все в Мохенджо-Даро

говорит о том, что катастрофа наступала сразу. Наводнения не было — не обнаружено следов внезапно нахлынувшей водной стихии. Чума? Но она поражает не внезапно. Люди спокойно рассказывали по улицам, что видно по нескольким группам скелетов. Нападение с помощью обычного оружия? Но ни один из сохранившихся скелетов не носит на себе следов ударов. Метеорит? Нет опять же характерных следов...

Однако руины города в радиусе 400 метров сохранили следы внезапного и быстрого оплавления при температуре, намного превышающей 1000 градусов. Обнаружены также следы мощного взрыва. Внимательное изучение этих следов приводит к мысли о наличии типичного для ядерного взрыва эпицентра, причем сила разрушений убывает от центра к периферии. Например, здания на окраинах города сохранились сравнительно хорошо.

Завоеватели долины реки Инд понятия не имели о тайнах атомной структуры вещества, но, быть может, чисто эмпирически они могли вызвать атомный взрыв? Было и средство транспортировки «атомной бомбы» по воздуху. В старинных текстах это средство именуется «вимиана». Что это было такое — остается только гадать, но и теперь, в наши дни, самолет в Индии называют тем же словом...

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

САМОЛЕТ НАД МАРСОМ

После Земли и Луны Марс является наиболее исследованной планетой нашей Солнечной системы. Огромное количество информации получено американскими и советскими автоматическими межпланетными станциями. Однако жаждающая сенсаций широкая публика недовольна: пресловутых «зеленых человечков» на Красной планете не обнаружено. Не обнаружены, впрочем, вообще какие-либо формы жизни. Однако следует отметить, что не удалось доказать и обратного.

Пессимисты утверждают, что ожидали этого, оптимисты же говорят, что место посадки «Викингов» было выбрано неудачно и что с таким же успехом марсиане могли бы безуспешно искать жизнь во льдах земной Антарктиды. Короче говоря, будущий зонд на Марс должен быть мобильным. Но каким именно? Специалисты из НАСА приняли в связи с этим довольно необычное решение: они предложили использовать для детального обследования поверхности Марса... самолет.

Вариант этот имеет определенные преимущества. Самолет может летать значительно ниже орбитального космического корабля и более основательно изучить обширные пространства. В наиболее интересных местах он может сесть,

а потом вновь взлететь. Орбитальная станция таких маневров проделывать не может.

Для успеха операции «Крылья над Марсом» потребуется 12 самолетов, на случай, если часть летательных аппаратов потерпит аварию. Самолеты эти будут доставлены к Марсу с Земли ракетным комплексом, однако в марсианскую атмосферу каждый самолет войдет самостоятельно, спрятанный в защитный кожух. Крылья должны быть очень большими из-за низкой плотности атмосферы Марса. Но как уместить их в кожух диаметром всего лишь 3,7 метра? Выход один — сделать их складными.

Изучение Марса с борта самолета должно принести информацию, получить которую нельзя ни с помощью орбитальных станций, ни с помощью движущихся по поверхности «марсоходов». Так, можно было бы составить точную карту поверхности планеты, установить наличие на Марсе тех или иных химических соединений, измерить магнитное поле, определить температуру, давление, концентрацию пылевых частиц и скорость ветра. И, возможно, будет наконец дан ответ на волнующий вопрос: есть ли все-таки жизнь на Красной планете?

«БИЛЬД ДЕР ВИССЕНШАФТ», ФРГ

Робин Гуд-79

Полицейские считают его обычным преступником. Десятки и десятки тысяч молодых австралийцев чувствуют его как национального героя. 29-летний Джон Честер, бывший сельскохозяйственный рабочий, так оправдывает свою деятельность: «Я знаю, что нарушаю закон, но потому, что защищаю поставленное вне закона».

Вначале он старался легальными способами спасти крупнейшее национальное богатство Австралии — леса. Власти федерального штата Западная Австралия разрешили иностранным фирмам, главным образом японским, умеренную вырубку. Честер пытался сначала организовать общественный протест. Опровергнув заверения властей, он доказал, что уничтожение леса в подобных размерах катастрофическим образом скажется на экологическом равновесии. Честер привел также доказательства того, что в отношениях между крупными иностранными компаниями и раздающими им разрешения на вырубку австралийскими чиновниками не обходится без коррупции. Тем не менее он ничего не добился.

Тогда он перешел к другим методам. Мощным зарядом динамита он подбил на воздух японскую лесопилку в Банбери Харбор. Люди не пострадали, однако материальный ущерб фирмы превысил полмиллиона долларов. Полиция объявила розыск Честера, он же между тем совершил еще несколько подобных акций. Сам Честер живет в лесной местности, которой угрожают иностранные фирмы. Поэтому местные жители делали все, чтобы он не попал в руки полиции. Но все же Честера схватили, и он предстал перед судом.

Часть прессы тогда с большим сочувствием писала о молодом бунтаре. «Не его следовало бы посадить на скамью подсудимых, а управляющих лесозаготовительными предприятиями», — писали газеты. Суд приговорил Честера к 7 годам тюрьмы. Современный Робин Гуд, однако, через несколько месяцев сбежал из камеры и до настоящего времени скрывается. Честера убивают не только друзья, но и его мощный союзник, ради которого он ведет свою борьбу, — лес...

«МАДЬЯРОСАГ», ВЕНГРИЯ

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ ВОЛОС...

Эксперименты, проведенные в ряде лабораторий мира, подтвердили, что точный анализ волоса может дать разнообразнейшую информацию о состоянии здоровья человека, — такой вывод был сделан на симпозиуме, состоявшемся в Атланте (США).

В волосах человека микроэлементы присутствуют в концентрации, в десять раз превышающей их концентрацию в крови. Анализ волоса может использоваться, например, для выявления того, употребляет ли че-

ловек наркотики. Эксперименты, проведенные в Лос-Анджелесе, показали, что в волосах следы барбитуратов и амфетаминов обнаруживаются три месяца спустя, при этом можно даже точно установить время приема. Это позволяет говорить о перспективе анализа волос для диагностики наркомании, а также для антидопингового контроля в спортивной медицине.

«КОНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

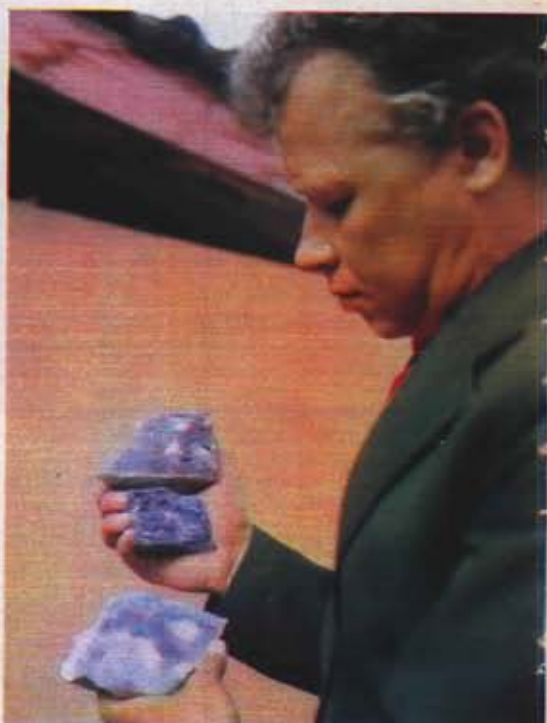

стно машут руками добытчики нефрита. Радость их донятна: гости здесь бывают редко, а вертолет летает только за крупными глыбами, представляющими особую ценность. Обычно же нефрит спускают с гор на лошадях.

Наконец-то под ногами твердая земля. Знакомимся с нефритчиками. Поскольку огромные глыбы повсюду, я спрашиваю: «Где же нефрит?» Мне показывают на кучу невзрачных камней. Однако тут же в канаве, заполненной водой, вижу ярко-зеленый, как бы полированный нефрит. Среди выжженных

ОТРОГИ САЯНСКОГО ХРЕБТА.

КАМНИ ЛЮБВИ И ВЕЧНОСТИ.

власти над природой: уже не королевские короны, а буровые коронки им «инкрустируют», не скипетры, а резцы. Горный хрусталь стал на стражу точного времени. Из рубина хлынул луч ярче солнечного. Самоцветы в электронно-вычислительных машинах помогают вычислять и прогнозировать будущее. Драгоценные и поделочные камни нашли свое место в самых различных отраслях промышленности. Мир красоты таит в себе мир могущества. И чем прекраснее архитектура кристалла, тем оцутимее

КАМЕНЬ ЛЮБВИ И КАМЕНЬ ВЕЧНОСТИ

Николай ИВАНОВ, геолог.
Фото автора

Рваные тучи отчаянно цепляются за выступы каменных ущелий Восточных Саян. Вертолет, кажется, летит на ощупь, то ныряя под облака, то забираясь выше древних круч. Сугубо земным людям в такие моменты лучше ничего не видеть, поэтому я, чтобы отвлечься, думаю о судьбе сибирских самоцветов нефрита и лазу-

рита, на месторождения которых лечу. Находятся они в самом сердце Восточных Саян—Оспине, куда не рискуют забираться самые отчаянные туристы. Но мне на редкость повезло: из Тункинской долины туда летел вертолет за глыбами нефрита. Этот самоцвет стал настолько популярен и дорог, что любые затраты на его перевозку окупаются сторицей. И слава сибирских самоцветов растет с каждым годом...

Научно-техническая революция «заставляет» сбыться древнее пророчество: красота обретет силу. Благородный алмаз перестал быть только талисманом, а стал реальным инструментом

сила, рожденная гармонией. Самоцветы меняют ювелирную «профессию» и становятся мышцами, сердцем и мозгом машин. Быстроразвивающаяся промышленность требует их все больше и больше. А ведь их надо найти, подсчитать точно запасы и дать промышленности вполне определенное количество, поэтому во всех концах страны можно встретить геологов, ведущих поиски самоцветов. Наиболее успешно это делают иркутские геологи, с которыми я и лечу в Восточные Саяны.

Вертолет круто ложится набок и ныряет между гор, нацеливаясь на небольшую площадку—«столик», откуда радо-

ПЕРВОПРОХОДЦЫ.

ТРУДНО ДОСТАЮТСЯ САМОЦВЕТЫ.

солнцем скал, покрытых серебристо-рыжими лишайниками, это место, как полянка из первой весенней зелени.

Обычно нефрит ищут в горных речушках. Ярко-зеленые окатыши трудно заметить: они так и горят на солнце. Но это лишь осколки коренных месторождений, которые могут быть довольно далеко. Вот и найди их, если сам нефрит почти не отличается от древнейших

горных пород. Найдут геологи такие окатыши—и буквально все скалы в округе «ощупывают», порой забираясь на сумасшедшую высоту. Даже профессиональные скалолазы часто удивляются, наблюдая, как работают геологи. А в Саянах не каждый альпинист может лазить где угодно: горы очень древние, выветренные, поэтому нужен «местный опыт»—знание особенностей горных пород. Геологов в этих местах считают профессионалами, поэтому звание мастеров спорта по альпинизму им не присваивают. А это действительно мастера, потому что не только лазят по таким горам, но и выполняют сложную поисковую задачу.

И нескольких метров не прошел я по канаве, где бурят нефрит, как онемели ноги от холодной воды, стекающей сюда по своеобразному водопроводу, лесенкой сбегавшему с гор.

— Привыкли,— улыбается буровой мастер.—Сверху макушку греет, как в Каракумах, а снизу—родниковая вода. Нефрит бурим алмазами. Всем телом навалишься на перфоратор—тогда только и просверлишь дырку под взрывчатку. Иначе не взять—больно крепко. Пробовали клиньями откалывать—умалялись кувалдами махать. Только взрывом и отдираем его от массива.

Вспоминаю старинную историю с одним предприимчивым купцом, который на спор предлагал всем желающим расколоть глыбу нефрита кувалдой. Многие соглашались: «Подумаешь, камень не расколоти! Да еще кувалдой!» Однако успех мало кому сопутствовал, а купец, говорят, на этом целое состояние нажил. Очень тверд нефрит в Саянах: только алмазу и взрыву подчиняется...

Нефрит—древнейший камень. Образовался он в период геологических катастроф на «древнем темени Азии». Огромные давления и температуры синтезировали этот прочный минерал. Кстати, алмазы рождались в таких же условиях.

Сибирский нефрит исключительно вязкий и твердый. По прочности он конкурирует даже с легированной сталью, а уникальные кислотоустойчи-

вые свойства позволяют делать из него буквально вечные вещи. Недавно на Байкале была обнаружена стоянка первобытного человека. Там нашли и нефритовый нож. Возраст его исчисляется тысячелетиями, а кажется, что сделан он только вчера. Недаром нефрит еще называют камнем вечности. Если, например, выточить вкладыши к подшипникам из нефрита, их истереть практически невозможно. Характерная особенность тонких пластинок из нефрита—изумительная чистота звука. Сохранились даже музыкальные инструменты, отделанные нефритом.

Но особенно своеобразна и неповторима красота этого камня в художественных изделиях: вазы—из зелено-зеленого, браслеты и ножи—из молочно-серого, пряжки и перстни—из пятнистого, статуэтки—из черного нефрита долговечны и удивительно красивы.

В вертолет загрузили огромную глыбу нефрита, и мы долго пытаемся поднять с «пятячка». В разреженном воздухе надрываются моторы, несколько рывков—и мы, наконец, в воздухе. А на земле, вернее, среди серых, изглоданных временем скал, осталась небольшая группа разведчиков камня вечности...

Едва мы приземлились на базе геологов, расположенной в Тункинской долине, как мне передали, что появилась возможность попасть на единственное в стране месторождение небесного камня—лазурита. Правда, меня предупредили, что лазурит добывают в таких местах, куда добраться еще сложнее, чем в Оспино.

Недавно над Саянами прошли ливни, поэтому горные речушки вздулись и, смывая кедры и многотонные глыбы, умчались к Байкалу. Пробираемся по ущелью, где нам приходится путаться в корнях кедров и преодолевать каменные завалы. Местами ущелье так «зажимает» горную речушку, что стремнину преодолеть невозможно—сбивает с ног. Тогда приходится лезть по скалам, которые здесь настолько непрочны, что по ним не ходят даже заядлые альпинисты. Но геологи народ вездесущий...

«И куда меня понесло?»—думал я, спотыкаясь о камни. Друзья-геологи не советовали пускаться в такое тяжелое путешествие, но разве можно удержаться и не посмотреть, где рождается камень неба, который и добывают—то лишь в трех точках планеты: здесь, в Афганистане и в Чили. Спрос на него настолько велик, что ценится он дороже золота. Очень редкий и капризный минерал. Найти его трудно даже в известных местах. Гору пустой породы надо иной раз перерывать, чтобы обнаружить гнездо лазурита. В отдельные годы мировая добыча его не превышает нескольких сот килограммов.

О «камне, посланном богом», упоминается в самых древних памятниках. На мумии фараона, жившего в X веке до новой эры, ученым удалось прочесть: «Царь сделал большое ожерелье из настоящего лазурита. Ни один царь не делал ничего подобного». И скрижали Соломона были тоже отделаны небесным камнем. Древнегреческий ученый Плиний, которого считают первым минералогом, писал: «Он (лазурит) подобен небесному своду, усыпанному звездами». Роль звезд часто выполняют золотистые кристаллики пирита, которые на синем фоне горят ярким огнем. Долгое время не могли разгадать тайну стойкости красок на полотнах художников эпохи Возрождения. Краски эти не только не тускнеют со временем, но становятся все ярче. Замечено, что и синий цвет куполов и минаретов Древнего Востока не стареет веками. «Виновиком» этого оказалась краска, изготовленная с примесью лазурита.

Но популярность его велика еще и потому, что настоящий синий цвет встречается в природе очень редко. Среди самоцветов его имеют только сапфир и лазурит. Интересно, что лазурит на солнце смотрится еще лучше. Не случайно лазурит пользовался наибольшей популярностью именно в южных странах. Основным поставщиком его был Афганистан. В нашей стране его впервые обнаружили в 1773 году. Узнав об этой находке, Екатерина II направила на Байкал специального гонца с гра-

фильной фабрики, который скупал у охотников лазурит по стоимости серебра. Кстати, цена этого камня и сейчас зависит от цвета. Самый дорогой камень «нили»—цвета индиго, затем «асмани»—светло-голубой и «сабуи»—зеленовато-голубой. Изделия из лазурита всегда считались большой роскошью и сохранились в единичных экземплярах. В России лазурит использовался на мозаичные панно, шкатулки, украшения, им облицованы покои Большого Царскосельского и Зимнего дворцов, Исаакиевский собор, столы и вазы в Эрмитаже.

Много легенд связано с лазуритом. Оказывается, он «улучшает» кровь, «оберегает» от дурных мыслей и «способствует» преданной любви. Очевидно, поэтому его часто называют «камнем любви».

Лазурит образовался при контакте древнейших мраморов и расклеванных магматических пород. Произошло это в самый бурный период движения земной коры, когда по разрушенным породам поднимались вверх различные газы и растворы, насыщенные натрием и серой. Впрочем, все это пока только предположения, так как до сих пор не установлена даже химическая формула «камня любви». К загадкам принадлежит и еще одно свойство лазурита: при нагревании до 1000 градусов его окраска не меняется.

Саяны пережили самую сложную геологическую историю. Только здесь—на границе магматических и древних пород—ищут лазурит советские геологи. Впрочем, его ищут во многих местах планеты, но пока безуспешно. Мировая добыча небесного камня меньше, чем золота.

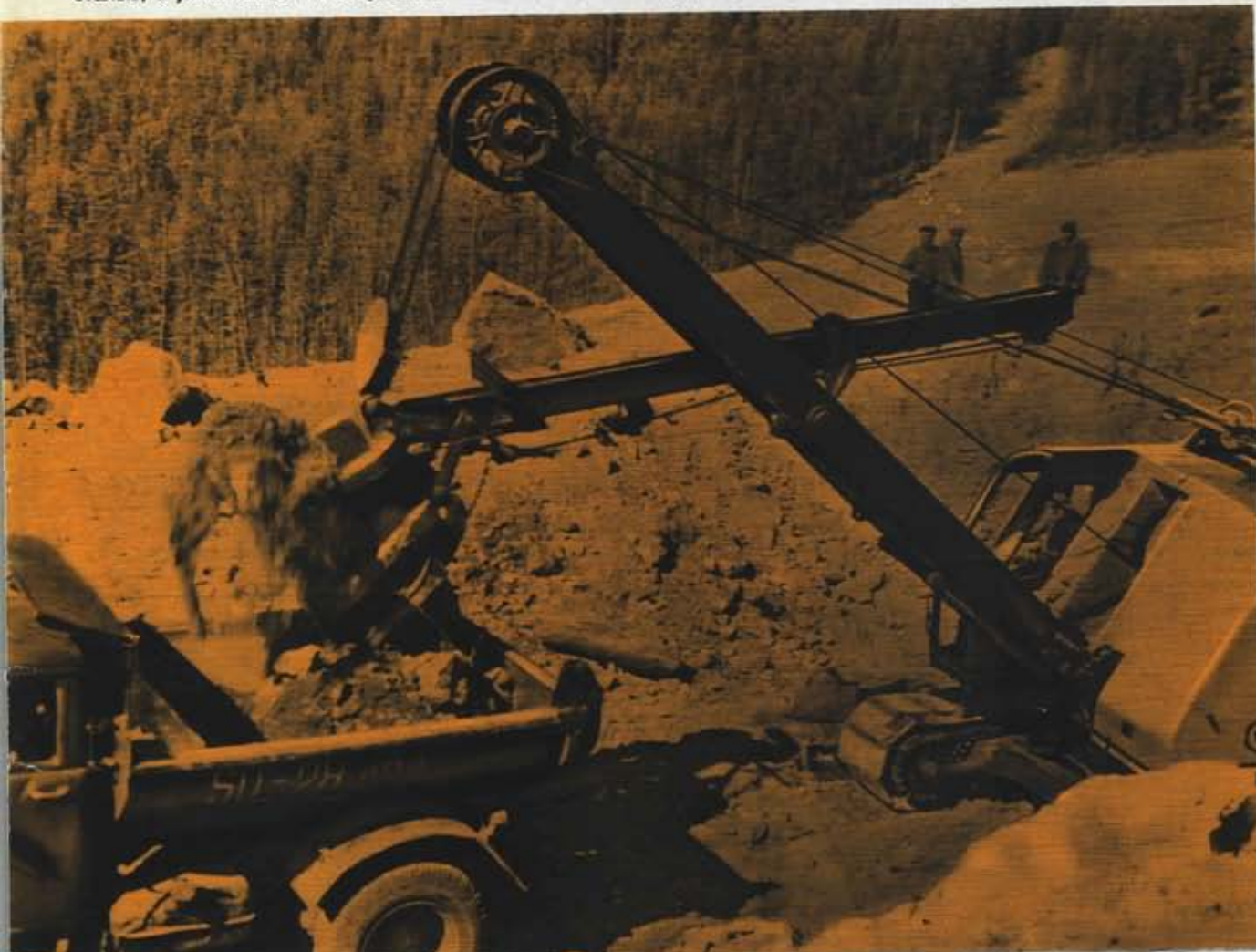
...Наконец мы добираемся к месторождению лазурита. Я ожидал увидеть нечто волшебное, голубое. А здесь обычный карьер. Правда, пепельно-серый грунт очень напоминает лунный. Воронки от взрывов дополняют впечатление. Надо сказать, что горные породы Саян действительно очень похожи на лунные. Это признали даже американские астронавты, побывавшие на Селене. Подобные породы в Саянах еще раз подтверждают общность «биографии» Земли и Луны.

Я хожу по карьере, поднимаю кусочки камня василькового цвета, прошитые снежными нитями мрамора. Потом спешу к штольне, которая пробита в глубь горы. Там только что произвели взрыв. Что же на сей раз принесли недра?

В штольне пахнет взрывчаткой, сыростью и вечномерзлой землей. Под ногами хлопает вода, в ушах звенит капель. Но радостные лица проходчиков различимы даже при слабом освещении. Среди взорванной горной породы замечаю огромную глыбу лазурита. Даже пневматическая погрузочная машина с трудом взвалила ее на вагонетку. Роль электроваз по такому радостному случаю выполняем мы сами. Выкатываем вагонетку на дневной свет. Над Саянами висит яркое солнце, под его лучами глыба лазурита производит совсем уж неотразимое впечатление. Редкая удача! Такой находки еще не было за всю историю этого месторождения...

За разработку и промышленное освоение методов синтеза и обогащения камнесамоцветного сырья группе ученых и геологов присуждена Государственная премия СССР за 1979 год.

— Спрос на сибирские самоцветы огромен,—не без гордости рассказывает мне известный геолог, начальник производственного объединения «Кварцсамоцветы» Министерства геологии СССР, лауреат Государственной премии СССР Арис Петрович Туринге.—Уже сейчас мы можем выпускать изделия и сувениры из десяти сибирских самоцветов. Особенно популярны, конечно, нефрит и лазурит. Но думаю, что слава сибирских самоцветов вся еще в будущем. Наши геологи значительно усилили поиски новых месторождений этих удивительных камней любви и вечности.

ПЕРВОТРОП

— Я так и знала, что ты к серьезному относишься не всерьез,— сокрушенно заметила Лидия Степановна.

— Как же «не всерьез»,— сказал я,— если в горном стипендия в два раза больше!

— Стипендия?— опешила Лидия Степановна, старательно отделявшая быт от идей, как требовала школьная этика.— Это совсем никуда не годится!

Она хотела, видно, проработать меня как следует, но тут грянул духовой оркестр, и наш разговор окончился. Вплоть до того момента, когда Лидия Степановна прочитала в «Сибирских огнях» повесть «Под парусом» и прослезилась от радости за своего каверзного ученика.

А мне после десятого класса пришлось всерьез задуматься над будущим. Я понял, что из Иркутска мы никуда не уедем. В институт поступать надо здесь, да так, чтобы стипендию побольше приносить в семейную кассу, и науки постигнуть, и не утратить дружбы с литературой. «На филологическом факультете,— рассудил я,— есть риск отравиться от всевозможных учебников по литературе, а в геологии можно и самому писать: времени зимой много... Сочинил же геолог Обручев «Плутозию» и «Землю Санникова», а Ефремов— «На краю Ойкумены» и научно-фантастические рассказы!..»

Опять же соображал я и как редактор «Каверзы». «Отец искал всю жизнь счастья и благодати для одной своей семьи,— думал я,— и не очень-то ему в этом повезло... А если искать счастья сразу для всех? Искать философский камень для общего счастья! В том числе и для нашей семьи».

Как раз о камнях и была наша первая лекция в институте.

Пришел в актовыв зал горно-металлургического института лектор, похожий на медвежатника, человек с трубкой в желтых зубах. «Доцент Сидоров А. В.»— было объявлено в расписании.

Мы думали, Сидоров несет под мышкой учебник по минералогии. А он раскрыл томик, где на корочке блеснуло золотом: «А. Куприн».

— Вместо вводной части я прочитаю вам одно место из повести «Суламифь»,— начал Сидоров свою лекцию. Он раскрыл томик и стал читать своим неторопливым, приглушенным голосом:— «Дарил также царь своей возлюбленной ливийские аметисты, похожие цветом на ранние фиалки, распускающиеся в лесах у подножия Ливийских гор,— аметисты, обладающие чудесной способностью обуздывать ветер, смягчать злобу, предохранять от опьянения и помогать при ловле диких зверей; персепольскую бирюзу, которая приносит счастье в любви, прекращает ссоры супругов, отводит царский гнев и благоприятствует при укрощении и продаже лошадей; и кошачий глаз— оберегающий имущество, разум и здоровье своего владельца; и бледный, синевато-зеленый, как морская вода у берега, бериллий— средство от бельма и проказы, добрый спутник странников; и разноцветный агат— носящий его не боится козней врагов и избегает опасности быть раздавленным во время землетрясения...»

Передо мной в полусумраке актового зала снова вспыхнули волшебные маяки литературы, и я понял, что от геологии до писательства— один шаг.

И этот шаг стал выходить у меня сам собой. Ибо не все лекции были, как у Сидорова.

«Раздается храп и свист— это дремлет игрист...»

Увы, на некоторых лекциях раздавался неподдельный храп моих однокашников. А я придумал писать рассказы на скучных лекциях.

Эти сочинения я стал посылать в газету «Советская молодежь». И регулярно получал ответы литконсультанта: «Ваш рассказ из жизни американских бизнесменов, увы, не подходит нам. Напишите что-нибудь прочувствованное самим. Вспомните Пушкина, Льва Толстого и Горького. С приветом литконсультант Елена Жилкина».

В конце концов я обзавелся от неудач и стал писать о себе. Думал, это слишком просто. А получилось— о пережитом писать труднее всего. И самого главного из своей жизни, наверно, не рассказали и классики.

Но однажды вспомнился случай, как мы ездили бригадой школьной художественной самодеятельности в леспромхоз и выступали перед лесорубами. Мы ездили весной, но лекция по теплотехнике была такая занудная, что действие рассказа я перенес в зимние условия, а отрицательной героине— самодеятельной певичке, которая отказывалась петь перед рабочей аудиторией из-за каприза, придал черты лекторши.

Был март 1957 года. Таял черный иркутский снег. Перед стендом, на котором вывешивали газеты, сияла огромная лужа. Я привычно завернул к «молодежке», пробежал жадным взглядом полосы и чуть не свалился в лужу. Моя фамилия была набрана крупным шрифтом над заголовком моего рассказа «Мелодии над Ангарой». У меня закружились строчки, рисунок, стенд, тополя, дома, прохожие... Как в детстве, только не от голода, а от счастья. Меня подхватили под руки читатели.

— Перебрал, парень?— посочувствовал один.

Я промгнул что-то невразумительное.

— Авитаминоз,— высказался другой.

— А может, от писанины этой шибануло?!— кивнул на мой рассказ третий.

— Много вы понимаете!— осек я читателя и побежал к киоску с газетами.

Купил десять экземпляров и понес в институт. Раздал своим друзьям и стал дожидаться ответа. Парни небрежно шуршали газетой во всех углах аудитории. Перемигивались, зевали, пускали дым в мою сторону. А у меня сердце лопалось от нетерпения.

— Ну что ж, старик,— произнес наконец самый близкий мой друг, Юра Усиков,— плохи твои дела...

— Это почему же?!— обомлел я.

— За двумя зайцами гонишься!— мудро блеснул он стеклами очков.— Ни геолога не выйдешь, ни писателя!

— А Лермонтов?— заартачился я.— А Грибоедов, Бородин, Шишков, Чехов?

— Так то другое время было,— протянул Юра.

Однако я начал горячо доказывать, что все впереди, одно другому не мешает, а, наоборот, расширяет кругозор.

Но друзья мои однокашники были неумолимы: «Лучше не пиши, и точка!»

А я не желал сдаваться. И с тех пор старался не отставать от однокашников в учебе, а потом— от коллег в работе. И теперь могу не без гордости сказать: «У меня есть свое геологическое открытие. В Бодайбинском районе, на гольце Товарищ, мы раскопали с погибшим позднее Михаилом Жданковичем рудопроявление золота».

А пользуясь перерывами в маршрутах, я написал повести «Арка», «Синее море, белый пароход», рассказы «Вечная мерзлота», «Кеха-браконьер», «Распадок» и кое-что другое.

Сюжеты большинства этих сочинений выхватывались из быстротекущей жизни. Я никогда не мог пожаловаться на то, что жизнь обходит меня своим интересом. Приходилось бывать в разных переделках с детства. А Крайний Север, куда я попал по распределению, оглушил меня каждодневными историями. И часто свидетелем или одним из героев этих историй был я сам.

Да еще одно дело— сопротивление материала, отсутствие опыта и когда все норовят разговаривать абзацами из газетных передовиц; другое просто— как урвать время для писания? Приходится писать на привалах, у костров, где придется. Выработать привычку к комарам, насмешкам товарищей и видеть во тьме, как рысь. Рукопись бережешь, как взрывчатку, по всем правилам техники безопасности.

«Конец» порой подбирался к нам с центростремительной неотвратимостью. Могло ли быть иначе у людей, которые ехали в самые горячие точки области за газетной информацией, трудились в котлованах будущих гидроэлектростанций, шли изыскательским бестропьем?! Стоит только вспомнить о моем святочном происшествии на льду таежной золотоносной Жуи.

До сих пор в ушах снежный скрип под полозьями.

Он сменяется гулким цокотом копыт— выехали на ледяную прогалину. Лед чистый и темный. В нем тысячи звезд.

Я еду по звездам. Они искристо дрожат под ногами лошади: голубые, малиновые, зеленые.

Скоро двенадцать. Скоро Новый год. Я думаю о моих ребятах... И о том, что вокруг необычная обстановка. Покрытые синими снегами лунные берега северной речки Жуи. Елок на берегу— сколько хочешь. Они неистово трещат под горячим морозом. Лошадь пугается этих хлопков и мчится быстрее. Кошечку заносит вбок.

— Тише, Звездочка... Что толку, если мы доедем с разбитыми подарками. Надо успеть к двенадцати... Что фыркаешь? Устала? Шестьдесят километров за один день, конечно, не шутка. Но надо, Звездочка, надо идти...

Я кутаюсь в тулуп, оставляю лишь маленькую щель для глаз. Сейчас я Дед Мороз. От этого мне не легче. Настоящий мороз пробивает меховые унты, ватные брюки, тулуп и полушубок... Я снова думаю о моих ребятах— о своей «интернациональной бригаде». Их четверо в зимовье: финн Хиндикайен, якут Степанов Егор, эвенк Петя и Иван Иванович Щукин. Они не выехали на прииск встречать праздник. Три дня назад к моему разведочному участку, что на ручье Балаганах, подползла наледь. Красивая голубая наледь, точно подарок к Новому году. От нее шел талый парок. Еще немного, и теплая вода захлестнет вымороженные в русле шурфы. И мы опять ничего не будем знать о золотоносности Балаганаха. Ребята уже собрались на прииск встречать праздник. Пришлось остаться. Каждое утро нужно наращивать по венцу сруба на русловых шурфах, пока не замерзнет наледь. И они наращивают. Они стерегут свои шурфы. А я поехал с отчетом, как всегда, в конце месяца. И мог бы остаться на праздник на приiske...

— Но-о-о, Звездочка!— снова пронзительный скрип сухого снега, по нему бежать лошади труднее, чем по открытому льду.— Давай, давай. Осталось полтора часа и всего три километра, чуешь запах зимовья?

Я представляю: ребята сейчас вернулись с шурфов. Они принесли маленькую синюю елочку и поставили ее на стол. На колких веточках дрожат капли растаявшего снега. Ребята глядят на эти бриллианты и гадают— приеду или нет... А Звездочка бежит все быстрее. Я тревожно оглядываюсь— не волки ли? Нет, никого не видно. Наверное, почувала дым зимовья. Пытаюсь придержать ее, натянув вожжи. Куда там... Она мчится в сторону зимовья напрямик, только серебряный снег летит из-под задних ног. Я не понимаю, куда она вынесла меня. И вдруг Звездочка исчезает! Вместо нее вижу под шапкой снега черный берег с кривыми корнями лиственниц. А Звездочкина морда торчит из черной воды и дышит тяжело. Я думаю, что мне повезло, что было бы, если бы мне не повезло и подарки бы утонули? Наверное, ребята съели бы меня... Интересно, что для них дорожке и важнее: спирт с приемником или я? Ну и дурные же мысли лезут. Надо спасать лошадь. Если я вырву ее из воды, то еще успею к двенадцати...

Самое большое, на что я был способен,— это схватить узду и тянуть изо всех сил к себе.

— Давай, Звездочка, родная,— шепчу я ей, как человеку.

И она понимает меня. Она делает дикий прыжок, опираясь передними ногами на лед, а задними, очевидно, оттолкнувшись от дна. Летят в разные стороны

вожжи, седелка, дуга. Звездочка, дымящаяся, как склоны вулкана, стоит на льду. Я беру ее за узду и бегу к зимовью. Еще полтора километра до зимовья и один час до двенадцати! Теперь я похожу на космонавта из фантастического романа: я точно на скафандре, все на мне застыло и издаст при ходьбе эдакие коробочные звуки.

— Подарки там, в устье, в кошечке,—сказал я голосом, точно из подземелья.—Приемник «Родина», батареи к нему и три бутылки спирта...

Но они не бросились за подарками. Хиндикайен и Петя довели меня до зимовья, раздели, разложили на нарах и начали натирать снегом. Я орал им, что не отморожил ничего. Но они не успокоились, пока мое тело не запылало огнем. Иван Иванович Шукин с Егором устраивали Звездочку в стойку, обтирали ее сухим сеном. Они управились первыми и побежали за подарками.

До двенадцати часов ребята успели перенести подарки в зимовье и установить приемник.

В нашей иркутской молодой писательской артели принцип занимательности повествования или драматургии произведения соблюдался всегда. Он, этот принцип, был естествен для Распутина, Вампилова, Дмитрия Сергеева, Шугаева, Пакулова. Естественность его происходила от близости первоисточников их повествований, от ненадуманности сюжетов, от выстраданности их. Об этом сказано еще в «Фаусте» Гете:

*Все умозренья,
Друг мой, серы.
Но вечно зелено
Златое древо жизни...*

Умозренья в литературном творчестве часто отдают литературщиной. Добротная литературщина порой легко находит издательское применение. А от свежести зеленого дерева шарахаются зачастую издатели и редакторы.

Но мы по-старательски работали, верили в удачу и повторяли сибирскую присказку: «Нет—будет!» И удача сверкнула нам лучом света из-за туч. Подоспел Читинский семинар молодых писателей, и мы были призваны под его стяги.

Мне как геологу повезло неслыханно. В 1965 году наша геологическая партия получила задание на поиски в пределах Читинской области. И когда настало время открытия семинара, мне надо было уломать лишь непосредственного начальника отряда Полетаева, чтобы отпустили в Читку на неделю.

— В горячее время десять дней у нас, Геннадий, отрываешь,—возмутился на прощанье начальник отряда Полетаев.—Целых десять маршрутов как не бывало!

— Литература тоже требует жертв,—ответил я.

— Да почему эти жертвы от моего отряда?—горестно возразил Полетаев и вытер свое округлое лицо коричневым беретом, чуть темнее кожи, опаленной солнцем и кострами.—Да вернешься ли ты вообще к нам, парень? Мы пурхаемся с рудопроявлениями, каждый человек действительно на вес золота, а он выдумал какой-то семинар!

— Не забудьте прислать «атеэлку» через десять дней к этому месту,—оборвал я его причитания и бросился наперез пассажиру автобуса.

Надо было срочно уезжать: Полетаев мог и убедить молодого геолога не гоняться за двумя зайцами, когда один уже был в руках отряда—интересное рудопроявление в древних вулканических отложениях. Но рукописи тоже властно заявляли о себе, тяжела моя полевую сумку.

С забытым в тайге комфортом доехал я до Читы. Вышел из автобуса, не зная, куда податься в незнакомом городе. И здесь увидел большой транспарант через дорогу: «Привет участникам Читинского семинара!» Тогда я понял, что не пропаду в Чите—устроюсь в гостиницу, если не как геолог, то как начинающий писатель. И я смело зашагал по улицам Читы, отыскивая вывеску «Гостиница».

Скоро я нашел новую гостиницу и обнаружил себя в списках участников семинара. Мне выдали ключ от отдельного номера. Появились другие иркутские посланцы: Саша Вампилов, Дмитрий Сергеев, Вячеслав Шугаев, Валентин Распутин... Когда собрались все вместе, я увидел, что нас хватает на добрый геологический отряд. А после обсуждения рукописей иркутян оказалось, что в Иркутске обнаружено интереснейшее литературное месторождение, его надо разведывать дальше, наращивать и разрабатывать.

— Я совершенно уверен,—сказал под конец про «маршрутчиков» семинара Леонид Соболев,—эти молодые далеко пойдут и что ищут—найдут.

После такого напутствия оставалось засучить рукава и взяться за новые замыслы, иные из которых состоялись. А это главное. Ибо поддержка умного читателя в лице редактора, критика, старшего собрата по перу в конце концов найдется.

Для нас, сибиряков, очень важен момент встреч с товарищами по перу из других областей и окраин огромной нашей земли. И здесь у Правления союза писателей РСФСР есть точное ощущение, когда и где собрать пишущее племя, по какому принципу.

Так, на мой взгляд, удивительно точно сработало Правление во главе с Леонидом Соболевым и ЦК комсомола, собрав семинар молодых писателей в 1965 году.

К нему мы, пишущие, готовились, конечно, задолго, иногда не подозревая о существовании друг друга. Кто-то трудился над первой повестью, выкраивая время между газетными заданиями, а геологам приходилось писать вечерами у костров, под шум дождя и нудный писк комаров. Думаю, что неодолимая потребность к самовыражению объяснялась зовущей силой Сибири, ее потрясающими богатствами и удивительными людскими судьбами. Геологам это известно не хуже, чем журналистам. И сталкиваться приходится им частенько на сибирских просторах, и размышлять о будущем своего края, и попадать в разные переделки, сопутствующие всякому землепроходцу.

Мне пришлось за год до читинского семинара основательно искупаться в разбушевавшемся Мамакане. Рукопись первой моей повести «Синее море, белый пароход» чуть не утонула вместе с автором. Я выбрался все-таки на берег, мои друзья-геологи обсушили меня за час, а рукопись я потом переписывал целый год. Но, как оказалось, овчинка стоила выделки.

Так для многих из нас читинский семинар стал стартовой полосой в большую литературную работу. А правление время от времени устраивало сборы в других вариантах.

Не забыть, к примеру, двухмесячных курсов авторов молодежной тематики в 1967 году при литературном институте имени А. М. Горького. Мне давно хотелось

познакомиться с Виктором Лихоносовым и Виктором Потаниным, которых я открыл себя по их превосходным рассказам и повестям. На курсах мы повстречались, после лекций и музеев до глубокой ночи вели споры-разговоры за чашкой чая. Когда уставали от страстных рассуждений о судьбах литературы, раздавался мягкий перебор гитарных струн и разносился романс на слова Дельвига, который исполнял Александр Вампилов с его безукоризненным слухом:

*Когда, душа, просилась ты
Погибнуть или любить...*

Включался в наш вечер Николай Рубцов—для него общежитие литературного института было родным домом, а комендант Нина Акимовна Елисеева близким человеком. Приходил на огонек шумный Анатолий Передрев, сживали за общежитским крутым столом Евгений Носов, Виктор Астафьев, Василий Белов, Георгий Коновалов. С тех пор мы крепче ощущаем творческую связь между Иркутском, Вологодой, Курском, Краснодаром—у кого где родной угол. Не забывается слово «Родина», прозвучавшее однажды на нашем товарищеском сходе. Какой-то случайный поэт с апломбом пытался поучать наш круг на тот предмет, что настоящая литература делается только в Москве.

— Я сменил пять городов, пока понял, что надо жить и творить в белокаменной!—доказывал он, пристукивая себя кулаком в объемистую грудь.—Здесь атмосфера помогает вызреванию шедевра!

— Атмосфера неплохая,—заметил Николай Рубцов, поддерживая свое слово сокровенной улыбкой на костистом лице.—Только самая лучшая на родине. А у тебя, друг, и Москва—не родина.

Поэт пытался перейти на самые высокие интонации, но Рубцова поддержал Вампилов.

— Похоже, что у него совсем нет родины.

— А у вас есть?—взвился поэт.

— У меня есть,—был общий ответ.

Мы и сейчас по первому сигналу с нашего ресефесезровского Правления собираемся в дорогу. И знаем, что ждут нас важные разговоры о «творчестве и чудотворчестве», встречи с далекими товарищами по тяжкому нашему ремеслу и деловые обсуждения разнокалиберной писательской продукции.

Да, наша продукция не всегда отвечает самым высоким требованиям. Но творческие усилия сибиряков ощущаются сказываются на фоне общелитературной жизни страны. Недавно вышел последний том пятидесятилетней библиотеки «Молодая проза Сибири», где иркутяне заняли по удельному весу и количеству книг ведущее место.

«Молодая проза Сибири» выпускалась Западно-Сибирским книжным издательством по совместному постановлению ЦК ВЛКСМ и Госкомиздата РСФСР.

Авторы серии—молодые литераторы. Это преимущественно выдвиженцы всесоюзных, зональных и областных творческих семинаров, посвятившие свои произведения Сибири, ее людям, ее проблемам, ее истории, ее будущему.

Таким образом, сама библиотека является своеобразной повивальной бабкой для многих талантливых авторов. Видное место в ней получили произведения Виктора Лихоносова, Анатолия Приставкина, Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Сергея Заплавного, Геннадия Михасенко, Владимира Чивилихина.

Соединяясь корнями с литературой прошлых столетий, молодая проза в нашей стране имеет и свои специфические черты. Как правило, это короткая повесть, которая несет в себе экспрессивный заряд кино, драматургическую силу театральной постановки, наглядность живописи, образность поэзии. И в то же время в ней на первом плане—гражданские идеалы, которые всегда исповедовала русская классическая литература, привязанность к философскому толкованию жизни, ясность стиля и благозвучие. Эти примеры и принесли нашей «Молодой прозе Сибири» заслуженное и широкое признание.

Очень немаловажная сторона нового круга чтения в том, что «Молодая проза Сибири» знакомит читателей с творчеством национальных писателей-сибиряков. Романы и повести нивха Владимира Санги, манси Ювана Шесталова, алтайца Лазаря Кокышева, юкагира Семена Курилова, тувинца Алдын-оола Даржаа раскрывают яркие страницы жизни сибирских разноязычных народов.

Серия «Молодая проза Сибири»—важная страница в художественной летописи обширного континента, простирающегося от Урала до Тихого океана.

Иркутск на этом континенте занимает среднее положение. И в библиотеке он на стрелке творческого молодого потока. Ныне Восточно-Сибирское книжное издательство подхватило эстафету «Молодой прозы Сибири»—Иркутск начал новую серию «Современная сибирская повесть». Уже вышел полновесный сборник Валентина Распутина «Живи и помни», избранное Дмитрия Сергеева «Семейский сруб». На выходе однотомники Вячеслава Шугаева, Евгения Куренного... Готовятся в производство добротные сборники многих других представителей «молодой волны» сибирской литературы. Первые книги новой серии сразу же привлекли внимание. И не только читателей. В Госкомиздате РСФСР выработано решение сделать серию всесибирской. Сама жизнь подсказывает книгоиздателям Сибири и Дальнего Востока подхватить вслед за Иркутском идею «Молодой прозы Сибири». Повести и рассказы писателей сегодняшней Сибири должны выходить в Новосибирске, Кемерове, Красноярске, Хабаровске, Магадане в однотипном оформлении, чем-то напоминающем спецкнижку первопродукта.

Это похоже на цепную реакцию. Что ж, закономерность естественная. Не только сибирская индустрия должна идти по принципу наращивания.

Наша Иркутская артель собирается теперь реже: творческие командировки, редактуры, декады, редколлегия, срочные отписки, телевидение, радио... Но все чаще мы задаем друг другу вопрос: «А кто за нами?» И признаем, что нашего полку прибывает не так густо, как хотелось бы. Но раздаются и спокойные голоса: «Что за спешка? Не лучше ли меньше, да лучше! Уровень-то взвинтили! Встань-ка на место сегодняшнего начинающего...»

Ничего не поделаешь—приходится становиться. Не на его место, так рядом. Это вечный закон первопродукции: выбился сам к просвету—зови других! И вот в шефской работе с рукописями ведомых убеждаешься: новые имена обретают себя в трудных поисках, исповедуя артельные принципы старших товарищей по перу, идут к сегодняшнему уровню. Один Иркутск может назвать Валентину Сидоренко, Валерию Хайрозова, Веру Захарову, Ксенофонта Спиридонова, Эдуарда Дроздова, Владимира Шевченко...

А главное, артель раздается вширь. И всесибирская прозаическая серия вырастает с учетом этого преемственного прирастания.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

— Вас ждет самолет,—спокойно сказал Калишер,—премьер лично выделил его вам, когда я рассказал ему обо всем.

— Где самолет?—Кларк огляделся, будто ожидал увидеть самолет здесь же, в комнате.

— Вы улетите в девять тридцать. Но ровно в девять вы выступите по радиостанции Баланг с заявлением о том, что на острове нет американских солдат и что это восстание народа. Такова просьба премьера.

Кларк стоял, не отвечая, может быть, даже не понимая, чего от него требуют.

— В своем выступлении вы можете рассказать и о полковнике Астахове, о том, как русские готовили переворот здесь. Вы получаете исключительное право на сенсацию...

— Но операция должна была быть только через четыре дня,—вдруг очень тихо сказал Кларк и без сил опустился на стул.

— Она без сознания. Когда приходит ненадолго в себя—зовет вас...—в одно мгновение подстроился Калишер.

— Я думал, успею...

— Вы успеете! Ровно без четверти девять мы пойдем с вами на радиостанцию—она через улицу, напротив. Я знаю, как вам это трудно, но постарайтесь, чтобы голос звучал бодро и решительно, как обычно. Выступление на две-три минуты, не больше. Оттуда сразу же я везу вас на аэродром. Через два часа вы на нашей ближайшей военной базе. Еще через несколько часов—Нью-Йорк... С вами полетят все журналисты...

— А у меня есть еще одна сенсация,—сказал Максвелл, обращаясь к журналистам в холле.—Может быть, для вас озорчатая...

— Какая?—спросил Морр.

— Астахов оклеветал себя по приказу Калишера. Вот смотрите—инструкция, буква «К» западает.

— Господи, я так и знала,—прошептала Мэри (она несла из кухни тазик с водой).

Морр недоверчиво взял листок. Над ним склонились головы Хольца, Стэннарда, Катлен.

— Ну? Что скажете?—спросил Максвелл.

— Это не имеет значения.—Морр вернул листок Максвеллу.—Мы журналисты, а не следователи.

— Русский сделал заявление, это главное,—поддержал его Хольц.

— Да, банановые лепешки подали. А настоящие они или поддельные—это уже дело не наше,—сказал Стэннард.

— Да что вы с ними разговариваете!—воскликнула Мэри.—Они же отца родного убьют, если им разрешат первыми дать телеграмму об этом в свои поганые газеты!..

По лестнице тяжело спускался Кларк.

К нему бросилась Мэри:

— Помогите ему, ведь вы человек, я вижу, что вы человек! Помогите!

— Кому?—Кларк с усилием оторвался от своих мыслей.

— Отец оклеветал себя,—вмешался Игорь,—его заставил Калишер. Вот инструкция—буква «К» западает.

— Это так, Гарри?—спросил Кларк Максвелла.

— Да, Фрэдди.

Кларк остановился, секунду помедлил, сделал несколько шагов вверх по ступеням обратно к Калишеру... Но снова остановился:

— Поздно. Сейчас я ничего не смогу сделать... Главное—улететь с этого проклятого острова! А там посмотрим...

И Кларк направился к себе в номер.

— Кто следующий?—окликнул его Хольц.

— Стэннард,—ответил Кларк и ушел.

— Вот так,—ухмыльнулся Морр.—Эталон пошел

упаковывать свою честность...

Стэннард подошел к Максвеллу.

— Я подпишу, Гарри,—сказал он.

Максвелл пожал плечами:

— Ваше дело.

— Я думаю, все подпишут.

— Может быть.

— И знаете, что я вам скажу?

— Ну?

— Подпишите, Гарри, хотя бы во имя Кларка.

Ему же действительно нужно домой. Подпишите.

Послышался крик ящерицы. Стэннард принялся было считать, но махнул рукой и пошел наверх к Калишеру.

В Вашингтоне. Неподалеку от здания, у входа в которое было написано «Посольство Республики Гранатовых островов», шла демонстрация. Точнее, не шла, а стояла, поскольку все ее участники—их было человек 50—70,—толпились за деревянными серыми полицейскими перилами, на которых было написано: «Police line do not cross»—«Полицейская линия, не пересекать!»—и тянули вверх плакаты.

Небольшого роста энергичный и жилистый молодой человек с длинными волосами, в черных очках кричал, поднимая вверх голову, как птица:

— Кто арестовал Фрэдди Кларка?

— Комми!—отвечала толпа.

— Кто хочет заткнуть рот «совести мира»?!

— Комми!—орали демонстранты.

— Чего мы требуем?

— Долой коммунистическое правительство Гранатовых островов! Свободу американским журналистам! Свободу народу Гранатовых островов!..

Толпа кричала слаженно и четко, как солдаты на параде, здороваясь с командующим.

Небольшую, но громкую эту демонстрацию с крыш трех автобусов снимали операторы трех крупнейших телевизионных компаний.

С лестницы в холл спускался Стэннард.

— Заждались? Ровно пять минут, ни секундой больше.—Он подошел к стойке, плеснул немного вина в стакан, выпил.—Это похоже на приемные экзамены в публичном доме. Калишер просил, чтобы следующим были вы, Хольц.

К Максвеллу подошел Игорь.

— Что же теперь делать? Неужели—все?..

— Похоже,—сказал Максвелл.—Мы проиграли...

— Напишите письмо, господин Максвелл.

— Какое?

— Обо всем этом. Я прорвусь... передам нашим в джунгли...

— Письмо с одной моей подписью против всех ничего не значит. Да и не пробиться тебе...

Они так привыкли к часовым, стоявшим у двери холла—бессловесным, похожим скорее на мумии, чем на живых людей,—что разговаривали совсем неподалеку от одного из них, не опасаясь, не забываясь, слышит он их или нет.

И вдруг часовой приблизился к ним, это был тот самый человек, который беседовал с раненым пилотом в бамбуковой хижине в джунглях. Не глядя на Игоря и Максвелла, сохраняя прежнее невозмутимое выражение лица, он сказал что-то на своем языке.

— Он слышал!—сказал Максвелл.—Теперь все равно...

— Просит не подавать вида,—тихо перевел Игорь слова часового.

С сильным акцентом заговорил сам часовой: — Без пятнадцать девять Фарадж уходит крейсер. Его сменит этот.—Он показал глазами наверх, где в своей комнате продолжал беседы с журналистами Калишер.—Если задержат его здесь несколько минут, я проведу мистер Кларк радиостанция. Ровно девять сеанс. Он скажет правда по радио. Весь мир... Там двор, наш «джип»—фюитъ...

— Боюсь, уже не скажет,—покачал головой Максвелл.

— Сделайте,—настаивал часовой.

— Его жена при смерти,—объяснил Максвелл.—Ничего не поделаешь.

— Его жена умерла.—Часовой достал из кармана обрывок газеты с портретом Инги в траурной рамке, протянул Максвеллу.

— «Жена известного радиокомментатора Фрэдди Кларка—Инга Кларк—умерла вчера в клинике Фуллера»,—прочел Максвелл.—Откуда это у вас? — Калишер,—ответил часовой.—Мусорное ведро...

Максвелл посмотрел на часы без циферблата, вмонтированные в стену. Они показывали 8.30. Секунды выпрыгивали одна за другой.

— Значит, Фарадж уйдет через десять минут...—быстро подсчитывал Максвелл.—Хольц еще у Калишера. Остались я, Катлен и Морр... чуть больше десяти минут... Я поговорю с Кларком. Но как задержать здесь Калишера?

— Пять минут... четыре минут... перейти улица... войти на радио—все...—прошептал часовой.

— Я попробую,—сказал Игорь.—Там только двое часовых. Что-нибудь придумаю... войду, затею скандал... не знаю...

— Убьют,—сказал Максвелл.

— Всех могут убить,—ответил Игорь.—Другого способа нет...

Максвелл невольно взглянул на него... Парень повзрослел за эти 24 часа.

За стенкой бара, уставленного бутылками, стояла Катлен, не замеченная ими. Ей было хорошо видно лицо Игоря и хорошо слышен весь разговор между ним, Максвеллом и часовым. Она тоже подумала: «Маугли» очень изменился за сутки, что они его знают...

— Ваше решение, мистер Максвелл?—спросил Калишер своего очередного собеседника.

— Какого решения вы ждете?—вопросом на вопрос ответил Максвелл.

— Вы стержневой человек,—сказал Калишер.—Честно говоря, вы единственный, кого я не могу раскусить в этой компании. Откуда у вас этот стержень? Вы ненароком не коммунист?

Максвелл расхохотался:

— Бросьте, Калишер! Хоть здесь-то отдохните!—и добавил серьезно:—Нет, я не коммунист. Я просто провозвал всю вторую мировую. Солдатом. Только в конце стал репортером. И вьетнамскую провозвал, правда, корреспондентом. И еще у меня во Вьетнаме погиб сын. Его звали Мэтью. Ему было девятнадцать лет. Вы не считаете, что этого достаточно?..

— Насчет сына я не знал... Прискорбно... Вы сильный, умный человек. Но если вы не подпишете, вы останетесь в одиночестве, а это бессмыслица.

— Вы еще не беседовали с Морром и Габю.

— Почему-то не волнуюсь за них,—улыбнулся Калишер и показал Максвеллу бумагу:—вот подпись Кларка. В девять он выступит по радио. В девять тридцать все улетят... Кроме вас, если вы не подпишете...

— А еще через сутки-двое может начаться война, при которой не будет иметь значения, улетят все в 9.30 или не улетят...

— Авось, не начнется,—сказал Калишер.—Прощу вас.—И он подвинул Максвеллу лист бумаги.

— Положение безвыходное,—сказал Максвелл и размашисто подписал текст.

Окончание. Начало в №№ 20—23.

— Подпись, конечно, не ваша? — сказал Калишер с улыбкой. — Но это не имеет значения. Рука ваша. Графолог докажет.

— Ну хорошо, — сказал Максвелл, — а если, вернувшись в Нью-Йорк, я все расскажу?

— Это будет самоубийство. Разве вас били? Морили голодом? Вас убедили. Убеждения не следует менять так уж быстро. Вы окажетесь белой вороной, Максвелл. Вас заклюют свои же... Будьте мудрым... Позовите, пожалуйста, мадемуазель Габю.

Максвелл спустился в холл, сказал, что Калишер ждет Катлен, и, не останавливаясь, пошел в номер к Кларку.

Катлен посмотрела на часы:

— Я вижу, вам не терпится, Эдвард, валяйте вы.
— Почему? — спросил тот подозрительно.
— Мне еще нужно привести себя в порядок.
— В боевую готовность? — усмехнулся Морр и пошел наверх.

У себя в номере Кларк быстро складывал вещи в чемодан. Вошел Максвелл. Увидев его, Кларк, не ожидая вопроса, сказал сам:

— С Ингой очень плохо, Гарри. Фуллер требует моего присутствия. Калишер обещал самолет в девять тридцать. Всем нам.

— Я знаю, ты согласился выступить по радио в обмен на?..

— На ее жизнь. Другого выхода у меня нет. Но как только вернусь в Нью-Йорк, я расскажу, как все было в действительности. Даю тебе слово. Даже ценой собственной карьеры. Это уже не важно.

— Ты не вернешься в Нью-Йорк, Фрэдди. Никто из нас не вернется. Самолет взорвет, как только мы поднимемся.

Кларк перестал собираться, подумал, покачал головой.

— Нет, не думаю, не верю. Это было бы уж слишком. — И снова стал укладывать вещи.

Максвелл вынул из кармана и протянул Кларку обрывок газетного листа.

— Что?

— Я обязан показать тебе это.

Катлен, тщательно, даже нарядно одетая, ожидала своей очереди к Калишеру. Ей навстречу спустился Морр. На секунду остановился, оглядел ее.

— «Седеду в сметане»... — пропела Катлен насмешливо.

— Я просто хочу сказать тебе, — свысока процедила Морр, — что первую телеграмму об Астахове посылаю я. Это уже обговорено. Не трать силы.

— Ничего, я попробую что-нибудь выпарапать и для себя...

Морр ушел. Катлен подошла к Игорю.

— Не знаю, как дальше все пойдет, но мое предложение вам остается в силе... Маугли. Вот мой адрес... Дайте знать, и я тут же вышлю вам денег на дорогу...

— Спасибо, но я вряд ли... Это мой остров... — ответил Игорь.

— Ну, как знаете, — улыбнулась Катлен. И уже на лестнице добавила небрежно: — Да, и не надо заходить к Калишеру... У меня с ним будет серьезный разговор. Не думайте обо мне плохо.

— Вы очаровательны, — не мог не воскликнуть Калишер, увидев Катлен.

— Ради вас.

— Куда мне тягаться с вашими спутниками!

— Вы единственный мужчина в этом собрании неврастеников. Я говорю искренне, поверьте.

Калишер поклонился шутливо.

— Я рад, что это хлопотливое утро заканчивается беседой именно с вами.

— Показывайте, что вам там надо подписывать.

Калишер протянул текст заявления.

— Максвелл все-таки подписал?

— Возможно, видоизменил подпись, но это уже не имеет значения.

— И о Кларке я была лучшего мнения.

— Он поступил как патриот.

— Возможно.

— Прошу вас. — Калишер протянул вечное перо.

— Спасибо. Но одно небольшое условие.

— Какое?

— Мне хотелось бы сказать вам одному.

— Станьте за дверь, не входите без моего приказа, — командовал Калишер солдатам. — Мадемуазель не опасна. — Он дождался, когда оба часовых вышли, и вопросительно посмотрел на нее.

— Моя телеграмма об Астахове должна быть первой.

— Боже мой, — устало протянул Калишер. — Как вы все одинаковы. Только что этого добились Морр. И вы тоже хотите посорить меня с вашими коллегами?

— И возмещу вам эту потерю.

— Чем?

— Скажем, своим особо хорошим отношением.

Калишер встал со стула, подошел к Катлен, поцеловал ей руку.

— Как же мое условие? — спросила она.

— Хорошо, подписывайте.

— Но вам ничего не стоит дать обещание и не выполнить!

— Так же, как и вам, — улыбнулся Калишер.

Катлен встала и обняла Калишера.

— Я не требую немедленной оплаты, — усмехнулся он, — я люблю, когда у меня есть должники.

— А я обожаю отдавать долги сразу.

— К сожалению, через минуту я должен идти на радиостанцию. Подпишите...

— О, у нас еще целая минута!..

Максвелл и Кларк у окна в холле смотрели на другую сторону улицы, где находилась радиостанция, — ждали выхода Фараджа.

— Что же он не выходит? — прошептал Максвелл. — Неужели задержится?

Стенные часы показали ровно 8.45.

И тут же в подъезде радиостанции показался Фарадж. Несколько секунд постоял в нерешительности, посмотрел на противоположную сторону улицы, сюда — на отель «Лунный свет», покачал головой, видимо, сетуя, что Калишера до сих пор нет. Даже хотел было вернуться на радиостанцию — сделал несколько шагов назад, по направлению к двери. Но, взглянув на часы, махнул рукой и полез в «джип»: не посмел ослушаться приказа. Шофер дал газ, и, оставив за собой облако пыли, «джип» с Фараджем и четырьмя американскими охранниками исчез.

Часовой подал сигнал Игорю. Тот взглянул на дверь, за которой лежал отец, как бы прощаясь с ним, и стал подниматься по лестнице на второй этаж.

— Вы мне понравились сразу! — горячо говорила Катлен Калишеру. — Ум, обаяние, хитрость! О, лисья хитрость! Как ловко вы обвели всех. Астахов! Это же находка гения! — Катлен засмеялась. — Я поверила! Честное слово! Все поверили!

Калишер был польщен. Катлен говорила так искренне, так открыто. Калишер любил открытый разговор, когда можно было себе позволить. Победа была в его руках, и сейчас можно было себе позволить многое. Катлен умница — догадалась об Астахове. Но ведь только в конце партии, когда исход предрешен. Молодчина, она проигрывает спортивно — искренне восхищена ходами противника. И он решил доставить ей приятное.

— Вы знаете, ведь находкой с признанием Астахова я обязан вам, — скромно сказал он.

— Мне?! — Катлен была действительно удивлена.

— Помните, вы сказали: он у нас м у з ы к а н т. Ну, когда он заиграл на кларнете. А музыкант на языке разведки — это радист. А оркестр — шпионская сеть. Так что все очень просто...

— Боже мой, от одного случайного слова!.. Питер.

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

вы... Я никогда еще не встречала такого мужчины... Я чувствую мускулатуру вашего ума... Питер... — Она приблизилась к нему вплотную.

— Катлен... Я разыщу вас в Нью-Йорке...

— В Нью-Йорке... В Нью-Йорке все может быть по-другому, — сказала Катлен с досадой. — Вы же психолог, вы понимаете это.

— Понимаю, понимаю... — бормотал Калишер. — Проклятая работа! Ну почему я не могу принадлежать самому себе...

Он обнял Катлен, но вдруг увидел на своей же руке — часы.

— Нет, — сказал он, — мне надо идти.

Катлен быстро подошла к двери, повернула ключ и вынула его.

— Ну, ну, — ласково сказал Калишер. — Мне ведь действительно нужно идти.

— Тогда кричите, зовите солдат, расстреляйте меня за то, что я женщина, а вы мужчины!

И вдруг в одно мгновение глаза Калишера стали холодными и острыми, как всегда.

Он спросил с интересом:

— Слушайте, лапочка моя, что вы задумали?

Часовой, услышав, как повернулся ключ в двери, принял к ней ухом и, улыбаясь, подмигнул своему товарищу.

Игорь быстро шел по коридору, приближаясь к комнате Калишера. Но неожиданно для себя увидел, что оба солдата, отталкивая друг друга, пытаются через замочную скважину рассмотреть, что делается в номере у Калишера. Поняв все это по-своему, Игорь остановился в нерешительности.

В холле часовой сказал Кларку и Максвеллу:

— Я — вперед. Господин со мной. Вы ждете сигнал.

— Хорошо, — кивнул Кларк.

Часовой пошел к выходу. За ним последовал Максвелл, Кларк остался в холле. Неожиданно появился Хольц.

— Куда это вы? — спросил он подозрительно.

— На радиостанцию, — сказал Кларк. — Я согласился прочесть заявление.

— Да? А почему один, без Калишера?

— Он уже там.

— Странно. Что вы собираетесь сказать, Фрэдди?

— Все, что надо.

— Я пойду с вами.

— Стоп, Артур, — остановил его Кларк. — Не надо.

— Почему? Вы все время что-то от меня скрывали, а ведь вы выступаете и от моего имени, — сказал Хольц.

— Никогда не выступал от имени нациста, — соврался Кларк, тут же пожалел об этом, но было поздно.

Хольц побагровел:

— Я — нацист?! Ах ты выродок! Да ты пиво пил, когда я с фашизмом дрался, в концлагере сидел!

— Легче, легче. В лагере Гроссригг сидела моя Инга.

— Ну и что?!

— А то, что она попала туда раньше вас, а номер у нее на руке на несколько тысяч больше вашего... Вы накололи его себе сами, уже после войны... чтобы спасти свою шкуру... но в спешке... не посмотрели в учетные книги... Правда ведь?

— Я воевал во Вьетнаме, — сказал Хольц гораздо сдержаннее. — Америку вашу защищал... А вы в это время всякой сволоте сочувствовали, которая «дойлой войну!». Вы думаете, я не знаю?! Из-за таких, как вы!..

— Ну вот что. Идите к себе и собирайте вещи. Молча. Иначе я скажу о вашем номере, защитник Америки, — Кларк дотронулся пальцем до запястья руки, — в своем выступлении по радио. Ясно?!

— Да что вы, Фрэдди... Это какая-то ошибка... Я просто изнервничался... Да идите вы куда хотите... — Ну!

Хольц повернулся и ушел, не оглядываясь.

А Кларк направился к выходу, где его ждали Максвелл и часовой.

Двое солдат, стоявшие на улице, преградили дорогу Максвеллу и Кларку. Но часовой произнес несколько раз слова: «американ» и «радио» — и показал пальцем в потолок.

Солдаты взяли под козырек, стукнули каблучками, снова встали на свои места.

Из комнаты, где лежал Астахов, вышел Морр. Оглядел удивленно пустой холл, ожидая увидеть Максвелла, Кларка, Игоря. Их не было. Обернулся к часовому — и его нет. В беспокойстве бросился к двери. Его задержали двое часовых, дежурившие с наружной стороны.

— Где? — спросил Морр в беспокойстве, помогая себе жестами. — Кларк и Максвелл — журналисты! Где? — Он говорил громко, как каждый человек, которого не понимают.

Один из солдат показал в сторону радиостанции.

— Радио. Американ. — И ткнул пальцем вверх.

— Первыми?! — возмутился Морр. — Да как же это... ведь мы все вместе!..

Он бросился к окну и увидел, как Максвелл и Кларк в сопровождении часового входили в здание радиостанции. Охранник у входа отдал Кларку честь и стукнул каблучками, строго выполнив распоряжение Калишера.

Директор ЦРУ снял трубку телефона прямой связи с Белым домом.

— Да, сэр! — ответил помощник президента.

— Билл, я не хочу беспокоить президента... — начал директор как можно более равнодушно.

Но помощник перебил его:

— Он сейчас занят.

— Тем более. Но если у него будет возможность включить радио, то он скоро услышит своего любимого Фрэдди Кларка, который от имени всей группы разоблачит клевету об участии ЦРУ в восстании на острове Баланг.

— Когда включать радио?

— Кларк выступает в девять утра по времени Баланга завтра. Это значит, — директор посмотрел на часы, — сегодня в десять вечера по вашингтонскому. Через пять минут.

— Я немедленно доложу. Только что от президента ушел русский посол.

— Жаль. Русскому невредно было бы послушать о том, как некий русский полковник по фамилии Павлов держал в руках правительство Гранатовых островов...

Игорь подошел на расстояние трех или четырех шагов к двери в номер, где находились Катлен и Калишер. Двое солдат, пригнувшись к замочной скважине, все еще пытались рассмотреть или услышать, что происходит внутри. Игорь понимал, что сейчас все его действия бессмысленны, но ему очень хотелось разметать часовых, ворваться в комнату и... Что — и? Избить? Убить обоих? Явиться эдаким укором «совести»?.. Глупо.

Его заметил один из солдат. Круто обернулся, вскинул автомат, щелкнул предохранителем и пошел вперед. Второй часовой остался у двери.

Игорь не ожидал такого оборота дела. Дуло автомата было направлено ему прямо в живот. Он вдруг ощутил пустоту и холод в том месте, куда смотрела черная дырочка. Шаг за шагом он отступал до самой лестницы. Не заметил ступенек, упал.

Часовой ухмыльнулся и спокойно пошел обратно.

Игорь поднялся и стал медленно спускаться вниз, в холл.

Увидев его, Морр посмотрел на часы. Так, Катлен еще у Калишера. Понятно. Он усмехнулся:

— Вас-то, оказывается, тоже обманули...

Игорь ничего не ответил.

— Эта сука зарабатывает сейчас право первой телеграммки насчет русского шпиона. Все подленько кругом... от этой шлюхи до вашего папули или кем он там приходится вам, этот подонок.

Игорь бросился на Морра, ударил кулаком в лицо, вложив в удар всю ненависть, всю обиду...

Из комнаты Астахова вышла Мэри:

— Игорь!

Игорь обернулся:

— Он умер...

Калишер, устроив на лице улыбку, подошел к Катлен и обнял ее. Но неожиданно рывком выхватил ключ и бросился к двери.

— Стойте, — задохнулась Катлен, — вас убьют.

Калишер обернулся. Спросил грубо:

— Кто? Что за глупости?

— Я не хотела выдавать друзей, — торопливо говорила Катлен.

— Кто?

— Но нам всем будет хуже, если они это сделают. Я не хочу крови...

— Я спрашиваю — кто?! — заорал Калишер.

— Я думала задержать вас своими средствами, но не получилось...

— Ну!

— Часовой там внизу вместе с Хольцем...

— С Хольцем?!

— Дайте воды... И Морр... Теперь они и меня убьют...

— Откуда вы взяли?

— У них план...

— Говорите! — рывкнул Калишер.

Вместе с Максвеллом и часовым Кларк вошел в студию местной радиостанции. Ее оператор — американец в военной форме, — вытянувшись, отдал Кларку честь.

— Скорей, скорей, — сказал он. — Осталась минута. А где мистер Калишер?

Максвелл ответил за Кларка:

— Приказал начинать без него.

Оператор недоверчиво посмотрел на Максвелла,

но присутствие с детства знакомого Кларка действовало на него успокаивающе. Он быстро повернул какие-то ручки. Кларк внимательно следил за его действиями.

— Давайте пленку, — сказал оператор.

— Никогда не работаю в записи, — ответил Кларк.

— Хотя да, я знаю, — улыбнулся оператор. — Объяснить или сами?

— Сам.

Оператор пустил на проигрывателе пластинку.

— Это что? — удивился Максвелл.

— «Последнее танго». Приказано поставить. Для эмоционального воздействия.

Кларк кивнул:

— Ставьте.

Он уверенно взял в руки микрофон. Оператор взглянул на часы, поднял руку и начал отсчет:

— Пять, четыре, три, два, один, ноль. — Вспыхнула на стене надпись: «Эфир. Микрофон включен», на крутящуюся пластинку опустилась игла, послышались звуки «Последнего танго».

И немедленно часовой ударил оператора ребром ладони по шее. Тот без звука упал. Максвелл встал к пульту управления.

— Внимание! Говорит Баланг! Слушайте все! У микрофона Фрэдди Кларк, — начал свою передачу Кларк, и звук его голоса, усиленный тысячами ретрансляционных станций, разнесся по всему миру.

— Я нахожусь в Баланге. Я хочу рассказать вам о том, что произошло и происходит здесь, на этом острове.

Кларк говорил с трудом, с долгими паузами между фразами...

...За столом в салоне крейсера, где шло совещание, Седьмой, оперевшись руками о стол, набычившись, слушал.

В главном кабинете ЦРУ возле радиоприемника стояли директор и его сотрудники.

— Ну, поздравляю вас, господа! — сказал директор. — Все-таки молодец Калишер! Не зря мы его послали.

Слушали журналисты в агентстве, где работал Морр.

Слушал председатель Совета Безопасности.

Слушал представитель Республики Гранатовых островов, который выступал на заседании Совета в самом начале нашей истории.

Крутились сотни, а может быть, тысячи магнитофонов, записывая речь Кларка.

В холле отеля застыли у радиоприемника Стэннард и Хольц. Мэри прислонилась к косяку двери. Из комнаты, где лежал отец, вышел Игорь...

Морр вытирал кровь на губе, бормотал:

— Вот сволочь двуязычная. Опять обскакал всех. Вся слава ему, все деньги. Ненасытная тварь!..

— Я всегда старался говорить вам правду, — сказал Кларк. — Не всегда это получалось. Мне особенно трудно сказать правду сегодня...

Игорь вышел на кухню, через черный ход прошел в сад и направился к уютной плетью каменной стене, огораживавшей территорию отеля...

— Назад! Руки шея! — вдруг раздался с лестницы в холле резкий крик. Двое солдат, которые охраняли Калишера, стояли на ступеньках, направив автоматы на журналистов.

Те, удивленные, подчинились приказу.

И сейчас же по лестнице скатился Калишер. В руке у него был пистолет.

— Хольц и Морр — туда! — скомандовал он хрипло, показывая на дверь в комнату Астахова. — Все за дверь!..

Журналисты, ничего не понимая, попятнулись.

— Где Кларк?

— Как где? Вот он! — Пораженный Морр успел показать на радиоприемник.

— Не народ этой страны устроил мятеж... — звучал голос Кларка. — Это Питер Калишер, мой соотечественник, агент Центрального разведывательного управления, и те, кто послал сюда вместе с ним американских парашютистов, американскую морскую пехоту, американские самолеты и американское снаряжение...

— Все, — сказал Калишер. — Конец кретина.

— Пошли вторые сутки этого вторжения, — продолжал Кларк. — Я выступаю сегодня в надежде, что будет отдано распоряжение немедленно прекратить эту затею, отозвать войска, иначе будет поздно, возникнет второй Вьетнам и, может быть, третья мировая война...

Огромный вертолет на бреющем полете пронесся над зданием радиостанции. Солдат в шлеме с наушниками и в летных очках, закрывающих половину лица, пробормотал из спаренного крупнокалиберного пулемета всю стену здания, крышу, сорвал жалюзи. Вниз, на землю, будто при горном обвале, поползла, посыпалась красная черепица.

Часовые, охранявшие радиостанцию, бросились врассыпную.

Игорь выскочил на улицу через подземный лаз в стене и, воспользовавшись замешательством, перебежал на другую сторону и скрылся в подезде только что обстрелянного дома радиостанции...

Из отеля сквозь разбитые окна радиостанции, с которых пулями были сорваны жалюзи, стала вдруг видна комната-студия. Виден стал Кларк с микрофоном, виден Максвелл у пульта передатчика. Видно было, как часовой открыл дверь, и к ним присоединился Игорь. Часовой дал ему в руки автомат, взятый, вероятно, у оператора студии, который все еще лежал на полу.

К радиостанции подскочил «джип». Из него выскакивали американские солдаты, на ходу стреляя по окнам, откуда говорил Кларк.

Падали разбитые стекла, отлетела штукатурка, на потолке над Кларком в испуге юркнула в щель ящерица.

Кларк продолжал говорить в микрофон. И голос его, набирая силу, продолжал звучать в слушающем мире:

— Вы слышите выстрелы. Стреляют по мне мои соотечественники. Стреляют мои и ваши враги, стреляют из оружия, присланного сюда из моей страны.

Директор ЦРУ — с лицом серым, постаревший за эти минуты на десяток лет, повернулся к сотрудникам, которые специально собрались в его кабинете, чтобы послушать выступление Кларка.

— Срочно передать по радио Седьмому: стрельбу немедленно прекратить. Отозвать всех! На свертывание операции «Глобус» дается один час.

— Открытым текстом? — ужаснулся помощник.

— Открытым.

— ...Мы, шестеро журналистов, были свидетелями трагедии на Баланге, — продолжал Кларк, — не все из нас оказались сильными до конца. Я тоже оступился, но сейчас я говорю правду, только правду, ничего, кроме правды. Как тридцать пять лет назад, в джунглях этой же страны... Фашизм рождается на маленьких сделках с собственной совестью...

В холле отеля у окна стоял обессиленный Калишер, смотрел на противоположную сторону улицы. Ему было видно, как из окна радиостудии отстреливался из автомата часовой, который привел на радио Кларка и Максвелла. Видно было, как к часовому присоединился Игорь — тоже с автоматом в руках. Калишер видел, как, держа микрофон в руках, все еще продолжал говорить Кларк.

В холл вошел Хольц, увидел в руке Калишера пистолет, сказал:

— Вам бы стоило застрелиться...

Калишер ответил почти спокойно:

— Не заряжен.

— Жаль, — сказал Хольц, — а то бы я... Он взял пистолет из рук Калишера, поднял и, прицелившись через улицу в Кларка, которого было видно сквозь разбитое окно, нажал курок. Раздался выстрел.

Микрофон выпал из рук Кларка, и сам он медленно повалился на стол. К нему бросился Максвелл.

— Вы же сказали — не заряжен... — пожал плечами Хольц и, вернув пистолет оторопевшему Калишеру, прошел в комнату, где сидели журналисты.

— Что там? — спросил Стэннард.

— Почему он замолчал? — спросил Морр.

— Не знаю, — ответил Хольц. — Может быть, ранен. Мне будет жаль Кларка, если что. Он все-таки стоящий мальчик. Ему действительно можно было доверить зубную щетку...

Стрельба на улице прекратилась совершенно неожиданно.

Американский сержант, выслушав какое-то распоряжение по «уоки-токи», кричал:

— Назад... Назад! По машине!.. Конец!

И складывал перед лицом руки крестом.

На радиостанции микрофон взял в руки Максвелл.

— Говорит Гарри Максвелл. Только что убит Фрэдди Кларк. Пуля попала ему в затылок. Так стреляли в гитлеровских лагерях смерти... Мы найдем, кто убил его. Я обещаю вам. Мы найдем...

С микрофоном в руке Максвелл подошел к часовому и Игорю, стоявшим у окна. Они уже не стреляли. Было видно, как на улице американские солдаты быстро садились в машины, вскакивали в них уже на ходу. За ними бежали солдаты из местных... Некоторые на бегу стаскивали с себя военную форму, бросали в пыль автоматы...

Пластинка на проигрывателе продолжала крутиться, передавая в эфир «Последнее танго».

Несколько черных одинаковых лимузинов на большой скорости неслись по шоссе Гранд Сентрал, ведущему от аэропорта Кеннеди к Манхэттену. Впереди уже был виден растущий спичечный коробок здания Организации Объединенных Наций над Ист-ривер.

В салоне одной из машин Морр наклонился к Максвеллу:

— Я думаю, мы должны держаться одной линии, Гарри... Все герои. Одинаково.

Максвелл пожал плечами довольно равнодушно.

— Бери пример с Кларка. Он не сказал по радио ни одного плохого слова ни об одном из нас...

Максвелл молчал.

— Смотри, а то ведь заключаем, братец, героя-одиночку, заключаем... — И Морр улыбнулся дружелюбно, показывая, что он, конечно, шутит...

В Совете Безопасности шло заседание. Перед микрофоном выступал делегат, возле которого стояла деревянная табличка с надписью: «Советский Союз».

— В заключение я хочу сказать вот о чем. Мир только что выкарабкался из тяжелого кризиса. Он продолжался всего два дня. Но это, как короткое замыкание в сплетении проводов, — от него мог вспыхнуть всеуничтожающий огонь. К счастью, на этот раз не вспыхнул. Но мир серьезно озабочен действиями тех сил в Америке, которые за спиной народа считают возможным идти на такие опасные, преступные международные авантюры. Наш мир — очень плотное сообщество. В нем давно уже нет далеких островов, на которых можно поиграть с огнем без риска вызвать мировой пожар. В мире нет чужих островов, нет чужих войн, как нет и не бывает чужого горя... Спасибо за внимание.

На лице оратора остановился крестик оптического прицела. Это Хольц из кабинета фотокорреспондентов снимал заседание Совета.

— Мне чрезвычайно понравилась мысль советского делегата, — сказал в микрофон председатель Совета. — «В нашем мире нет чужих островов, чужих войн и чужого горя». Истинность этих слов доказали, кстати говоря, славные журналисты, честность и смелость которых помогли ликвидировать это короткое замыкание. Я еще раз хочу назвать их имена. Гарри Максвелл!..

Раздались аплодисменты. Гарри поднялся с места, и лицо его попало в крестик видеоискателя Хольца. Щелкнул затвор камеры.

— ...Катлен Габю!

Она поднялась со своего места. Улыбнулась аплодисментам. В глазах ее стояли слезы.

— ...Эдвард Морр!

Эдвард стоя поднял вверх переплетенные в благодарном пожатии руки, раскланялся.

— ...Джон Стэннард!

Стэннард поднялся, развел руками, отвечая на аплодисменты, сел.

— ...Артур Хольц!

Люди в зале крутили головами в поисках фотокорреспондента.

— Вон он, в кабине для фотографов, — подсказал председатель.

Хольц помахал оттуда рукой. Лицо, как всегда, оставалось невозмутимым.

— ...Ну и, конечно, Фрэдди Кларк. Великолепный человек, великолепный репортер. Трагически погибший Фрэдди Кларк. Одна из жертв кризиса, который удалось преодолеть...

Хольц навел крестик видеоискателя на портрет Кларка, висевший на стене... Щелкнул затвором...

У дверей в зал, где проходило заседание, толпились дети. Обыкновенная ооновская экскурсия. Один из мальчишек дернул за косичку стоящую перед ним девочку. Та мгновенно обернулась и со счастливым улыбкой с размаху стукнула связкой книг другого мальчишку по голове...

КОНКУРС «СМЕНА-79»

(Окончание. Начало см. в №№ 11—14, 16—18, 20—23 журнала).

ДВЕНАДЦАТЫЙ ТУР

Кооперативный мат в 5 ходов (3 очка).

Обратный мат в 12 ходов (3 очка).

Ход черных. Каким результатом должна завершиться игра при наилучших действиях обеих сторон? (4 очка).

Жюри напоминает, что решение каждого задания нужно давать на отдельной почтовой карточке (без конверта) в сокращенной шахматной нотации вариантами, а не словесными доказательствами.

Заломните, пожалуйста, что открытки с ответами на задания заключительного тура конкурса следует посылать в адрес нашей редакции в период с 15 января по 10 февраля 1980 года (по штемпелю отправления).

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Подведены итоги 21-й шахматной олимпиады журнала «Смена». В 1979 году на это традиционное заочное соревнование от наших читателей было получено более 21 тысячи писем из разных районов Советского Союза и из социалистических стран. По результатам олимпиады в целом и ее классификационных турниров 9720 человек впервые получили или повысили спортивные разряды по шахматам. Жюри выслало им соответствующие справки.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБИЛИНСКОГО

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1979 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Киму АНДРЕЕВУ — за статью «Не хочу так работать» (№ 17)

Виктору АСТАФЬЕВУ — за литературный этюд «Зрячий посох» (№ 6)

Александру БОРЗУНОВУ — за статью «Слово об эксперименте» (№ 9)

Валерию БЫКОВСКОМУ — за очерк «Космическая премьера Зигмунда Йена» (№ 19)

Овидию ГОРЧАКОВУ — за рассказ «Бинго» (№ 20)

Адольфу ДИХТЯРЮ — за очерк «Степная баллада» (№ 5)

Леониду ЖУКОВИЦКОМУ — за статью «Трудные уроки» (№ 15) и очерк «Куршская коса» (№ 21)

Станиславу ЗИГУНЕНКО — за репортаж «Живой махолет» (№ 24)

Надежде КОЖЕВНИКОВОЙ — за рассказ «Взрослые мысли девятиклассника Рябкина» (№ 15)

Вениамину КОСТИГИНУ — за иллюстрации к литературным произведениям (№№ 4—6, 8, 12, 13, 20, 24)

Юрию МАКАРЦЕВУ — за очерк «Тихий омут» (№ 4)

Леониду МАРТЫНОВУ — за подборку стихов (№ 11) и рассказ «Являные птицы ундервуд» (№ 21)

Петру НЕФЕДОВУ — за поэму «Как никогда он счастлив был» (№ 11)

Леониду НЕЧАЕВУ — за повесть «Светлой осенью, нечаянной весной...» (№ 11)

Лене и Борису НИКИТИНЫМ — за статьи «...И дети воспитывают нас» (№ 7), «Диалектика воспитания» (№ 12)

Виктору ПЕРЕВЕДЕНЦЕВУ — за статью «Кто нужен Северу» (№ 10)

Станиславу РОМАНОВСКОМУ — за рассказ «Вятский рынок» (№ 17)

Юрию РЮРИКОВУ — за серию статей о любви (№№ 1, 3, 23)

Валерию СМИРНОВУ — за иллюстрации к литературным произведениям (№№ 6, 10, 16, 19)

Василию СУХОМЛИНСКОМУ (посмертно) — за публикацию «Письма к сыну» (№№ 15, 17, 21, 24)

Станиславу ТОКАРЕВУ — за очерк «Какие они дети — им по четырнадцать уже!» (№№ 15—16)

Вячеславу ШУГАЕВУ — за эссе «Смиреница моя» (№ 6)

Людмиле ЦИПАХИНОЙ — за подборку стихов (№ 17)

Владимиру ФРАНИУКУ — за документальную повесть «Гидрошахта» (№№ 2—3)

Андрею ЯХОНТОВУ — за рассказ «Ветер с юга» (№ 5)

ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАТЕ ЗАЛКИ, учрежденная правлением и парткомом колхоза имени видного писателя-интернационалиста, присуждена журналисту-международнику Андрею ЛЕВИНУ — за очерки «Кровавые иероглифы Пекина» (№ 8) и «Анатомия одного преступления» (№ 18).

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Лауреатами 21-й олимпиады стали ее участники, набравшие по 112 баллов из 120 возможных и разделившие первое — четвертое места. Это Раймер ЛУТЦ, работник комбината строительных изделий из г. Лейпцига (ГДР), Владимир САРЧАКОВ, врач-ординатор из г. Абакана Хакасской автономной области, Виктор ТРУШИЛИН, рабочий шахты «Красный Профинтерн» из г. Енакиеве Донецкой области, Сергей ШИНКАРЕВ, горный мастер из

пос. Заозерный Целиноградской области. В группу победителей также вошли еще 28 товарищей: Виктория АРТАМОНОВА, студентка Киевского университета — 111 баллов; Валерий КОБЕЦ, инженер-конструктор Института ядерной физики Сибирского отделения Академии наук СССР (г. Новосибирск), Валерий ОЧИРОВ, шофер производственного объединения грузового автотранспорта (пос. Яшкуль, Калмыцкая АССР),

Ольга РЕЙФМАН, корректор (г. Львов) — по 109 баллов; Валерий КУЛАКОВ, проректор Иркутского университета, Юрий МАЛЬКОВ, плотник (ст. Беркамит, Якутская АССР) — по 108 баллов; Александр АРТЕМЬЕВ, начальник цеха текстильной фабрики (г. Омск), Александр КАЛИНИН, школьник-пятиклассник (пос. Ватутинки-1, Московская область), Татьяна КРИМЕРМАН, студентка горно-металлургического института (г. Магнитогорск), Борис ПТА-

ШИНСКИЙ, моторист (пос. Крутые Горки, Омская область), Иван РУДАКОВ, инженер-программист (г. Кузнецк, Пензенская область) — по 107 баллов; Виктор ВЕНЦ, слесарь мебельной фабрики (г. Ишимбай, Башкирская АССР), Сергей ЕРЕМИН, старший инженер комплексной геофизической экспедиции (пос. Кочкор-Ата, Ошская область, Киргизская ССР), Тагир КАСИМОВ, рабочий (г. Стерлитамак), Юрий ОВЧИННИКОВ, учитель английского языка (г. Первоуральск), Ярослав ХРУЛЕВ, работник завода «Красный маяк» (г. Ярославль) — по 106 баллов; Николай ВОЛКОВ, инженер (г. Воронеж), Кудбуди ГАДЖИЕВ, школьник-девятник (г. Каспийск, Дагестанская АССР), Василий КОЛПАКОВ, геодезист культураторного завода (г. Грязи, Липецкая область), Юрий КОСЯКОВ, инженер турбостроительного завода (г. Сызрань), Яков КОХ, инженер энергоуправления (г. Копейск, Челябинская область),

Александр ЛУЧИСКИЙ, педагог (пос. Корнешты, Молдавская ССР), Максим ЛЮБОМУДРОВ, экономист совхоза «Реконструктор» (г. Ростов-на-Дону), Станислав МИЛЮТА, пианист (г. Минск), Владимир МИХЕНКО, водитель автобуса (г. Темрюк, Краснодарский край), Сергей ПЕТРОВ, инженер (г. Ленинград), Валентин СКРЯБИН, доцент Института механизации сельского хозяйства (г. Мелитополь), Леонид ШМАКОВ, учитель музыки (пос. Павловск, Алтайский край) — по 105 баллов. Редакция благодарит всех любителей шахмат, принявших участие в 21-й олимпиаде, горячо поздравляет ее победителей и награждает их (а также 143 наиболее активных организатора массовых турниров новичков) специальными дипломами и фотоснимками выдающихся советских гроссмейстеров. Ждем вас, дорогие друзья, на старте нашей новой, 22-й олимпиады, которую «Смена» откроет в январе 1980 года!

Р. ЛУТЦ

В. САРЧАКОВ

В. ТРУШИЛИН

С. ШИНКАРЕВ

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.11.79. Подписано к печати 20.11.79. А 07953. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1142000 экз. Изд. № 2824. Заказ № 1505. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПЕСЕНКА ПРО МЕНЯ

Кто, не знаю, распускает слухи зря,
 Что живу я без печалей и забот,
 Что на свете всех удачливее я
 И во всем
 И всегда
 Мне везет.

Припев:

Так же, как все, как все, как все,
 Я по земле хожу, хожу
 И у судьбы, как все, как все,
 Счастья себе прошу.

Вы не верьте, что живу я
 как в раю
 И обходит стороной меня беда—
 Точно так же я под вечер устаю,
 И грущу,
 И реву
 Иногда.

Припев.

Жизнь меня порой колотит и трясет,
 Но от бед известно средство мне
 одно—

В горький час,
 когда смертельно не везет,
 Говорю,
 Что везет
 Все равно.

Припев.

МУЗЫКОГРАФИЯ

Музыка Александра ЗАЦЕПИНА.
 Слова Леонида ДЕРБЕНЕВА

КРОССВОРД

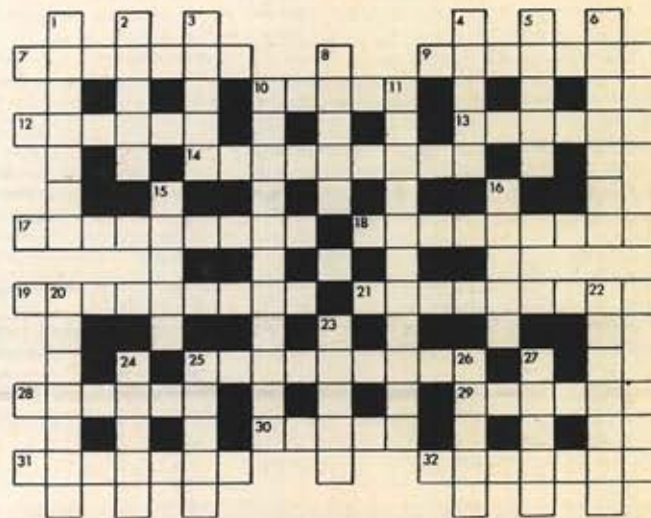
Составил А. ФАЗАНОВ,
 Москва

По горизонтали:

7. Песня А. Пахмутовой. 9. Советский космонавт. 10. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 12. Струнный инструмент, распространенный среди американских негров. 13. Норвежский исследователь Арктики. 14. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 17. Стиль вокального исполнения. 18. Поэт-декабрист. 19. Город в Крыму. 21. Диск со звуковой записью. 25. Картина художника-передвижника В. Е. Маковского. 28. Одежда оленеводов Севера. 29. Род волынки у чувашей. 30. Французский живописец, деятель Парижской Коммуны. 31. Южное дерево с плодами в виде орехов. 32. Город в Румынии.

По вертикали:

1. Французский поэт-песенник. 2. Форма музыкального произведения. 3. Минерал, разновидность граната. 4. Лирическая песня молдаван. 5. След, проложенный по снегу. 6. Композитор, дирижер, основоположник итальянской скрипичной школы. 8. Опера А. Н. Серова. 10. Рассказ А. П. Чехова. 11. Формулировка, раскрывающая сущность понятия, явления. 15. Эстрадная пьеса шуточного содержания. 16. Стихотворение С. Есенина. 20. Этюд для пения без слов. 22. Башенные часы. 23. Длиннохвостый попугай. 24. Звездное скопление в созвездии Тельца. 25. Кондитерское изделие. 26. Балет В. А. Власова на тему повести Ч. Айтматова «Топлек мой в красной косынке». 27. Балет И. Ф. Стравинского.

ОТВЕТЫ
 НА КРОССВОРД,
 НАПЕЧАТАННЫЙ
 В № 23

По горизонтали:

7. Баргузин. 8. Литейщик. 10. Пантагрозль. 11. Мартос. 14. Сценка. 16. Волноваха. 17. «Гармонь». 18. Биатлон. 20. Березовка. 22. Карнай. 24. Амбала. 28. Сурдокамера. 29. Тургенев. 30. Стандарт.

По вертикали:

1. Фарада. 2. Губанов. 3. Кисть. 4. Виллой. 5. Теплица. 6. Кибрик. 9. Егоров. 12. Ротатор. 13. «Соловей». 14. Схватка. 15. Находка. 19. Азбука. 20. Бакулев. 21. Амирани. 23. Арктур. 25. Литера. 26. Адуев. 27. Смета.

ШАХМАТЫ

Приводим краткие решения олимпиадных позиций.

Первый тур—1. Ch4 Kp3 2. Фс1Х; 1. d8Л Kp7 2. f8КХ; 1. Cf3 a1Ф 2. a8Ф h1Ф+ 3. С:h1 Фа8 4. Лe1+ Kp2 5. Ce4 Фа1 6. Лb1 Фа4 7. Лh1Х; 1. Фd3 fe 2. fe Лe4 3. Фf3 Фf5 4. С:e4 С:e4 5. Ф:f5+ ef 6. d7±; 1. ...Kf4 2. gf Л:f4 3. Фb3 Л:f3±.

Второй тур—1. Ce5 Kp:d5 2. Kp:d7 Kp:b4 3. Cc3X; 1. Le2 (побочное решение 1. Kf7 устраняется добавлением белой пешки на «b3») de 2. d4 h3 3. Kf7X; (при перестановке черного слона на поле «f8») 1. Ch6 Ф:h8 2. d8Ф Ф:d8 3. С:g5+ Ф:g5 4. Kf3+ K:f3±; 1. ...Cg5 2. h4 Cd8 3. Kp:h3 Фh1+ 4. Фh2 Фf3+ 5. Фg3 Фf1+ 6. Kp:h2 Фh1X; 1. ...Kp6 2. Kp:f2 Cg8 3. Kp:e2 Ch7 4. Kp:e3 Kp:e7 5. Cc6 g5 6. Cd5 Cg6 7. Cc6 Cf7 8. Kp:f2 Ce6 9. Cb5 g4 10. fg C:g4 11. Kp:e1 Kp:f6 12. Kp:d2 Kp:g5 13. Ce6 Cf3 14. Cd7±.

Третий тур—1. Cb5 b6 2. Ca4 b5 3. Kp:c1 ba 4. Kp:c2 a3 5. Kp:c1 a2 6. Kc2X; 1. Kp:g5 Ф:d5+ 2. Kp:f6 Фb6+ 3. Ke6X; 1. Kp:d7 Kp:f4 2. Kp:e7 Kp:e5 3. Kp:f8 f4 4. Kp:g7±; 1.

Cc8 C:c8 2. Фh7 f6 3. C:h6 gh 4. Kh4±; 1. ...fe 2. Л:e4 Л:f3 3. Ф:f3 Cf8 4. Лe3 Ф:f3 5. Л:f3 Лe1+ 6. Лf1 Л:f1+ 7. Kp:f1 b5p.

Четвертый тур—1. Kp:c2 a2 2. Fe4+ K:e4 3. fe+ Kp:d4 4. Kc6X; 1. e4 Лc5+ 2. Ф:c5+ Kd5 3. Фd4X; 1. Fe5 Фа5+ 2. Kp:a5 Kp:b7 3. Фb2+ Кра7 4. Фb8+ Kp:b8 5. Кра6 e1Ф 6. e7 Фа5+ 7. Kp:a5 Kp:b7 8. e8Ф e2 9. Фа8+ Кра8 10. Кра6 e1Ф 11. g7 Фа5+ 12. Kp:a5 Кра7 13. g8Ф Kd2 14. Фа8+ Kp:a8 15. Кра6 K:c4 16. f6 Ke5 17. f7 K:f7 18. a5±; 1. ...Kf2+ 2. C:f2 Фh3+ 3. Kp:g1 Фg4+ 4. Cg3 Фg3+ 5. K±. 1 Ф:h4+ 6. Kp:g1±; 1. ...C:e4 2. fe K:c4 3. Л:d8 Л:d8 4. C:c5 Фc5+ 5. K:e3 Лd3±.

Пятый тур—1. Фb2+ Kp:d2 2. Kf3+ Л:f3 3. c3+ Kp:d3 4. Kf2+ Л:f2 5. Cb1+ Лc2 6. Фc1 Kb3X; 1. e1Л Cd3 2. c1C Cb1 3. g1K Ca2 4. Ke2 Cb3X; 1. a8C+ Kp:c8 2. b7+ Kp:d7 3. Фd5+ Kp:e7 4. Fe5+ Kp:f8 5. Ф:g7+ Kp:g7 6. h8C+ Kp:f8 7. g7+ Kp:f7±; 1. Kc3 Лa3 2. Лa3 Лa3 3. K:d5 Фf1+ 4. Cg1 Лa1 5. Фа1 Фа1 6. Kb6±; 1. ...Kg3+ 2. fg Ф:f1+ 3. Лf1 Лb2 4. ef hg 5. Л:g3 gf 6. Л:f6 K:d4 7. K:d4 Л:d4±.

ХИРОСИМСКИЙ АПОКАЛИПСИС.

ХИРОСИМА.
КОСТЕР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

И В ПАМЯТИ, И В СЕРДЦЕ

В Набережных Челнах на проспекте имени Мусы Джалиля возвышается мемориал Славы, посвященный героям гражданской и Отечественной войн, — «Мать Родина». Создан он по проекту молодого скульптора Ильдара Ханова, имя которого хорошо известно в Татарии. Идея создания памятника принадлежит молодежи города, предложившей скульптору увековечить славу отцов к 30-летию Победы. И когда проект был готов, комсомольцы своими руками воздвигли мемориал на одном из красивейших проспектов.

Поднятый над площадью глыбой цоколя, мемориал Славы отличается поразительной красотой. Удивительна сила, с которой передана его героическая тема. Лицо скорбящей женщины — символ Родины, — высеченное из камня, словно отрывается от боковых граней, в которые намеренно асимметрично вписаны суровые лица героев. Мемориал огромен, но, рассеченный на множество граней с вписанными в них фигурами бойцов, он словно движется и в то же время органичен с этой землей — матерью героев.

Увлечение изобразительным искусством пришло к Ильдару рано. Учился в детской художественной школе, затем поступил в Московский государственный

художественный институт имени В. И. Сурикова. В студенческие годы заинтересовался древнерусским монументальным искусством, искусством Древнего Египта, Мексики, Японии. Это оказало влияние на скульптора. В самом начале творческого пути у Ильдара появилась тяга к монументально-пространственному решению композиций.

Ильдари Ханову близка военная тема. Его детство пришлось на годы войны, и воспоминание об этих тяжелых и героических днях сохранилось и живет в сердце Ильдара. Мужеством и героизмом советского народа вызваны к жизни произведения молодого мастера. В них проявляется творческая зрелость взглядов художника на цели и задачи искусства, ответственность за время, в которое мы живем.

В планах на будущее у Ильдара — памятник строителям КамАЗа, который должен воспеть трудовой, мирный подвиг на Каме. Такой замысел естествен для Ханова. Памятник строителям — воплощение идеи победы жизни, победы мира над войной, и решается она как мечта современного человека и как его воля сделать ее явью.

Лия ЗАВЬЯЛОВА

ВЬЕТНАМ НЕ СДАЕТСЯ.

РАССТРЕЛ.

АВТОПОРТРЕТ.